

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ

ОБЪЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ
VERSUS
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТИВИЗМ

Донецк - 2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра философии (ДНР - РФ)

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»
кафедра философии; каф. правовых и политических наук (ДНР - РФ)

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
кафедра истории философии и культуры (г. Воронеж, РФ)

Серия "Социально-гуманитарные исследования
учёных Донбасса"⁹

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ

**ОБЪЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ
VERSUS
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТИВИЗМ**

X-я Всероссийская научная
конференция с международным участием

19 апреля 2024 года

Выпуск 10

Донецк-2024

УДК 930.1(063)
ББК 60.03
М54

Редакционная коллегия:

Рагозина Т. Э., д. филос.н, доцент, зав. кафедрой философии, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет»; Дрожжина С. В., д. филос.н., профессор, ректор, ФГБОУ ВО «ДонНУЭТ имени Михаила Туган-Барановского»; Одинцова Е. А., к. юр. наук, доцент, зав. кафедрой правовых и политических наук, ФГБОУ ВО «ДонНУЭТ имени Михаила Туган-Барановского»; Сулимов С. И., д. филос.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Рекомендовано к печати Учёным советом факультета ФГБОУ ВО «ДонНТУ» 22 марта 2024 г. Протокол № 2.

М54 Методология познания истории: объективные механизмы развития versus политический проективизм : материалы всеросс. науч. конф. с междунар. участием, *19 апр. 2024 г.* / отв. ред. Т. Э. Рагозина. – Донецк : ДонНТУ, 2024. – 246 с. – [Серия «Социально-гуманитарные исследования учёных Донбасса»].

Материалы сборника освещают широкий круг вопросов социально-философского, историко-культурного, социально-политического, гуманитарного характера, связанных с осмыслением актуальных проблем развития человека, общества и культуры в современном мире.

Сборник рассчитан на научных сотрудников, преподавателей высшей школы, аспирантов, магистрантов, студентов и читателей, которых волнуют философские проблемы.

УДК 930.1(063)
ББК 60.03

СОДЕРЖАНИЕ

I. Объективные механизмы развития versus политический проективизм: методологические и социально-политические аспекты

Рагозина Т. Э.	Можно ли написать либретто всемирной истории?	7
Виммер Каролус	Капиталистический кризис и поражения прогрессивных и левых правительств в Латинской Америке	17
Бардаков А. И.	О перспективах поиска путей политического развития России	26
Коппе Ренате	Разрушение исторической памяти как политическое оружие	34
Хюсер Александр	«Декolonизация»: исследования Восточной Европы	42
Гижа А. В.	О некоторых метаморфозах социально-философской мысли: партийность и/или приспособленчество?	52
Кухтин М. М.	К вопросу о философских основаниях альтернативной истории	59
Давыденко Э. Н.	От формационного и цивилизационного подхода развития к многомерному подходу познания социально-исторической реальности ...	65
Соловьёва Р. П., Соловьёва Ю. М.	Социалистическая идея: теоретические аспекты и практическая реализация в мировом пространстве	73
Лустин Ю. М.	Историческое сознание как конструктивная форма познания общественных процессов	80
Ретинский С. Г.	Соотношение понятий «нация» и «цивилизация» в современной западной философии	88
Максименко А. В.	Антропологический принцип versus историзм: противоположность подходов в решении проблемы человека	95

Селюков С. А.	Разработка К.-Г. Юнгом концепции «архаического человека» в работе «Проблемы души нашего времени»	105
Демидов С. С.	Механизмы формирования и особенности влияния общественного мнения на социальные процессы	114
Горбачёв К. П.	Проблема происхождения и сущности государства в классической историко-философской и политико-правовой мысли	122

II. Объективные механизмы развития versus политический проективизм: историко-культурные и цивилизационные аспекты

Сулимов С. И., Черниговских И.В.	Мидизм vs патриотизм	130
Одинцова Е. А., Петрова Е. И.	Идеология потребительства как основная черта неолиберального общества	137
Армен А. С.	Социальная атомизация как противоречие современной цивилизации	144
Отина А. Е.	Гуманистический кризис современной европейской культуры: от «соперника Бога» до «смерти субъекта»	151
Измайлова Д. И.	Роль СМИ в процессах фальсификации исторической действительности	157
Ромадькина В.С.	Ценностные основы консолидации гражданского общества в Российской Федерации	163
Лукьянченко А.П	Культура и общество потребления в контексте кризиса человеческой индивидуальности	172
Нафанец Е. А.	Культурная и историческая память как способы устойчивого развития общества	180

Ширкова И.В.	Правовые аспекты развития интеллектуальной собственности в современных условиях	190
Горбатов Р. Н.	Цифровизация преступлений: настоящее или будущее	196
Пефтиев О. В., Кондратьев В. А.	Правовые основы механизмов государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей	206
Вилкова Н. А.	Роль правовых механизмов цивилизации в современном обществе	214
Власова Н. Н.	Влияние глобализации на межкультурную коммуникацию	224
Шагилов С. Ф. Быковская Г. А.	Преимущество традиционных российских ценностей в русле реализации программ фонда «Православная инициатива»	228
Ковалёва И. И., Писарева А. В.	Роль гуманитаризации образования в условиях глобального цивилизационного противостояния	234
Сведения об авторах	243

I. Объективные механизмы развития versus политический проективизм: методологические и социально- политические аспекты

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(д. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

МОЖНО ЛИ НАПИСАТЬ ЛИБРЕТТО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ?

***Аннотация.** Статья представляет собой попытку взглянуть на закономерности развития общественной истории людей через призму объективных отношений и противоречий современного общества, обосновав ограниченность притязаний политического проективизма как стратегии мирового капитала управлять человеческим сообществом в соответствии с определённым сценарием. В связи с этим автор задаётся вопросом: можно ли перехитрить всемирную историю, обойдя объективные законы её развития и заставив её осуществляться в соответствии с неким «проектом»?*

***Ключевые слова:** противоречия всемирной истории, история как объективный процесс, история как равнодействующая разнонаправленных интересов, политический проективизм.*

T. E. Ragozina

(Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

CAN YOU WRITE A LIBRETTO WORLD HISTORY?

***Abstract.** The article is an attempt to look at the patterns of the development of public history of people through the prism of objective relations and contradictions of modern society, justifying the limitations of the claims of political projectivity as a strategy of world capital to manage the human commu-*

nity in accordance with a certain scenario. In this regard, the author wonders: is it possible to outwit world history by bypassing the objective laws of its development and forcing it to be carried out in accordance with a certain "project"?

Key words: *contradictions of world history, history as an objective process, history as the result of multidirectional interests, political projectivity.*

Вопросы о сущности законов и движущих сил, управляющих ходом всемирной истории, с особой остротой вставали перед человечеством всякий раз, когда общество оказывалось на переломе эпох. Нынешняя переломная эпоха – не исключение.

Поэтому вопросы общефилософского свойства о сущности исторических изменений, не спрашивая нас, сегодня сами встают перед нами, получая мощный импульс от происходящего. И прежде всего это связано со следующими обстоятельствами: резкое обострение противоречий современного общества, вступившего в эпоху позднего капитализма, в очередной раз подвергает человечество в опасность силового переустройства мира, в опасность навязывания *глобализма* как такого миропорядка, который должен утвердиться в результате осуществления политического проекта «коллективного Запада» во главе с США, претендующими на роль мирового гегемона и единственного центра силы.

Всё это в немалой степени свидетельствует о возрастании в современной истории удельного веса *субъективного фактора*, который явственно обнаруживает себя в так называемом *проективном характере* многих процессов, инспирированных вполне конкретными силами как внутри отдельных государств, так и на мировой арене.

Именно эти обстоятельства актуализируют сегодня старый философский вопрос о сущности истории, заставляя экстраполировать его на современный этап развития. Сегодня он звучит так: означает ли факт *телеологии истории*, т.е. факт наличия объективно-целесообразного характера исторических процессов, обусловленный тем, что в истории действуют люди, наделённые сознанием и волей, – означает ли это, что на современном этапе истории основой развития выступают уже не объективные законы, а разного рода *проективизм* как главная движущая сила исторического развития? Означает ли это, что тот или иной ход развития истории является результатом успешной реализации чьего-либо *проекта* и что

история в целом осуществляется в соответствии с определённым сценарием?

В связи с этим старый философский вопрос о соотношении в истории объективных и субъективных механизмов развития, будучи преломлён через призму проективизма, сегодня получает прямо-таки экзотическое звучание, а именно: можно ли написать *либретто будущей всемирной истории?*

Ровно год назад на прошлой конференции со схожей тематикой мне уже довелось говорить о том, что эпоха позднего капитализма, которую сегодня переживает мир, есть эпоха исчерпания жизненного потенциала и сроков существования *капитала* как *конкретно-исторической формы организации* общественной жизни, поскольку капитализм вступил в фазу разрушения основ своего собственного существования [1, с. 15-16].

Индикаторами этого процесса служат следующие тенденции: 1) капитал, которому в период его становления и восходящего развития были жизненно необходимы сильные *суверенные национальные государства* как условие нормального функционирования *национальных рынков*, сегодня, в лице самых развитых в экономическом отношении стран, перешёл к планомерному разрушению вошедших в орбиту его интересов суверенных государств и их национальных экономик; кроме того, экономические интересы представителей крупного капитала, входящих в *наднациональные структуры*, всё больше входят в противоречие с интересами также и своих собственных национальных государств; 2) *верховенство права* уступило место *правилам* и *стандартам*, навязываемым в обход всех правовых механизмов: в первую очередь это касается *международного права*; 3) *свободная конкуренция* как главный принцип и механизм функционирования рыночной экономики сегодня оказалась неэффективным механизмом, вытесняемым силовыми методами в виде санкций; более того, *свободная конкуренция* как механизм регулирования рыночной экономики оказалась вместе с «Северными потоками» *взорвана* спецслужбами США – причём, в прямом смысле этого слова.

Стоит ли сомневаться, что капитал, вступая в фазу разрушения своих собственных основ и лишая себя условий своего эффективного воспроизводства, всё явственнее обнаруживает устойчивую тенденцию не только к сокращению своего жизненного про-

странства, но и к сокращению исторических сроков своего существования?

Стоит ли при этом сомневаться также в том, что *капитал*, вступив в фазу исчерпания своего жизненного потенциала, будет именно в связи с этим предпринимать любые, даже самые авантюристичные и губительные для всего мира, попытки продления исторических сроков своего существования с целью избежать социалистической перспективы, «прелюдия» к которой уже звучит набатным колоколом? – Судорожные попытки капитала отодвинуть свой финал, которые происходят прямо на наших глазах, рассеивают всякие сомнения на сей счёт.

Именно в связи с этим как раз и встаёт вопрос о том, *что* же всё-таки возобладает в ходе развития указанных выше тенденций: **а)** наступит ли качественно новый миропорядок в результате действия *объективных законов*, тенденциально содержащих в себе перспективу социализма, который по всем признакам буквально дышит в затылок человечеству, или **б)** новый миропорядок будет установлен в результате успешного осуществления политического проекта коллективного Запада во главе с США, благодаря чему в мире утвердится *глобализм как форма продлённого господства капитала*?

В том-то всё и дело, что *глобализм* – это не просто американский гегемонистский проект, нацеленный на утверждение миропорядка, который предполагает управление миром и контроль за ним из одного центра силы, осуществляемые к тому же в интересах только *этого одного центра силы*. *Глобализм* есть не что иное, как предсмертный проект *капитала*, вступившего в эпоху *позднего капитализма*, вынужденного уходить с исторической сцены; *глобализм* – это *попытка мирового капитала продлить сроки своего существования*¹. В *этом* его глубинная сущность и подоплёка.

Вопрос, который встаёт ныне: способен ли *капитал* как форма организации общества всё же найти сегодня такой способ развития событий, который в итоге даст ему возможность не просто ото-

¹ Поэтому сегодня, используя образ, созданный Мих. Лифшицем более полвека тому назад в контексте размышлений о схожих проблемах, можно сказать так: *глобализм* – это своеобразная «...обида на всемирную историю, которая ставит под сомнение право обеспеченного меньшинства наслаждаться комфортом за счёт остального мира» [2].

двинуть в долгосрочную историческую перспективу неизбежный исторический финал заката капиталистической цивилизации, но и вообще позволит навсегда снять его с повестки дня в качестве экзистенциальной угрозы для себя?

Проще говоря, можно ли обмануть историю, перехитрив её объективные законы развития? Возможно ли такое течение событий, в результате которых истории всё же будет навязан желаемый мировым капиталом сценарий развития?

Согласно фабуле интересующей нас проблематики, мы вынуждены обратиться к классической философской мысли, которая оставила нам блестящие образцы научного понимания сути всемирно-исторического процесса.

В частности, обращаясь к гегелевской философии истории, мы наталкиваемся на открытый Гегелем факт существования в истории *диалектики отрицательности* (Negativität)², демонстрирующей нам динамику негативной обратной силы целого. В лекциях по философии истории Гегель следующим образом объясняет возникновение этого феномена: это связано с тем, что «...во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются ещё и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется ещё и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения» [4, с. 27].

В реальной истории, поясняет далее Гегель, в качестве результата действий индивидов действительно возникает нечто, что не входило в их намерения и что, получив статус *самостоятельной силы* (в качестве совокупности сложившихся отношений), само начинает господствовать над людьми, выполняя роль «обратного

² «У Гегеля, - пишет М. Лифшиц, - есть много определений ...фантастического существа, известного под именем «дух». <...> Но среди определений духа есть, конечно, и очень глубокие. Самым важным из них является определение его как вечной живой «отрицательности», Negativität. Это и есть основная мысль гегелевской диалектики. <...> ...всякое определённое отношение имеет тенденцию превращаться в нечто *обратное*» [3, с. 142].

удара», сокрушающего, как палач на плахе, человеческие устремления и превращающего в тщету людские намерения³. Причём, Гегель неоднократно показывает (в том числе на конкретных примерах), что силы эти люди вызывают к жизни своими собственными деяниями, и *в этом смысле* люди, конечно же, сами творят свою историю. Но только лишь в этом смысле, ибо реальная история складывается и протекает всё же *не по сценарию индивидов*, преследующих свои эгоистические интересы. Такова *формула*, фиксирующая *всеобщую закономерность истории!*

Вряд ли кто станет отрицать, что этот момент – абсолютно родственен материалистическому пониманию истории⁴. Достаточно вспомнить изложение сути материалистического понимания истории, данное Ф. Энгельсом в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также в «Письмах об историческом материализме», чтобы убедиться в том непреложном факте, что философия истории Гегеля действительно выступает прямой предтечей исторического материализма⁵.

Именно этот момент, фиксирующий наличие в общественной истории людей некоей *самостоятельной социальной силы* (не антропоморфного, а социоморфного характера), обнаруживающей себя в виде возвратного действия известной совокупности сло-

³ Это обстоятельство убедительно свидетельствует о наличии в истории людей некоего *объективного субъекта* как вполне самостоятельной и реальной силы (пусть и *не антропоморфного, а социоморфного характера*), не зависящей от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение [5, с. 15-25].

⁴ В частности, Ф. Энгельс, фиксируя такую особенность развития истории, которая проявляется в том, что «...действия имеют известную желаемую цель, но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны» [6, с. 306], характеризует её как *всеобщую закономерность истории*. «Каков бы ни был ход истории, - говорит Энгельс, почти дословно повторяя приведённую выше мысль Гегеля, - люди делают её так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир – это именно и есть история» [6, с. 306].

⁵ Об этом же удивительном феномене – о наличии в историческом развитии обратного действия социальной силы целого – ещё в 1845 году писали в «Немецкой идеологии» К. Маркс с Ф. Энгельсом [7, с. 33].

жившихся отношений целого, одинаково разделяемый и Гегелем, и Марксом, и Энгельсом, является *главным ключевым моментом* рационального, научного постижения общественных процессов, через призму которого мы теперь и попытаемся взглянуть на проблемы, поставленные в самом начале нашего доклада.

Итак, возвращаясь к поставленным выше вопросам, посмотрим, применима ли эта *«формула всемирной истории»* к нынешнему этапу развития общества или же она устарела настолько, что её пора отправить на «свалку истории»?

Процессы, стремительно происходящие сегодня, прямо на наших глазах меняют контуры, казалось бы, такого устойчивого мира. Так, сегодня становится вполне очевидным, что параллельно с планомерной реализацией *глобального проекта* Запада, которому, казалось бы, ещё недавно не было никакой альтернативы и который надвигался с неотвратимостью рока, в мире с самого начала латентно происходили встречные, обратные по своей направленности, процессы *деглобализации*, которые сегодня обрели черты вполне явных тенденций противостояния глобализму. В итоге сегодня мир оказался расколот на крупные макрорегионы, представленные относительно самодостаточными в экономическом плане политическими центрами силы, а иллюзия однополярного мира неожиданно столкнулась с грубой реальностью в виде набирающего силу нового, многополярного мира, в котором роль мирового гегемона в лице США не только не предопределена, но и вообще поставлена под сомнение самой логикой развития событий.

Как видим, геополитические намерения коллективного Запада во главе с США, направленные на ослабление других крупных политических центров, пока не привели к нужным результатам. Более того, коллективный Запад, объявив открыто о своих целях достичь полного стратегического поражения России и вступив в беспрецедентно агрессивную схватку, причём не только с Россией, но и одновременно с Китаем (и всё это на фоне напряжённых отношений с КНДР и Ираном), – на данный момент вынужден в лице своих собственных экспертов констатировать, что эти намерения привели к прямо обратному итогу, в результате чего «страшный сон» американских стратегов вдруг в одночасье стал явью: произошло быстрое и далеко идущее по своим последствиям стратегическое сближение России с Китаем, Ираном и Северной Кореей,

причём не только в экономической, но и в военно-технической сферах.

Это то, что вкратце можно уже сегодня сказать о степени реалистичности притязаний глобалистского проекта быть сценарием развития всемирной истории. Каков будет его финал и в какой мере он будет окончательно посрамлён – покажет ближайшая историческая перспектива.

Теперь несколько слов о процессах так сказать регионально-го уровня, которые заслуживают отдельного внимания. В частности: когда страны старой Европы, учредившие в своё время Европейский Союз во главе с Германией, принимали в его состав Польшу и страны Балтии, намереваясь таким образом укрепить себя как новый геополитический центр силы и одновременно ослабить Россию, продвигая НАТО непосредственно к её границам, – преследуя эти конкретные цели, вряд ли они предполагали, что Польша с самого начала будет выполнять отведённую ей Вашингтоном роль *рычага воздействия и ослабления* Евросоюза, не говоря уже о такой «деликатной миссии», как быть *уздой* для Германии.

Далее. Как известно, страны Евросоюза, с энтузиазмом и весьма энергично приняли участие в реализации проекта «Украина», который вначале был анонсирован европейскому миру под названием «Анти-Россия», чтобы не вызывать у лидеров европейских стран ненужных и опасных прозрений и догадок насчёт его действительного предназначения. Страны Европы, всемерно поддерживая проект «Украина» как инструмент достижения целей по развалу России и наивно рассматривая самих себя наравне с США в качестве несомненных выгодополучателей от реализации этого проекта, вряд ли думали, что в итоге они сами окажутся в геополитической ловушке, став *объектами манипулирования* в рамках чужого сценария, ибо «проект Украина» с самого начала был направлен не только против России, но в равной мере выступал инструментом ослабления также и Евросоюза и в первую очередь служил рычагом ослабления экономики Германии как главной опоры ЕС.

В результате всего этого Германия, как считают многие аналитики, в первую очередь как раз и оказалась в геополитической ловушке: как известно, проект Евросоюза – это прежде всего германский проект (проект «Угля и стали»), проект германского капитала. И поскольку сейчас происходит вывод большого числа крупных предприятий с территории Германии на территорию США;

поскольку высокая конкурентноспособность германской тяжёлой и химической промышленности в результате разрыва экономических отношений с Россией, поставившей ей сверхдешёвые энергоресурсы, уходит в прошлое; поскольку устойчивой тенденцией стало снижение темпов экономического развития порядка на 6-7% в годовом выражении, ибо германская экономика уже не может успешно развиваться при таких ценах на энергоносители; поскольку в целом запущен в действие мощный фактор *деиндустриализации* германской экономики, – постольку сейчас под вопросом оказывается *прочность конструкции всего Евросоюза*. А сама Германия всё больше превращается из *субъекта* политики в *объект* чужих геополитических проектов.

В этой связи обращает на себя внимание целый ряд фактов.

1) Факт активного перевооружения Польши (причём, не в соответствии с военно-техническими образцами Европы). Спрашивается: против кого оно стратегически направлено? – Только ли против России? 2) Против кого стратегически направлено военное разоружение Германии под видом необходимости поставок вооружений в Украину и обескровливание Германии путём выкачивания у неё систем «Таурус» для отправки их опять-таки в Украину? 3) Что подразумевает и чем закончится иск Польши к Германии на \$2 000 000 000 000 (два триллиона долларов)?

Иными словами, Украина вместо вхождения в Евросоюз оказалась весьма действенным средством разрушения Евросоюза. Оказывается, что затяжной военный конфликт на территории Украины как буферной зоны между Евросоюзом и Россией предусматривал не только ослабление и развал России, но и сценарий возможного переустройства / переформатирования Европы (уже не с Германией во главе). Поэтому главная интрига успешности глобалистского проекта США сегодня представлена вопросом: даст ли Европа в лице Германии окончательно развалить себя в угоду интересам Капитолийского холма?

Приходится признать, что сегодня, как, впрочем, и всегда, всемирная история полна драматизма: одна из хитростей мирового разума сегодня, как и прежде, состоит в том, что даже крупным игрокам мировой геополитики наперёд не дано знать, что их, казалось бы, вполне реалистичные намерения и цели на самом деле уже просчитаны противниками и предусмотрены в чьём-то чужом, встречном геополитическом сценарии, в котором им уже отведена

роль отнюдь не *субъектов* мировой политики, а всего лишь *объектов*, в результате чего их дерзкие цели неизбежно будут существенно скорректированы, отчасти нейтрализованы, а то и вовсе посярмлены.

Поэтому думать, что будущее мироустройство с неизбежностью обретёт желаемые контуры в соответствии с проектом какого-либо одного центра политической силы, что намерения и замыслы главных политических игроков на международной арене приведут к образованию желаемого ими миропорядка, – думать так было бы весьма наивно: *написать либретто всемирной истории в одиночку не удастся никому*. А, стало быть, искушение обмануть историю, как бы велико оно ни было, потерпит фиаско.

Новый миропорядок, как это и всегда было в истории, возникнет в качестве некоей *равнодействующей*, складывающейся в результате столкновения многих разнонаправленных интересов, политических волей, стремлений и действий. И эта возникшая на этапе заката капитализма *равнодействующая* станет той объективной силой, которая в качестве *закона истории* будет определять место и роль каждого центра политической силы на мировой арене.

Список литературы

1. Рагозина Т. Э. Человек и общество: что век грядущий нам готовит? // Человек и общество на переломе эпох: поиски стратегий развития: материалы межд. науч. конф., 21 апр. 2023 г. / отв. ред. Т. Э. Рагозина. – Донецк : ДонНТУ, 2023. – С. 7-18.
2. Лифшиц М. Карл Маркс и современная культура <https://reallib.org/reader?file=137654>
3. Лифшиц Мих. Дух и его действительность. 1974 г. / М. Лифшиц. О Гегеле. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2012. – С. 127-151.
4. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII. Философия истории / пер. А. М. Водена, под ред. и с предислов. Ф. А. Горохова. – М. ; Л. : Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. – 470 с.
5. Рагозина Т. Э. Объективный субъект истории, или что значит «стоять на пороге материалистического понимания истории» Часть I // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2023. – Выпуск № 1 (17). – С. 15-25.
6. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 21. – С. 269-317.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7-544.

УДК 328(8)

Каролус Виммер

(доктор политических наук)

Венесуэльский центр марксистских исследований

«Сальвадор де ла Плаза»,

Центральный университет Венесуэлы

(г. Каракас, Венесуэла)

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПОРАЖЕНИЯ ПРОГРЕССИВНЫХ И ЛЕВЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются возможные причины поражений прогрессивных социал-демократических правительств в условиях капиталистического кризиса и классовой борьбы XXI века в Латинской Америке.

Ключевые слова: классовая борьба, буржуазия, прогрессивные силы, левые, бонапартизм, империализм, США, Латинская Америка.

Carolus Wimmer

(Doctor of Political Science)

Venezuelan Center for Marxist Studies “Salvador de la Plaza”

Central University of Venezuela

(Caracas, Venezuela)

CAPITALIST CRISIS AND THE DEFEATS OF PROGRESSIVE AND LEFT-WING GOVERNMENTS IN LATIN AMERICA

Abstract. The article examines the possible causes of the defeats of progressive social democratic governments in the context of the capitalist crisis and the class struggles of the 21st century in Latin America.

Keywords: class struggle, bourgeoisie, progressive, left-wing, Bonapartism, imperialismo, United States, Latin America

«Недостаточно сопротивляться и осуждать,
мы должны признать и исправить
свои собственные ошибки» [1, с. 7]
Марксизм всё ещё существует, стоит твердо
и постоянно дополняется и развивается
подлинными марксистами [2]

Известно, что одно дело – доступ к правительству, а другое – совсем другое, гораздо более трудное, завоевание государственной власти. Это – целая сеть общественных сил правящих капиталистических классов в различных её выражениях: в экономике, политике, прессе, вооруженных силах, судебных учреждениях, самоуправлениях, церкви и т. д. Это то, что в североамериканской политологии авторы, такие как Питер Дейл Скотт, называют «глубинным государством» [3], правительством в тени, избранным никем, не ответственным ни перед кем, не подотчетным никому и формулирующим самые могущественные интересы общества. Достижение уровня правительства – хороший шаг вперед, но если оно не будет дополнено подавляющей динамикой улицы, то есть организацией и политической мобилизацией народных классов и слоев и их сознательностью, то очень мало что сможет сделать прогрессивное или левое правительство.

Нейтрализация, экспроприация и ликвидация этих недемократических источников политической власти необходимы для того, чтобы гарантировать будущее любой реформы и многое другое любой революции. Пожалуй, одной из наиболее характерных черт нынешней ситуации в таких странах, как Аргентина, Перу и Уругвай, является тот факт, что реальная власть и ее правые агенты завоевали правительство, обратив вспять незаконченный процесс, с помощью которого пришедшие в правительство левые силы провалили свои планы по завоеванию власти. Ничего из этого не ново. Макиавелли уже говорил об этом очень ясно, когда наблюдал, что величие Римской республики покоится на балансе между сенатом (то есть знатью) и трибуном плебса, то есть народа. В современных условиях мы бы говорили об адекватном балансе между институтами государства и улицы. [4]

Эта статья предлагает тем, кто интересуется историей опыта достижений и рефлюксов в народной борьбе, политическую карту Латинской Америки в начале 21-го века, первым крупным избирательным и институциональным следом которой был триумф Уго Чавеса на президентских выборах в Венесуэле в 1998 году. Эта победа открыла возможность выборов, а в ряде стран и возможность непрерывных перевыборов левых (в основном немарксистских) и других прогрессивных правительств (в основном социал-демократических), что стало беспрецедентным процессом в регионе, где народные силы, которым на предыдущих этапах удалось

занять исполнительную власть в государстве, были свергнуты, как это случилось с правительствами Якобо Арбенса в Гватемале (1954), Хуана Бош в Доминиканской Республике (1965) и Сальвадора Альенде в Чили (1973).

«В последнее время в нашей Америке произошло много вещей, которые вызвали ужас у тех, кто чувствовал себя уверенно в настоящем и, прежде всего, в будущем. Эта безопасность пошатнулась. Еще раз жизнь напоминает нам, что процессы социальных изменений обычно происходят в регионах с очень высокой социальной, политической, экономической и исторической сейсмичностью. Что они произойдут, если они произойдут, что они займут столько времени, сколько возьмут, но что нет никакой гарантии» [5, с. 133].

Процессы социальных изменений, возглавляемые левыми и прогрессивными силами в Латинской Америке, прошли через две фазы накопления и три фазы рефлюкса.

Фазы накопления:

- 1985-1998 годы: от ликвидации диктатуры в Бразилии и Уругвае до первых президентских выборов Уго Чавеса в Венесуэле политические силы накопили достаточно социальной силы, чтобы свергнуть неолиберальные правительства, и достаточно политической силы, чтобы занять места в местных органах власти и национальных законодательных органах, но недостаточно для победы в национальном правительстве;
- 1998-2009: от первых президентских выборов Чавеса до выборов Мориса Фунеса в Сальвадоре они накопили достаточно социальной и политической силы, чтобы избрать, а в некоторых странах переизбрать, национальные правительства.

Фазы рефлюкса:

- 2009-2012 годы: электоральное ослабление на всём континенте и перевороты «нового типа» в самых слабых звеньях цепочки: Гондурасе и Парагвае;
- 2013-2014 годы: неудачи на выборах, сопровождавшиеся большей эффективностью империалистической дестабилизирующей стратегии, которая свела к минимуму перевес голосов, с которым левые сохраняли правительство в Венесуэле и Сальвадоре;

— 2015-2019: поражения достигли «самых сильных звеньев в цепочке»: Аргентина (поражение на выборах 2015), Бразилия (парламентско-судебный государственный переворот, 2016), Эквадор (внутреннее предательство, 2017), Сальвадор (поражение на выборах, 2019), Боливия (государственный переворот, 2019), Уругвай (поражение на выборах 2019 – после 15-ти лет в правительстве) [6, с. 9].

За этими поражениями следует криминализация, преследование и заключение в тюрьму высших руководителей и части руководства второго уровня прогрессивных сил, вытесненных из правительства.

Все эти события в Латинской Америке носят печать империализма США и Центрального разведывательного управления (ЦРУ). Каковы причины, по которым Соединенные Штаты должны будут обратить большую концентрацию внимания в сторону Латинской Америки вскоре после второго десятилетия 21-го века? Очевидно, что их несколько. Конкретная реальность, по мнению Маркса, является результатом множественных определений. Существуют политические и геополитические причины исторического характера и другие факторы, связанные с характером нынешнего спора в его глобальном и континентальном измерении.

С исторической точки зрения, Латинская Америка всегда была «перед глазами» у США. Эта страна рано вмешалась в борьбу за независимость в XIX веке, осуществив доктрину Монро (1823) «Америка для американцев», которая имела решающее значение для прекращения попыток колониального отвоевания «Святым альянсом», равно как и то, что в 1826 году интеграционная мечта Боливара потерпела неудачу. Более того, это предотвратило венец либертарианских поступков Пуэрто-Рико и Кубы, которые Монро считал «естественным расширением» территории США. «История Латинской Америки – это история американских интервенций. Существует обширная библиография, которая поддерживает этот тезис. И эти вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран получили поддержку местных правящих классов, и их глубина зависела от уровней сопротивления народов через различные формы борьбы» [7, с. 61].

С нынешней глобальной геополитической точки зрения восстановление контроля над Латинской Америкой имеет важное зна-

чение для Соединенных Штатов, чей гегемонистский упадок ставит её в трудное положение на планете. Но это также верно и для капитала, потому что капиталистической производственной системе нужна территория, в пределах которой можно создать единообразные и стабильные условия для оценки стоимости капитала, и политическая сила, способная защитить эту оценку. То есть нынешний спор в регионе идёт между эмансипацией и доминированием.

Империалистическое предложение представляет собой беспрецедентное со времен холодной войны ужесточение неоконсервативного фундаментализма, а также более активное участие Пентагона, который ведёт себя как еще одна фактическая сила в глобальной конфронтации за ресурсы, территории и умы. Мы являемся свидетелями прогрессирующей милитаризации глобального сценария. Хотя торговая война против Китая развивается в настоящее время в области торговли и технологий, она может обостриться и вполне вероятно, что между странами или внутри стран откроются фронты, которые, будучи продиктованы интересами держав, сочтут, что им остаётся только один вариант – противостоять друг другу.

Североамериканская внешняя политика – это не причина, это скорее следствие, проявление кризиса капиталистической системы, и в то же время это доказательство того, что они готовы сделать для защиты своей системы. Это сценарий прямо из кошмара или задуманный в канализации неолиберализма в состоянии паники.

«В этой борьбе за лучший мир прогрессивные и левые правительства на данный момент проиграли битву средств массовой информации и битву идей. Они не смогли развить битву культуры из-за отсутствия последовательной политики и отсутствия самокритики» [8, с. 197]. Первый шаг состоит в умении ценить культуру во всем ее идеологическом влиянии и понимать ее ценность как инструмента трансформации общества (Грамши). Во-вторых, для разработки передовой стратегии средств массовой информации необходимо было признать, что они оказались в ловушке устаревших концепций и что, несмотря на все доказательства, они отказались признать, что они неэффективны.

На избирательной арене прогрессивные и левые правительства соглашались играть в игру буржуазной демократии с правилами классового врага, а когда начинали выигрывать выборы, враг решал их не уважать, или использовать обманным путём для дис-

квалификации кандидатов, обвинять их без доказательств, преследовать их и в некоторых случаях сажать в тюрьму.

Отношения между правительством/партией и гражданским обществом были искажены до такой степени, что партии перестали быть школами политической культуры, интеллектуального лидерства, где интересы классов выражают партии, партии создают... лидеров гражданского общества и политического общества. Не может быть создания лидеров там, где отсутствует теоретическая и доктринальная деятельность сторон, где отсутствуют систематические исследования и исследования причин существования и развития представленного класса [9, с. 387].

Данные из результатов голосования и данные о поведении широких слоев общества указывают на то, что баланс прогрессивных правительств в Латинской Америке является отрицательным. Баланс – ультраправые лидеры Болсонаро в Бразилии, Макри и Милеи в Аргентине, это – Венесуэла в многогранном кризисе, это – Никарагуа ведет переговоры на краю пропасти, это – Сальвадор, где более миллиона сальвадорцев отвернулись от ФНОФМ на президентских выборах, где персонаж, выходец из своих собственных рядов, побеждает его самым высоким процентом голосов в истории этой нации.

Коррупция стала одним из орудий нападения империализма и извращенного использования законности. Они прибегают к обвинениям, которые не нужно доказывать перед судьями, потому что ранее было проведено разбирательство в СМИ, которое требует не доказательств, а скорее опьянения умов. Коррупция, присущая капитализму, становится бедствием прогрессивных правительств и их членов в неолиберальном дискурсе и, несмотря на то, что десятки дел связаны с правым крылом и его партийными представителями, они всегда свободны от вины.

Типичным явлением, от которого не спасаются и прогрессивные правительства 21 века в нескольких латиноамериканских странах, является наличие «каудильо» (лидера), как правило, справа, но сегодня также и слева. Мы считаем, что он бонапартист нового типа.

Концептуально к термину *бонапартизм* можно подойти двумя способами: как к конкретному моменту во французской истории, соответствующему правительству Луи Бонапарта, особенно со

времени переворота 2 декабря 1851 года, или как к *понятию в рамках марксистской теории капиталистического государства*.

Для наших целей в этой статье мы опираемся на труды Маркса: «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год» (1850), «18-е брюмера Луи Бонапарта» (1852) и «Гражданская война во Франции» (Часть третья, 1871) [10]. Маркс описал в этих текстах политическую историю того момента, анализ которого позволил ему развить проблемные понятия капиталистического государства.

«Какие характеристики капиталистического государства включены в термин *бонапартизм*? Несколько, но ни одна из них сама по себе не является достаточной для объяснения. Он в основном указывает на политическое руководство, которое хочет позиционировать себя равноудаленным от классовой борьбы или стоящим выше классовой борьбы, что на языке времени выступает как баланс между пролетариатом и буржуазией. Бонапартистское правительство провозглашает защиту устремлений всех классов, хотя в целом оно в конечном итоге защищает материальные интересы буржуазии и даже приглашает её к разделению сферы власти» [11, с. 200].

Маркс утверждает, что бонапартизм появляется с того момента, когда буржуазия потеряла, а рабочий класс еще не приобрел власть управлять нацией. Бонапартизм затем решает проблему взаимоотношений между государством и политической классовой борьбой.

Бонапартистское государство прежде всего является формой капиталистического государства, и в этом смысле его главная функция заключается в том, чтобы гарантировать существование, развитие и гегемонию капиталистического способа производства в обществе. Антонио Грамши в итальянском контексте обозначает бонапартизм своим древним термином цезаризм.

Государство прибегает к бонапартизму в моменты экономического кризиса и подъёма классовой борьбы, как это происходит в настоящее время в латиноамериканском регионе, где сверху навязывается примирение или равновесие не только между буржуазией и пролетариатом, но и между различными конфликтующими внутри буржуазии секторами. Сегодня мы находимся в Латинской Америке, сталкиваясь с проблемой тотальной культурной войны, которая должна быть направлена на завоевание власти и установление

процесса революционных изменений социалистического перехода. Чтобы вести эту войну, необходимо построить большой Фронт национального и социального освобождения. Фронт, который, в том числе, есть развитие честного диалога между разными идентичностями, диалога для борьбы, для накопления революционных сил.

Для этого необходимо наметить стратегию, которая оставляет позади оборонительный характер и переходит в наступление. Невозможно предложить победить правое крыло, навязав ему своего рода «демократический баланс, чередования», что всегда будет иллюзорным, потому что это вновь настроенное правое крыло движется вперед – к тотальной власти, поэтому предлагаем перейти в наступление, атаковать его на всех флангах, остановить его и победить его там, где оно устоялось или только продвигается с растущим маршем популярного лагеря [12].

Это заключается не в провозглашении себя революционерами, а в создании областей, пространств, очагов воинственного разрыва по отношению к системе. В этом плане представляется целесообразным принять во внимание и выделить некоторые уроки для обсуждения, которые может предложить нам анализ опыта прогрессивных или левых правительств в Латинской Америке:

1. любая реформа, какой бы умеренной она ни была, неизбежно откроет ад контрреволюции;
2. нет такого понятия, как лояльная оппозиция (!);
3. каждый процесс постановки под сомнение капитализма на национальном уровне развязывает международную реакцию;
4. существование революционной партии имеет важное значение для успеха всего процесса;
5. образование и политическая осведомленность являются необходимым условием успеха любого реформистского или революционного проекта;
6. необходимо обращать пристальное внимание на опасность бюрократии;
7. Доступ к правительству – это одно. И совершенно другое, гораздо более трудное – это завоевание государственной власти [13].

Мы понимаем, что эти вопросы, наряду с вопросами, поднятыми ранее в документе, имеют существенно важное значение для

обсуждения вопроса о том, как преодолеть кризис альтернатив, который мы переживаем в латиноамериканском регионе. Для этого единство и построение альянсов, которые должны продвигать левые, не могут быть приняты инструментально, а скорее представляют собой решающий столп революционной борьбы.

Список литературы

1. (The progressive cycle in Latin America), Regalado, Roberto: *A modo de introducción. El ciclo progresista en América Latina*, Ciudad de México, 2019, p.7
2. Nguyen Xuan Thang: *Keynote address at the International Workshop "The Heritage of Karl Marx's Ideology and its Epochal Significance,"* Hanoi, May 2018.
3. Scott, Peter Dale: *The American Deep State: Wall Street, Big Oil, and the Attack on U.S. Democracy*, <https://www.amazon.com/American-Deep-State-Democracy-Library/dp/1442214244>
4. McCormick, John: Plebeian offices in Machiavelli's "perfect" constitution, *International Journal of Constitutional Law*, Volume 8, Issue 2, April 2010, Pages 237–262, <https://doi.org/10.1093/icon/moq006>
5. Muriente, Julio: *Puerto Rico y Nuestra América*, op.cit., p.133
6. Regalado, Roberto: *El ciclo progresista en América Latina*, Ciudad de México, p.8
7. Moldiz, Hugo: ¿Qué nuevas estrategias y tácticas formulará la izquierda para derrotar la contraofensiva imperial? , op.cit., p. 61
8. Martínez, Daniel: *El gobierno de Lopez Obrador llega cuando el ciclo progresista termina*, ob.cit., pp.197
9. Gramsci, Antonio: *Cuadernos de la cárcel*, Edición crítica de Valentino Gerratana, p.387
10. Marx y Engels, *Obras escogidas de Marx y Engels*, Editorial Progreso
11. Martínez, Daniel: *El gobierno de Lopez Obrador llega cuando el ciclo progresista termina*, ob.cit., pp.200
12. Katz, Claudio: *The dilemmas of the left in Latin America*, Ediciones Luxemburg, Buenos Aires, 2008, pp. 31-38.
13. (Russian Revolution, Achievements, Defeats and Faces. Some lessons for Latin America) Borán, Atilio: *Revolución Rusa, logros, derrotas y fracaso. Algunas lecciones para América Latina*, Cuadernos Marxistas N°13, Buenos Aires, noviembre de 2017, <https://www.telesurtv.net/bloggers/La-Revolucion-Rusa-Logros-derrotas-fracasos.-Algunas-lecciones-para-America-Latina-20171115-0007.html>

УДК 130.2

А. И. Бардаков

(д. полит. наук, доцент)

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
(г. Волгоград, Российская Федерация)

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПОИСКА ПУТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

***Аннотация.** В статье систематизируются основные подходы исследования путей политического развития России, обозначаются сильные и слабые стороны социального познания политических феноменов, а также вскрывается ограниченность данной методологии. Предлагается рассматривать современные социальные системы в целом и их политическую составляющую в рамках трех форм бытия – Природа, Социум и Культура.*

***Ключевые слова:** политика, общественный индивид, человек, развитие, Россия.*

A. I. Bardakov

(Doctor of Political Sciences, Associate Professor)

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Volgograd, Russian Federation)

ABOUT THE PROSPECTS OF SEARCHING FOR WAYS OF POLITICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

***Annotation.** The article systematizes the main approaches to studying the paths of political development in Russia, identifies the strengths and weaknesses of social knowledge of political phenomena, and also reveals the limitations of this methodology. It is proposed to consider modern social systems as a whole and their political component within the framework of three forms of existence - Nature, Society and Culture.*

***Key words:** politics, social individual, person, development, Russia.*

*Я – отсталая гражданка, быть желаю человеком.
Если быть нечеловеком, можно многого достичь!
Юнна Мориц*

Путь развития современной России как социально-политического феномена вновь и вновь обретает актуальность. Причины такого состояния кроются в том, что незначительная часть общества хорошо осознает, что она живет при капитализме, а подавляющая часть общества, имея скромные доходы, все еще надеется, что продекларированное социальное государство будет обеспечивать, заботиться о гражданах, как при социализме. Надо заметить, что руководство страны в своей риторике не делает четкой акцентуации на то, что созданная общественная система – это капитализм, хорошо понимая, что у большинства российских граждан «социальная аллергия» на сам термин и этот общественный строй. В дискуссии на круглом столе «Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет» И. Н. Трофимова говорит о следующем раскладе на 2018 год: «... 38% россиян положительно ... 51% нейтрально ... и 8% отрицательно» [1, с. 8] оценивали социализм, а вот «... такие слова как «капитализм», «консерватизм» и «либерализм» вызывают положительные отклики только у 11% россиян» [1, с. 8]. Существующая социально-политическая ситуация в стране и мире в 2024 году не дает оснований для расширения количества российских поклонников капитализма, поэтому актуализируется вопрос о том, какой вектор политического развития ждет российское общество? Каков исследовательский путь оптимален для изучения политического развития России?

В выступлениях других участников дискуссии выше обозначенного круглого стола просматривается две основных линии отношения к социализму: одни (Черныш М.Ф., Трофимова И.Н., Дамье В.В., Левашов В.К., Кононов И.Ф.) одобрительно относятся к социализму и ратуют за то, чтобы ряд практик советского периода применялись в современной России; другие (Олейник А.Н., Иноземцев В.Л., Макаренко В.П., Лапин Н.И.) категорически отрицают позитивные моменты социализма и настаивают на неестественности, случайности этого общественного устройства [1, с. 3-26]. Высказанная Н. И. Лапиным идея о дальнейшем развитии России как *государстве-цивилизации снимает или затухивает вопрос о приоритете социализма или капитализма*, то есть предлагается иной путь политического развития России. Ученый считает, что «... потребности выживания и развития человека и всего человечества в условиях глобальных угроз требуют повышения роли формирующейся ноосферы антропообитаемой планеты» [1, с. 11].

Несколько иначе, но в терминах «цивилизационный реализм» видит развитие нашей страны и Б. В. Межуев, полагая, что цивилизационная идея в современном российском обществе пока недооценена [2]. Если к этому добавить, что во всех высших учебных заведениях с 2023 года в первом семестре изучают дисциплину «Основы российской государственности», где один из пяти разделов называется «Российское государство-цивилизация», то можно спрогнозировать, что исследовательский поиск в этой терминологии и этом направлении в современном российском общественном, гуманистическом знании будет присутствовать.

Приведенные выше точки зрения по поводу политического развития России принадлежат теоретикам, которые знают закономерности общественного развития (или им кажется, что они знают эти закономерности), но, как известно, политические решения принимаются практиками, поэтому есть необходимость обратиться к их мнению. Президент России неоднократно говорил об исчерпанности, тупике либерализма как идеологическом основании капитализма, да и сам общественный строй капитализм, по мнению В. В. Путина, скорее зло, чем добро [3]. Критика была высказана руководителем страны неоднократно также и в адрес марксистско-ленинской теории, на которой базировалась советская система, то есть социализм. В этой связи можно заметить, что Президент России в известной степени синтезирует позиции сторонников и противников социализма и капитализма. Секретарь Совета Безопасности России Н. П. Патрушев, разоблачая коварные замыслы глобалистов, упрекает их в том, что глобализм используется ими для противостояния патриотизму, а также чтобы отвергнуть, нивелировать многообразие культур и «... насильственно загнать все страны и народы под знамена западной цивилизации потребления» [4]. При рассмотрении суждений высокого должностного лица государства в свете обозначенной исследовательской задачи, можно однозначно утверждать, что «западная цивилизация потребления» – это капитализм и автор призывает туда «не ходить». Правда, он и не обозначает пути политического развития России, да это и не его задача, функция.

Надо заметить, что предшествующие два столетия велся активный поиск наиболее жизнеспособной, гуманной социально-политической системы, соответственно, выстраивалось идеологическое обоснование под каждый общественный строй. Однако по

справедливому замечанию высшего иерарха одной из мировых религий, Его Святейшества Далай-Ламы: «... демократия, либерализм, социализм – все великие общественные движения последней сотни с лишним лет, несмотря на множество замечательных идей, так и не смогли выработать универсальную систему ценностей, которую, по идее, должны были обеспечить» [5, с. 38]. Неменьшую тревогу о развитии российского общества, человечества проявляет и Патриарх православной церкви Кирилл, который постоянно ведет речь о сохранении добродетели в сердцах людей, о необходимости целостного развития личности, «... а не только тех качеств, которые диктует текущая рыночная конъюнктура» [6, с. 13].

Как видно из приведенных утверждений, теоретики и практики, представители религиозных конфессий не удовлетворены общественными системами, существующими в современном мире. Какие же варианты существуют ныне для решения существующей проблемы? Соответственно, сторонники социализма предлагают коренное или фундаментальное изменение существующего общественного устройства посредством огосударствления частной собственности, что и приведет к социализму. Защитники капитализма (либералы и консерваторы) полагают, что его фундамент – частная собственность – незыблем, но надо делать экономику социально-ориентированной, развивать гуманистические начала в российском обществе. *Если же касаться идеи Россия-цивилизация, то пока это выглядит как вариант совершенствования существующей капиталистической системы, основная цель которой показать уникальность страны, общества по отношению к западным образцам.* Предлагаемый проект общественного устройства предполагает снятие противоречий межнационального, межконфессионального, территориального и другого характера, *но он не инициирует преодоление пропасти между богатыми и бедными, а это означает сохранения капиталистического общественного строя.*

Делая обобщения по возможным путям политического развития России, хорошо понимаю, что каждый исследователь имеет свой взгляд на обозначенную проблему и готов отметить огромное количество нюансов по каждому из предложенных вариантов. Есть нечто общее в обозначенных и других подходах (концепциях) развития общества – это разработка концепции, в соответствии с которой будет совершенствоваться или кардинальным образом изменится социально-политическое устройство общества. Исследовате-

ли пытаются совершенствовать или кардинально менять общественное устройство, что в их представлении является главной причиной общественного прогресса и развития человека, человечества.

Известный исследователь политических проблем В. П. Макаренко написал огромное количество статей, книг, где развернута аргументация о порочности, никчёмности капитализма и социализма и их идеологических основ. Не менее критичен В. П. Макаренко и к другим идеологическим фундаментам прошлых и нынешних обществ, не признает он позитивную роль и демократии как главного достижения современности. Его отрицательное отношение к различным типам и формам общественного обустройства связано, прежде всего, с наличием государства, которое допускает насилие над своими гражданами и манипуляцию их сознанием, а также с присутствием власти, которая всегда подавляет человека. В то же время ученый в самых корректных формах подводит читателя к мысли о том, что современный *анархизм наиболее приемлемая форма общественного устройства*, поскольку там роль власти, государства минимизированы или устранены полностью [7, с. 480-511].

В кратком выражении это выглядит следующим образом: *государство – это плохо, власть – это плохо (и еще много что плохо); устраняешь плохое, получается хорошее общественное устройство*. Однако, когда задаемся вопросом, может быть развитая социальная система без неотъемлемых, имманентно присущих атрибутов – государства, власти, ответ, как правило, отрицательный: нет не может, что для некоторых исследователей становится неразрешимой теоретической проблемой. Представленный пример исследовательской практики В. П. Макаренко показывает, что при всём профессионализме, высокой научной проницательности автор остается в рамках парадигмы освоения мира в формах бытия Природа и Социум, что ограничивает поиск путей развития человека, человечества обозначенными формами бытия.

Основная проблема состоит в том, что исследователи социальности (социальной системы) не видят разницы между социальным индивидом и человеком, поскольку исходят из того, что современные общества существуют в двух формах бытия – Природа и Социум. Такой подход предопределяет поиск развития и общества, и человечества в форме бытия Социум, что в корне неверно,

поскольку Природа порождает природного индивида, Социум порождает общественного индивида, а человек – это результат формы бытия Культура. Развернутая аргументация о трех формах бытия современных обществ, человечества мною была уже неоднократно изложена [8, 9, 10].

Признавая продуктивность и научную значимость длительного доминирования социального аспекта в познании политических объектов как качественно иного явления по отношению к биотическому познавательному процессу, хочу заметить, что ресурс этого подхода (методологии) исчерпан, поскольку изменился предмет исследования. Общество в целом, социальный индивид в отдельности, которые были результатом, продуктом социальных взаимосвязей, стали носителями, обладателями человеческих качеств, детерминируемых формой бытия Культура. Надо заметить, что предлагаемая идея о культуре как важном факторе общественного прогресса, развития человека присутствует у многих исследователей социальности, но каждый из них говорит о своем понимании взаимосвязи культуры с развитием общества. Так С. Г. Померанц, ведя речь о социально-политических кризисах в России и мире, отмечает, что «... культура не сдается ... А если сохранится культура, то и страна выживет» [11, с. 383]. В. К. Левашов обращает внимание на социокультурное ядро, которое сохранило российское государство и является основанием гуманистических идеалов и ценностей современных россиян [1, с. 21].

Особый интерес в рамках формы бытия Культура представляет поиск видов организации жизни людей. В. В. Дамье в противовес управлению предлагает *самоуправление как важный фактор развития социалистической перспективы* [1, с. 21]; К. Г. Фрумкин видит политическое развитие современных обществ в городе-государстве, позволяющем иметь идентичность своих жителей [12, с. 90]. Соглашаясь с В. В. Дамье в том, что дальнейшее развитие социальных систем и человечества в целом связано с самоуправлением, следует заметить, что самоуправление может иметь свое развитие только в форме бытия Культура, поскольку данный вид организации жизни людей детерминируется культурой. Выражаясь иначе, можно сказать – общественный индивид может существовать и развиваться при наличии управления, а человек, соответственно, – при самоуправлении. Соглашаясь также с К. Г. Фрумкиным в том, что волеизъявление народа возможно только в городе-

государстве (в моей терминологии – локальной территории) в формах прямой демократии, необходимо добавить, что в таких территориях происходит элиминация власти и расширение свобод человека, что говорит о возникновении доминанты формы бытия Культура. Это не означает, что исчезает власть, государство, а заодно и социальная система. «Настоящее будущее государственности, – по меткому замечанию Б. Джессопа, – не предполагает конца государства» [13, с. 451]. Человек остается элементом (продуктом, результатом) форм бытия Природа и Социум, но Культура как форма бытия становится доминирующей в его существовании, поэтому развитие человеческих качеств индивида обретает приоритетность по отношению к развитию природных и социальных свойств индивида.

Соответственно, исследование политического развития социума должно вестись с учетом приоритетности человеческих свойств индивида, общества. Для социального индивида, особенно для того, который проявляет политическую активность, форма общественного устройства (капитализм, социализм, Россия-цивилизация и др.) важна и значима, а для человека социально-политические проблемы вторичны. Такая трактовка исследуемого вопроса ведет к выводу о необходимости смены вектора поиска пути развития России. Поиск пути политического развития России должен быть сопряжен с формой бытия Культура, развитием человека, что и предопределяет оптимизацию общественного устройства и меру вмешательства в развитие биоты человека.

Список литературы

1. Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол) // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 3-26. DOI: 10.31857/S013216250018020-5
2. Межуев Б. В. Оглядываясь на «Русскую весну» // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 8–20. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/oglyadyvayas-na-russkuyu-vesnu/> (дата обращения 15.03.2024).
3. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 21 октября 2021 года. Сочи. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения 15.03.2024).

4. Статья Секретаря Совета Безопасности России Н. П. Патрушева. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3558/> (дата обращения 15.03.2024).
5. Далай-Лама. Этика в новом тысячелетии / Перев. с англ. – М.: ООО Издательский дом «София», 2004. – 336 с.
6. Кирилл, Митрополит. Православие и образование // Политические исследования. 2008. № 2. С. 9-16.
7. Макаренко В. П. Русская власть и бюрократическое государство, часть 1: монография / В. П. Макаренко; Южный федеральный университет. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 642 с.
8. Бардаков А. И. Муниципальное управление: теория, история, практика. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. 172 с.
9. Бардаков А. И. Просвещение в категориях политики и культуры // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: политология и социология. 2010. № 2 (4). С. 21-25.
10. Бардаков А. И., Шушпанов С. С. Государство и культура в контексте программного документа «Основы государственной культурной политики» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2015. № 19 (216). Выпуск 36. С.147-154.
11. Померанц Г. С. Записки гадкого утенка / Г. С. Померанц. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
12. Фрумкин К. Г. Государство будущего // Свободная мысль. 2019. № 5. С. 85-98.
13. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / Боб Джессоп; пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.

УДК 94(430)

Ренате Коппе

(доктор исторических наук)

Международный отдел Германской компартии,
газета «Unsere Zeit»

(г. Бонн, Федеративная Республика Германии)

РАЗРУШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Аннотация. В статье рассматривается разрушение исторической памяти как политическое оружие империализма в ФРГ с целью фальсификации понятия и практики антифашизма в свою пользу.

Ключевые слова: антифашизм, история, политика, ФРГ.

Renate Koppe

(Doctor of Historical Sciences)

International Department of the German CP,
newspaper «Unsere Zeit»

(Bonn, Federal Republic of Germany)

DESTRUCTION OF HISTORICAL MEMORY AS A POLITICAL WEAPON

Annotation: The article examines the destruction of historical memory as a political weapon of imperialism in the FRG to falsify the concept and practice of anti-fascism in its favour.

Keywords: anti-fascism, history, imperialism, FRG.

Одним из направлений этой конференции является «Культурная и историческая память как способы воспроизводства и устойчивого развития общества». Эту проблему можно рассматривать и в другой – обратной – перспективе: уничтожение исторического опыта и исторической памяти с целью предотвращения сопротивления и для достижения «закрытого тыла» («geschlossene Heimatfront») в основных странах империализма.

Разумеется, сюда же относится известное приравнивание социализма и фашизма, приписывание социалистическому Советскому Союзу такой же ответственности за развязывание Второй мировой войны, как и фашистской Германии, а также изображение социалистической ГДР как «второй диктатуры в Германии». Эта тен-

денция в исторической политике и пропаганде сохраняется и становится все более ясной.

Однако в последние годы в ФРГ появился второй аспект. Фальсификация и злоупотребление понятием антифашизма. Это делается как в связи с текущими событиями, так и с историей путём дискредитации антифашистской борьбы Коммунистической партии Германии (КПГ) в 1920-1930-е годы. Этот аспект особенно направлен на левые и антифашистские организации, чтобы перетянуть часть из них на сторону правящего класса. В настоящее время этот концепт иногда также исходит из самих этих организаций. Последнему уделяется особое внимание в данной статье.

Одним из примеров этого является текущая дискуссия в традиционной антифашистской организации «Объединение жертв нацистского режима – союз антифашистов» («Vereinigung der Verfolgten des Nazi-Regimes – Bund der Antifaschisten (VVN-BdA)»), организации, которая была основана после победы над немецким фашизмом преследуемыми нацизмом антифашистами, включая многих коммунистов, и позже была открыта для всех антифашистов.

В июле 2023 года в журнале этой организации была опубликована статья под названием «Когда не было брандмауэра». Её автор – Макси Шнайдер, советник по вопросам политики истории и памяти в федеральном управлении VVN-BdA.

В этой статье автор Шнайдер пишет: «Программное заявление национального и социального освобождения немецкого народа» от 24 августа 1930 года также должно быть оценено как ошибочное. То, что интернационалистская КПГ выразила себя таким образом, стало возможным только на фоне сталинской пропаганды «социализма в одной стране». Хотя коммунисты признавали серьёзность фашистской опасности и сами подвергались постоянным нападениям со стороны нацистов, руководство партии выступало против Версальского договора и надеялось, что «разожгут энтузиазм масс для победы над буржуазией, для социального и одновременно национального освобождения трудящегося немецкого народа». (...) КПГ не делала общего дела с НСДАП, но такие содержательные заявления, как «Программное заявление о национальном и социальном освобождении», достались ей дорогой ценой. Привлечение голосов у националистов усилило позицию националистически настроенных, повысило статус крайне правых как партнёра по

диалогу и подорвало интернационалистские позиции КПГ, а также её борьбу за права женщин и базовый антифашистский консенсус» [1].

Иными словами, в этих утверждениях КПГ изначально обвиняется в том, что в своём программном заявлении она вообще затронула вопрос о национальных интересах немецкого народа. Вопрос о том, не является ли это необходимым для такой марксистской партии, как КПГ, даже не задаётся, хотя это было бы необходимо. «Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия», изложили К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» [2].

В программном заявлении ясно сказано, что понятие нации, как его понимали немецкий фашизм и немецкий монополистический капитал, не имеет ничего общего с пониманием нации КПГ. Так говорится в заявлении: «Фашисты (нацисты) утверждают, что они являются «национальной», «социалистической» и «рабочей» партией. Мы возражаем, ибо на деле они – антинародная и антирабочая, антисоциалистическая партия самой крайней реакции, эксплуатации и порабощения трудящихся. Партия, стремящаяся отнять у трудящихся всё то, что даже буржуазное и социал-демократическое правительство пока не могло отнять у них. Партия убийственной, фашистской диктатуры, партия восстановления режима юнкеров и офицеров, партия восстановления многочисленных немецких князей в их «наследственных» правах, офицеров и высших чиновников в их титулах и должностях». [3]

Непонятно и то, что вышеупомянутое программное заявление, выступавшее против Версальского договора, увязывается с тезисом о «социализме в одной стране». Возможно, это сделано для того, чтобы охарактеризовать эту позицию как националистическую, что само по себе непонятно, поскольку строительство социализма в Советском Союзе не имело ничего общего с национализмом. Кроме того, Версальский договор отвергали не только коммунисты Германии. Ленин называл его «(...) неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов» [4]. КПГ и Французская компартия совместно требовали прекращения Версальского

договора, который стал результатом войны между империалистическими державами [5].

В статье упоминается множество известных антикоммунистических пропагандистских тезисов против КПГ, например, забастовка в Берлинской транспортной компании в 1932 г., которую возглавляла КПГ и в которой принимали участие рабочие из национал-социалистической организации. Нужно ли было призывать их не участвовать в забастовке?

Конечно, КПГ, как и коммунистическое движение в целом, совершала ошибки, включая тезис о социал-фашизме, который уже был пересмотрен Седьмым конгрессом Коминтерна, а также некоторые тактические ошибки [6]. Однако это не даёт оснований для дискредитации её антифашистской политики, как это делает М. Шнайдер. Эта статья, опубликованная организацией, которая на самом деле исходит из антифашистской традиции, рассуждает примерно так же, как буржуазные историки и пропагандисты, обвиняющие и КПГ и НСДАП в провале Веймарской республики [7].

Ещё один пример такого подхода, на этот раз из рядов буржуазных политиков, можно найти в борьбе против мемориала Эрнсту Тельману в Берлине. На дополнительных информационных стендах теперь утверждается, что председатель КПГ, убитый фашистами в 1944 году, был отчасти виноват в подъёме фашизма, поскольку коммунисты ослабили Веймарскую республику [8].

Далее становится ясно, что эта дискредитация антифашистской политики КПГ в период Веймарской республики выполняет определённую функцию. М. Шнайдер приравнивает правопопулистскую партию «Альтернатива для Германии (АдГ)» к фашистской НСДАП, а также утверждает, что частичное сотрудничество с мелкобуржуазной партией «Die Basis» свидетельствует об открытости движения за мир для правых сил, и в то же время она призывает к действиям против обеих партий вместе с правящими партиями, являющимися главными движущими силами нынешней военной политики и поддерживающими фашистов на Украине, а также в Израиле.

Другой пример – кампания «Выступи против расизма», в которой расизм приписывается исключительно АдГ [9]. Нет сомнений, что АдГ – расистская партия, с которой нужно бороться, но это не фашистская партия, и такой подход игнорирует расизм, который пропагандируют партии, находящиеся у власти [10]. В ста-

тье М. Шнайдера предлагается союз с партиями немецкого империализма, который оправдывается тем, что ошибки КПГ не должны быть повторены. Эта позиция поддерживает политику правительства, поскольку партии немецкого империализма в настоящее время используют АдГ для привлечения антифашистских движений и антифашистски настроенных людей к их политике, делая акцент на борьбе с АдГ [11]. Разумеется, это не помешает этим партиям сотрудничать с АдГ, чья функция – направить недовольство вправо, если это станет необходимым для получения большинства в парламентах.

Только что изложенная позиция основана на одностороннем и искажённом понятии фашизма. Согласно этой позиции, фашизм – это то, что вызвано фашистскими организациями или даже отдельными фашистами, и все так называемые «демократы» должны объединиться против него. Тот факт, что *фашизм, как и буржуазная демократия, является формой господства монополистического капитала*, больше не только не признаётся, но и вообще отрицается. Это также означает, что невозможно сделать вывод о том, что борьба с фашизмом должна включать в себя борьбу против демонстрации социальных и демократических прав трудящихся, даже если это осуществляется «демократическими» партиями [12].

Кроме того, искажается и понятие *антифашизма*. Это тоже не совсем ново, поскольку агрессивная война НАТО против Югославии была оправдана тогдашним министром иностранных дел Федеративной Республики Германия Йозефом Фишером в качестве средства предотвращения якобы нового Освенцима. В настоящее время такой подход, фальсифицирующий историю, применяется ещё более агрессивно. В то время как представители правящих партий как нынешнего, так и прошлого правительства не произнесли ни слова критики в адрес фашизма в Украине, из этих партий неоднократно звучали заявления, в которых Россия называлась фашистской [13]. А любая критика оккупационной и колониальной политики Израиля объявляется «антисемитской», а на демонстрациях и митингах часто запрещается называть действия Израиля в секторе Газа геноцидом. Таким образом, безоговорочная поддержка Израиля выдаётся за «антифашизм», фашизм редуцируется до антисемитизма, а антисионизм приравнивается к антисемитизму [14]. 27 миллионов погибших советских граждан в Великой Отечественной войне и антифашистское сопротивление должны быть

забыты, в то время как социалистический Советский Союз приравнивается к фашистской Германии.

Однако немецкий империализм, очевидно, не полагается только на пропаганду. Существует – хотя пока и недостаточное – сопротивление этому искажению истории и разрушению исторической памяти (между прочим и внутри VVN-BdA). Именно поэтому все чаще применяются репрессии, которые уже не ограничиваются ужесточением полицейских законов и т.д., но теперь также напрямую направлены против выражения несогласных мнений. Это выражается в маргинализации, невозможности для учёных публиковаться в известных издательствах и даже в попытках изгнать учёных из университетов. Их обвиняют в якобы экстремистских позициях, как, например, профессора Ульрике Геро, отнюдь не левого по своим политическим взглядам, которая призвала ЕС «сделать все, чтобы немедленно прекратить эту войну [на Украине]» [15]. Культурные учреждения, выражающие критику политики государства Израиль, часто перестают получать государственное финансирование [16].

Наконец, следует упомянуть об уголовном преследовании обычного выражения мнения – будь то на митингах или в социальных сетях – через § 140 (одобрение уголовных преступлений) и особенно новую редакцию § 130 Уголовного кодекса Германии.

В этой редакции состав преступления «подстрекательство народа» был расширен. В нем «публичное одобрение, отрицание и грубое преуменьшение геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, если это деяние совершено способом, способным возбудить ненависть или насилие и нарушить общественное спокойствие, теперь является уголовно наказуемым преступлением» [17].

Тем временем уже идут судебные процессы по этим статьям и выносятся приговоры только за публичное упоминание агрессии НАТО против Донбасса и Российской Федерации, поскольку это якобы оправдывает «агрессивную войну России против Украины» [18]. С конца 2023 года участились и случаи подачи исков за высказывания в поддержку освободительной борьбы Палестины.

Список литературы

1. Schneider, Maxi: Als es keine Brandmauer gab, Antifa – Magazin der VVN-BDA für antifaschistische Politik und Kultur, Ausgabe Juli/August 2023, <https://antifa.vvn-bda.de/2023/07/11/als-es-keine-brandmauer-gab/>
2. Маркс, К., Энгельс, Ф.: Манифест Коммунистической партии, 1848.
3. Programmklärung zur nationalen und sozialen Befreiung des deutschen Volkes, Proklamation des ZK der KP vom 24.08.1930, Ernst Thälmann, Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 2, Berlin 1956, с. 530 и далее, <https://www.marxists.org/deutsch/referenz/thaelmann/1930/08/natsozbef.htm>
4. Ленин, В.И.: Речь на совещании председателей волостных и сельских исполнительных комитетов московской губернии 15 октября 1920г., ПСС т. 41.
5. Aux Travailleurs de France et d'Allemagne! Parti Communiste de France et Parti Communiste d'Allemagne, Le bulletin communiste, numéro 6, 07.02.1922, <https://www.marxists.org/francais/pcf/works/1922/02/pcfcpd.htm>
6. Более подробно об анализе вышеупомянутой статьи М. Шнайдера в этом отношении: Höhne, Erik: Fragwürdige Thesen, Unsere Zeit, 01.09.2023, <https://www.unsere-zeit.de/fragwuerdige-thesen-4783107/> и в целом по этому вопросу Schneider, Ulrich: Antifaschismus, Köln 2014
7. Два примера из многих: Sturm, Reinhard: Zerstörung der Demokratie 1930-1933, Bundeszentrale für politische Bildung 2011, <https://www.bpb.de/themen/erster-weltkrieg-weimar/weimarer-republik/275841/zerstoerung-der-demokratie-1930-1933> „Demokratiefeindlichkeit als Markenzeichen der NSDAP zog manche Wähler geradezu an“, Interview mit dem Staatsrechtler Philipp Austermann, Die Welt, 24.11.2020, <https://www.welt.de/geschichte/article220910224/Weimarer-Republik-KPD-und-NSDAP-verachteten-den-Reichstag.html>
8. Thälmann-Denkmal: KPD-Vorsitzender angeblich schuld an Hitler, ND, 20.11.2023, <https://www.nd-aktuell.de/artikel/1177855.prenzlauer-berg-thaelmann-denkmal-kpd-vorsitzender-angeblich-schuld-an-hitler.html>
9. <https://www.aufstehen-gegen-rassismus.de/>
10. Эта тема не может быть рассмотрена здесь, но можно упомянуть один аспект - часто расистски мотивированное насилие со стороны полиции, которое практически никогда не подвергается судебному разбирательству. Источники и ссылки: Abdul-Rahman, Laila; Espín Trau, Hannah; Klaus, Luise; Singelstein, Tobias: Gewalt im Amt, übermäßige polizeiliche Gewaltanwendung und ihre Aufarbeitung, Frankfurt/New York 2023, https://www.campus.de/e-books/wissenschaft/soziologie/gewalt_im_amt-17806.html

11. Один пример из многих: Die Hamburger Justizesenatorin Anna Gallina (Grüne) fordert eine Vereinbarung aller demokratischen Parteien gegen die AfD, <https://www.ndr.de/nachrichten/hamburg/Gallina-wirbt-fuer-ueberparteiliches-Buendnis-gegen-AfD,gallina168.html>
12. Более подробно: Baumann, Kurt: „Brandmauer“ oder Antifaschismus? Unsere Zeit, 15.09.2023, <https://www.unsere-zeit.de/brandmauer-oder-antifaschismus-4783576/>
13. Один пример: Джамилы Шефер, член Бундестага от «Зелёных», которая заявила, что «(...)быть сторонником антифашизма и мира означает поддерживать сопротивление Путину [на Украине]», <https://www.gruene-bundestag.de/parlament/bundestagsreden/ukraine-9>
14. Примером может служить заявление федеральных председателей VVN/BdA о ситуации в Газе от 10.10.2023, в котором организация полностью встаёт на сторону израильского правительства и армии. Палестинский народ и его погибшие упоминаются лишь вскользь, израильская оккупационная политика, продолжающаяся десятилетиями, не упоминается вообще, <https://vvn-bda.de/vvn-bda-solidarisch-mit-den-opfern-des-antisemitischen-massakers/>; очень похоже с одной из правящих партий: «Bündnis 90/Die Grünen» im Landtag Thüringen, Nie wieder heißt nie wieder!, <https://www.gruene-thl.de/aufarbeitung/nie-wieder-heisst-nie-wieder>
15. Об этом случае и других подобных: Schillo, Johannes: Hermeneutik des Verdachts“ junge welt, 20.12.2023, <https://www.jungewelt.de/artikel/465735.meinungsbilder-in-zeiten-des-kriegs-hermeneutik-des-verdachts.html>
16. Repression gegen Kulturzentrum „Das käme einem Dambruch gleich“, junge welt 04.11.2023, <https://www.jungewelt.de/artikel/462517.repression-gegen-kulturzentrum-das-k%C3%A4me-einem-dambruch-gleich.html>
17. Für die Meinungsfreiheit, Unsere Zeit 09.08.2023, <https://www.unsere-zeit.de/fuer-die-meinungsfreiheit-4782597/>, здесь также можно найти полный текст конституционной жалобы на эту новую редакцию
18. Göbel, Rüdiger: Maulkorburteil für Kriegsgegner, junge welt, 24.01.2023, <https://www.jungewelt.de/artikel/443424.kriminalisierter-antimilitarismus-maulkorburteil-f%C3%Bcr-kriegsgegner.html>; Die herrschende Meinung runterbeten?, Unsere Zeit 01.09.2023, <https://www.unsere-zeit.de/die-herrschende-meinung-runterbeten-4783224/>; Iqrih, Jamal: Kulturkampf mit Mülltonne, junge welt 30.10.2023, <https://www.jungewelt.de/artikel/462033.pal%C3%A4stina-solidarit%C3%A4t-kulturkampf-mit-m%C3%Bclltonne.html>

УДК 321.011(47)

А. Хюсер

(аспирант)

Лейпцигский Университет, Институт славистики
(г. Лейпциг, Федеративная Республика Германии)

«ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ»: ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация: В этой статье рассматривается концепция так называемой деколонизации России. Эта концепция не является исторически новой и направлена на ликвидацию национального суверенитета России. После начала военной операции РФ на Украине она вновь активно обсуждается в политических и академических кругах Германии, особенно в восточноевропейских исследованиях.

Ключевые слова: империализм, либерализм, национализм, политизация науки, национальный суверенитет.

A. Hueser

(Postgraduate student)

University of Leipzig, Institute for Slavic Studies
(Leipzig, Federal Republic of Germany)

«DECOLONIZATION» OF EASTERN EUROPE STUDIES

Abstract: This article examines the concept of the so-called decolonization of Russia. This concept is not historically new and aims to eliminate Russia's national sovereignty. After the beginning of the Russian Federation's military operation in Ukraine, it is again actively discussed in political and academic circles in Germany, especially in East European studies.

Keywords: imperialism, liberalism, nationalism, politicization of science, national sovereignty.

Введение. С началом российской военной операции на Украине, правящие политики Германии провозгласили «переломный момент» (нем. *Zeitenwende*). Кацлер ФРГ – Олаф Шольц – обвинил российского президента в стремлении построить «империю в Европе» и «вернуть часы назад, к временам великих держав XIX века». По мнению Шольца, Германия должна собрать все силы, чтобы «положить этому конец» [1]. Анна-Лена Бербок, министр иностранных

дел Федеративной Республики Германии, заявила, что Россия должна быть «разорена» [2].

Важным инструментом немецкой внешней политики для ослабления России, который использовался на протяжении многих веков, была и остаётся стратегия разрушения целостности российского (или, в период холодной войны, советского) централизованного государства – вплоть до стратегии его расчленения. Такие стратегии уже обсуждались немецкими элитами во время Первой мировой войны для борьбы с Российской царской империей, в рамках так называемой «Лиги иностранных народов России» (нем. Liga der Fremdvölker Russlands) [3]. Сегодня – в условиях войны, которую Германия, по словам ее министра иностранных дел, ведет против России [4], – они вновь актуальны и активно обсуждаются в политических и академических кругах.

Цель данной статьи – дать обзор этих политических и академических дебатов. Такие дебаты касаются концепции «деколонизации» России. Кратко говоря, этот термин означает, что новые, анти-российские позиции в немецких исследованиях Восточной Европы приводят к расширению обмена мнениями с учеными, выступающими за так называемое освобождение народов, якобы угнетаемых Россией. Сегодняшняя конференция называется «Методология познания истории: объективные механизмы развития против политического проективизма». Цель данной темы – показать, что в немецких восточноевропейских исследованиях наметился перелом в сторону ярко выраженного политизированного производства антироссийской идеологии. Будет показано, что этот поворот идет вместе с историографией, которая искажает исторические факты или является политически заинтересованной.

Дебаты о «деколонизации России» в политике. Важным институтом, консультирующим по вопросам так называемых «стратегий деколонизации» России, является так называемый «Форум свободных народов России» [5]. Согласно его собственным заявлениям, целями форума являются «восстановление и структурная трансформация России, экономическое и политическое развитие историко-культурных регионов и автономий, полная реализация гражданских прав и свобод, а также социальное благополучие народа» [там же]. Помимо представителей этнических меньшинств Российской Федерации (РФ), в последних заседаниях этого форума приняли участие ведущие западные политики. Там, в отличие от относительно без-

обидно звучащей «структурной трансформации России», было открыто заявлено, что «деколонизация России» означает разрушение РФ как государства [там же]. В отчете о конференции бывший глава Фонда Генриха Бёлля в Киеве (политический фонд, близкий к партии «Альянс 90 - Зеленые») Сергей Сумленный говорит, что, к сожалению, западноевропейские эксперты настроены против распада России [6]. Под «деколонизацией» он подразумевает предоставление народам России «права на самоопределение» [там же]. Кстати, Ахмад Закаев, лидер антироссийских сепаратистов, разыскиваемый в России по обвинению в нападениях смертников на гражданские объекты, авиакатастрофах и захвате заложников, участвовал в мероприятии как представитель чеченского этнического меньшинства [там же].

Другой важный орган, тесно связанный с «Форумом свободных народов России», – Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе (англ. Commission on Security and Cooperation in Europa, CSCE), также известная как «Хельсинкская комиссия США» (англ. U.S. Helsinki Commission), в которую входят сенаторы и члены Палаты представителей и Государственного департамента США. В июне 2022 года этот орган объявил деколонизацию России «моральным и стратегическим императивом» [7]. Это было обосновано тем, что «варварские войны России на Украине, в Сирии, Ливии, Грузии и Чечне демонстрируют всему миру ее порочный имперский характер». Россия, по мнению этой организации, угнетает коренные нерусские народы, проживающие на территории Российской Федерации, и следует традициям колониальной политики Советского Союза. Только деколонизированная Россия может обеспечить безопасность и стабильность в Европе [там же].

С тех пор эти идеи активно обсуждаются в политических кругах, близких к партии «Альянс 90/Зеленые». Например, 29.11.23 состоялась конференция, организованная связанным с партией Фондом Генриха Бёлля, в которой участвовала и организация «Мемориал», классифицированная в России как «иностранный агент». Она называлась «11-й Европейский исторический форум: Деколонизируйтесь!» [8]. Целью конференции было «критически взглянуть на устаревшие формы науки, которые не только не анализируют колониальные структуры власти и знания, но (...) даже их порождают». Однако многие ученые в «теперь уже независимых бывших республиках Советского Союза» рассматривают «деколониальную историографию» как

«важный инструмент, чтобы вооружиться против реваншистских притязаний России». Это, по мнению исследователей, выступавших на конференции, связано с тем, что Москва часто оправдывает свою агрессивную политику в отношении соседних государств, утверждая, что стремление бывших советских республик к свободе и независимости не имеет никакого исторического основания [там же].

Соответственно, фокус на России, которая десятилетиями доминировала в культурных и социальных науках, следует рассматривать как результат колониального образа мыслей, поскольку это свидетельствует о глубоко укоренившемся незнании политического, культурного и исторического многообразия Восточной Европы. Современный так называемый российский колониализм, хотя и с отличиями, является преемником колониализма Российской империи и Советского Союза. В немецких исследованиях Восточной Европы до сих пор существует «проблема принятия советского и европоцентристского нарратива о том, что колонизация коренных народов была необходимым шагом на пути к эпохе модерна. В основном это касается политически лево-ориентированных ученых». Преодоление этих нарративов должно «стать целью деколонизации исследований Восточной Европы в Германии» [там же].

Очень близко по духу к этим большим, институционально установленным политическим кругам, данная тема обсуждается также и в леволиберальной и радикальной левой или анархистской среде в Германии. Например, упомянутый выше «зелёный» Сергей Сумленный взял интервью у Европейского центра инициативы по сопротивлению (англ. European Resilience Initiative Cente), очередного антироссийского аналитического центра [9], анархо-феминистского коллектива «Unruhe» (рус. беспокойство, тревога) [10]. В самом начале интервью собеседник заявил, что «единственный надёжный и перспективный сценарий для мира и демократии – это распад России». Анархист критикует левые силы за то, что они отвергают любое понятие национализма, хотя именно «этот национализм придает украинцам силы в борьбе с Россией».

Точно так же и «коренные народы России» в борьбе с колонизаторами могли опираться только на национализм. Даже если этот национализм может принимать «неаппетитные формы», обойти его невозможно. По словам интервьюируемого, группа борется за «ненасилиственное общество, в котором люди могут определять себя и управлять собой». Поэтому, по её мнению, деколониальное движение

– это всегда анархистское движение. В украинской войне добровольческие подразделения из Чечни, Белоруссии и Грузии уже «чрезвычайно эффективно» сражались против России, потому что они уже получили боевой опыт с Россией на украинской стороне [там же]. Это замыкает круг людей: разыскиваемые в России чеченские террористы, фигурирующие в «Форуме свободных народов России» (см. выше), теперь называются здесь «активистами» анархистской деколонизации в качестве потенциальных борцов за свои цели⁶. Интервьюируемый также призывает к расширению обмена активистами и продвижению искусства, науки и созданию научных и культурных платформ.

Глядя только на эти показательные выдержки, становится ясно, что представленные здесь концепции деколонизации, несмотря на все их различия, в первую очередь основаны на либерально-индивидуалистической и антироссийской концепции свободы: «*Человек свободен, когда он освобожден от России*». В основном, «деколонизация» заключается в «самоопределении» коренных народов, которые как бы всегда были угнетёнными «русским колониализмом». По мнению представителей таких идей, этот колониализм, будь то царский, советский или буржуазный, всегда был тоталитарным и коллективистским, а значит, направленным против свободы индивидуума.

Они утверждают, что этот колониалистский образ мышления всё ещё сохраняется в немецких исследованиях Восточной Европы и находит своё выражение и в политике [14]. Соответственно, академический ответ на «путинский проект реколонизации» должен заключаться в «последовательной деколонизации нашего мышления», как кратко выразился исследователь Восточной Европы Мартин-Шульце-Вессель [15]. Этим академическим усилиям посвящена следующий раздел доклада.

Проблема «деколонизации» исследований Восточной Европы.

Прежде чем определять всю российскую и советскую политику в отношении меньшинств как «колониальную», необходимо понять, что же на самом деле означает термин *колониализм*. Так называемые

6. Другие леволиберальные и леворадикальные сторонники «деколонизации» (пока еще) ограничивают свою деятельность организацией выставок, посвященных якобы притеснению этнических меньшинств в России. При этом они тоже участвуют в академическом дискурсе о колониализме, деколонизации и т. д. [11, 12, 13].

постколониальные исследования, которые в последние годы всё чаще проводятся в немецких университетах, в основном сосредоточены на западной или, точнее, немецкой колониальной политике в Африке и Азии. Их исследования по вопросу расизма правящих классов также всегда затрагивали вопросы экономической эксплуатации колониально угнетённых народов и описывали это как неотъемлемый элемент колониализма. Теоретики оторвались от этого понятия в рассуждениях о «русском колониализме». Отделившись от исторически конкретного явления колониализма, его понятие теперь сводится в первую очередь к отношению индивидов к государству как к чему-то «чужому».

По словам Яна Янсена и Юргена Остерхаммеля, на которых ссылается активист антироссийской деколонизации Мориц Флорин, «деколонизация» в политическом смысле означает не что иное, как «исторически уникальную и предположительно необратимую делегитимацию любого правила, которое воспринимается как отношение подданных к чужому» [16]. Кто, от кого и почему «отчуждается», в данном определении остаётся намеренно открытым, чтобы в конечном итоге определить все нерусские этнические группы в Российской Федерации или жителей бывшего Советского Союза как отчуждённые от всего русского и, следовательно, угнетённые в общей государственности.

С этим «новым» определением термина теперь можно указать на всевозможные характеристики так называемого колониализма России и Советского Союза. Они многочисленны и вызывают споры среди самих этих теоретиков; однако, несмотря на все разногласия по поводу деталей, все согласны с тем, что Россия угнетала иностранные народы на протяжении всей своей истории. Первой важной характеристикой колониализма, по мнению этих теоретиков, было постоянное стремление к расширению территории России, которое всегда происходило за счет этнических групп, проживающих на данной территории. Расширение царской империи с XVI века рассматривается в исторической преемственности с расширением территории Советского Союза в XX веке, ленинской политикой в отношении национальностей, сталинской демографической политикой и, наконец, военной операцией РФ на Украине в 2022 году [8]. Совершенно разные государственные конституции и политические цели этих событий, произошедших с разницей в четыреста лет, не играют никакой роли в этой предполагаемой «преемственности» – ведь цель состоит в том,

чтобы использовать эти исторические события для доказательства имманентного стремления России к экспансии и угнетению. По мнению этих историков, сегодняшняя «ностальгия по СССР» заключается в представлении, что советская политика экспансии означала «возможности для продвижения» для «колонизированных народов». Эта «ностальгия», которой, кстати, самим этим термином уже отказано во всякой рациональности, также является проблемой в республиках Центральной Азии, которые на самом деле могли бы стать местом антиколониальных движений против России [там же].

«Советская пропаганда», которая описывала эти «колониальные походы» как необходимый шаг на пути к эпохе модерна, характеризуется как европоцентристская и расистская [Там же]. Связанная с этими походами так называемая русификация проживавших там народов «всё ещё» глубоко укоренена в политической логике российской элиты и означает «культурный геноцид» этих людей [Там же]. По этой причине восточноевропейские исследования в Германии аргументируют, что надо отказаться от европоцентристской идеи, что Россия является современным просветителем на периферии» [8]. К этому также призывает историк Восточной Европы Мориц Флорин [17].

В отличие от некоторых авторов, Флорин призывает отказаться от идеи, что европейский колониализм и российский колониализм имеют какие-то различия [Там же]. Восточноевропейские исследования должны окончательно отказаться от академической предпосылки, что Россия когда-либо играла эту роль или может продолжать играть её в будущем [8]. Герхард Симон, славист из Кёльна, идёт ещё дальше: он требует, чтобы предпосылкой будущих исследований Восточной Европы должно стать восприятие России как державы, «покинувшей цивилизованный мир». Эта предпосылка вытекает из «провала» академических кругов, которые не смогли предвидеть так называемую «российскую агрессивную войну против Украины» [18]. Герд Кёнен называет это отсутствие различий между немецкими исследованиями Восточной Европы и российскими оценками исторических событий «немецким про-российским комплексом» [19], который, по его мнению, относится к традиционно тесным связям Германии с Россией. Тания Петер жалуется, что немецкие исследования Восточной Европы частично переняли «имперский российский взгляд на историю и что «малым народам» между Германией и Россией было отказано в собственной истории и существовании как нации» [20].

Соответственно, требуется преодолеть предполагаемую пророссийскую однобокость и российский проимперский нарратив, который игнорирует историю «бывших колоний» [8]. Поэтому на институциональном уровне должны быть установлены более тесные связи с академиями бывших советских республик (которые должны быть ограничены по содержанию антироссийскими отделениями этих академий), поскольку здесь существует «дискурсивное пространство за пределами нормативного евроцентризма». Эти дискурсивные пространства колеблются в своих нарративах между «антиколониальными и колониальными, локальными и универсализирующими интерпретациями». По мнению теоретиков, они избегают «любой однозначности нации, этничности, религии, империи или марксизма-ленинизма», поэтому их «эмансипационный потенциал» заключается именно в «их амбивалентности и комплексности» [17].

Выводы. Описанная здесь «деколонизация восточноевропейских исследований от российских проимперских предпосылок» – это политическая программа, реализуемая в рамках антироссийской доктрины «переломного момента» (*Zeitenwende*) и «войны Германии против России» (см. выше). Цель этой программы – академическое обоснование антироссийской национальной истории нерусских этнических групп в РФ и бывших советских республиках с целью продвижения сепаратистской и антироссийской идеологии этих же политических сил.

Для такой программы термин «колониализм», имеющий везде негативную коннотацию, лишается своего прежнего значения. Таким образом, этот термин ограничивается явлением предполагаемого «иностранным господства», которое противопоставляется любой «свободе» и «самоопределению» «угнетенных народов». На теоретическом уровне левые принципы, такие как право наций на самоопределение и сопротивление эксплуатации и угнетению, сочетаются с националистическими идеями. Эта смесь находит своё институциональное выражение в совместно организованных мероприятиях и личных пересечениях в политическом спектре Зеленой партии, леволиберальной, леворадикальной и анархистской сцены, а также фашистских и террористических сил из Украины и Чечни.

Для восточноевропейских исследований, которые в будущем, очевидно, станут идеологическим подсказчиком для этих сил, это означает, что *предвзятость науки будет усиливаться*. В будущем исторические события, а также литературные и культурные феномены

будут анализироваться, исходя из предпосылки, что Россия угнетала людей каждую минуту своего существования. Термин «предпосылка» здесь в конечном итоге означает, что именно эта предпосылка всегда будет подтверждаться в подобных исследованиях. Поэтому следует ожидать, что в будущем в историко-славянских или междисциплинарных исследованиях будут постоянно встречаться моменты «угнетения» со стороны России и моменты «освобождения» со стороны русских народов.

Что касается темы данной конференции, которая называется «Методология познания истории: объективные механизмы развития против политического проективизма», то можно резюмировать, что «деколонизация» – это политическая проекция немецких восточноевропейских исследований на эти политические цели. Объективная историография или изучение языковых и литературных явлений в Восточной Европе, которые касаются классовых отношений и классовой борьбы, а также конкретных исторических обстоятельств, в которых эти явления возникли, должны быть принесены в жертву такой проекции – полностью в духе «войны против России».

Список литературы

1. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356>
2. <https://www.rnd.de/politik/ukraine-krieg-baerbock-ueber-sanktionen-das-wird-russland-ruinieren-RZDYS2DEPRK5OST7ZGGRZ6UN4I.html>
3. Seppo Zetterberg: *Liga der Fremdvölker Russlands 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg*, Helsinki 1978 (Akateeminen Kirjakauppa)
4. <https://www.sueddeutsche.de/politik/baerbock-shitstorm-russland-statements-krieg-1.5740445>
5. <https://www.freenationsrf.org/index.php>
6. <https://www.telepolis.de/features/Russland-dekolonisieren-Will-der-Westen-die-Russische-Foederation-zerstueckeln-7274966.html?seite=all>
7. <https://www.csce.gov/press-releases/decolonization-of-russia-to-be-discussed-at-upcoming-helsinki-commission-briefing/>
8. <https://www.boell.de/de/2023/11/29/11-europaeisches-geschichtsforum-dekolonisiert-euch>
9. <https://european-resilience.org/>
10. <https://european-resilience.org/analytics/there-no-other-way-decolonize-russia>

-
11. <https://www.akweb.de/gesellschaft/russland-dekolonisierung-ausstellung-berlin-bethanien/>
 12. <https://taz.de/Ausstellung-zum-russischen-Kolonialismus/!5918851/>
 13. <https://jungle.world/artikel/2023/39/russland-dekolonisieren>
 14. <https://ukraineverstehen.de/simon-versagen-der-osteuropaforschung/>
 15. Martin Schulze-Wessel: Die Ukraine ist längst eine Nation, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 19.3.2022.
 16. Jan Jansen/Jürgen Osterhammel: Dekolonisation. Das Ende der Imperien, München 2013, S. 7.
 17. https://zeitgeschichte-online.de/themen/zentralasien-und-die-dekolonisierung-der-osteuropaforschung#_ftn6
 18. <https://ukraineverstehen.de/simon-versagen-der-osteuropaforschung/>
 19. Gerd Koenen, Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten. München 2005; ders., Russland gründlich entzaubert. Vom Ende eines deutschen Komplexes, in: Osteuropa 72/1–3, 2022, 19–32.
 20. Tanja Peter: Osteuropawissenschaft im Krieg. Herausforderungen der epochalen Zeitenwende.

УДК 101.2

А. В. Гижа

(к. филос. н., доцент)

Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая народная республика, РФ)

**О НЕКОТОРЫХ МЕТАМОРФОЗАХ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ:
ПАРТИЙНОСТЬ И/ИЛИ ПРИСПОСОБЛЕННОСТЬ?**

Аннотация. В статье рассматриваются примеры идеологически мотивированного теоретизирования в отечественной социально-философской мысли начала XXI века, демонстрирующие непреложное действие принципа партийности философии. В связи с этим возникает сложный комплекс вопросов относительно самого характера теоретизирования в сфере познания общественной истории.

Ключевые слова: теоретизация, рациональность, критика, логическое расширение, историчность.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)
Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

**ON SOME METAMORPHOSES
OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT:
PARTISANSHIP AND/OR ADAPTABILITY**

Annotation. The article examines examples of ideologically motivated theorizing in the Russian socio-philosophical thought of the early 21st century, demonstrating the immutable effect of the principle of partisanship of philosophy. In this regard, a complex set of questions arises regarding the very nature of theorizing in the field of knowledge of social history.

Keywords: theorization, rationality, criticism, logical extension, historicity.

Конкретно-историческое осмысление общественных процессов в их целостности возможно на основе научно-философской методологии. Особенностью научного подхода является не только логическая и эмпирическая обоснованность результатов исследований, но и реализация их практического применения. В отношении естественнонаучного знания это вполне очевидно, но для зна-

ния социально-исторического ситуация нередко складывается, как кажется стороннему наблюдателю, неоднозначно. Поскольку история движется в формах активной человеческой деятельности, проявляемой не только в познавательном отношении, но и во всех прочих – экономическом, политическом, культурном и т.д., может возникнуть фактор пересмотра прежних воззрений, учений и мировоззренческих позиций, реализуемый под благовидным предлогом критики. Сам по себе такой подход, разумеется, не может вызвать возражений. Добросовестная научная, критика, основанная на новых материалах, документах, фактах, выпадающих из поля зрения существующей теории, не может быть отвергнута. Но это справедливо лишь в случае полноценного критического анализа, проводимого непредвзято, без намеренного искажения критикуемой позиции. Выполняется ли это простое требование в условиях нынешнего отвержения советского исторического опыта, которое полностью меняет исторические оценки духовных и материальных достижений советской цивилизации? Достигается ли в предлагаемых новых взглядах действительное развитие социального знания?

Покажем специфику некоторых образчиков теоретизирования в отечественной философии на двух характерных примерах. Бросается в глаза ее упор на преимущественно софистически-демагогический, в конечном счете – неприкрыто идеологический набор способов интерпретации и получения выводов. При этом последние только по видимости получают форму научно-логического анализа.

Так, Лекторский, критикуя Маркса, пишет: «Нужно сказать, что в марксовом понимании деятельности существует один изъян, который сказался и на философских и психологических разработках деятельностной тематики в нашей стране. Дело в том, что исходной и привилегированной формой деятельности считается труд. Такое понимание связано с идеей о взаимоотношении производственной и иных форм деятельности, базиса и надстройки — идеей, которая не выдержала испытания временем. Сегодня труд во все большей мере опосредуется деятельностью в сфере науки, а богатство страны все больше зависит не от деятельности в сфере материального производства, а от производства знаний [1, с. 80-81].

Высказал ли Лекторский в приведенном фрагменте что-либо более адекватное и прогрессивное, нежели Маркс? Нет, и утвер-

ждение «изъяна» является поспешным и необоснованным в двух отношениях. Первое, Маркс реализовывал именно свою программу исследования капиталистического общества, с оговоренными, материально данными целевыми условиями и не обязан отвечать за детальные трактовки будущих эпох. Второе, поскольку же Маркс мыслил философски обобщенно, то наряду с его анализом текущего состояния экономико-политических отношений, обязательно возникают и содержательные выходы на те моменты, которые еще недостаточно проявились, или не являются актуальными по какой-то причине, или же не требуют на то время детального разбора, но которые вполне ясно обозначены. Так, Маркс отмечает, что «...следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» [2, с. 116]. Эта, и многие другие выдержки из работ Маркса показывают широту и основательность его трактовок категории труда, отнюдь не сводящихся к какой-то одной его форме.

Таким образом, приведенный пример теоретического подхода, сводящийся, в основном, не к понятийным разысканиям, а к карикатурно-вульгарному представлению той или иной концепции, является негативным теоретизированием, обусловленным, возможно, идеологическим поветрием, но не задачами истинного познания. Изъян, столь поспешно приписанный К. Марксу, высказан в духе текущего невнятного сочинительства на темы отсутствующей идеологии и национальной идеи, для чего обязательной ремаркой идет вульгарный антикоммунизм. Изъян оказывается не у К. Маркса, а у господина Лекторского.

Лекторский рассматривает, соответственно неременной установке антисоветизма, и состояние советского общества, показывая его просто образцово тоталитарным со всеми либеральными описаниями ужасов: «...тоталитарная система в Советском Союзе создала целую систему отчуждения, и прежде всего отчуждение от человека огромной репрессивной государственной машины (между прочим, в дискуссиях о проблемах гуманизма и отчуждения, которые стали распространенными в нашей философии в 60-е и 70-е гг.,

нельзя было даже затрагивать тему отчуждения в нашей стране, ибо априори считалось ясным, что никакого отчуждения при социализме нет и быть не может» [1, с. 13]. Но тут дело обстоит так: если есть что сказать, то философ обязан это делать, тем более находясь, как Лекторский, на весьма высоких руководящих постах. Э. В. Ильенков, например, высказывался на тему отчуждения в СССР. Если же Лекторский разделяет мифы хрущевской «оттепели» и это единственное, что он может высказать по данной тематике, то действительно лучше промолчать, поскольку грамотные историки эту мифологию давно опровергли (Ю. Жуков, Е. Спицын), и не пристало столь маститому ученому распространять и поддерживать своим авторитетом диссидентские настроения времен своей молодости, инспирированные службами внешней разведки враждебных государств.

Еще пример того, как «философствуют молотом» - но не в ницшевском смысле достижения твердости созидания, а наоборот, - как разбивают скрижали духа, располагая на их месте некачественные продукты буржуазной ревизионистской мысли. Кратко рассмотрим опус Т. И. Ойзермана «Оправдание ревизионизма» [3].

Теодор Ойзерман начинает развенчание марксистской традиции прямо в Предисловии, непосредственно с К. Маркса. На первой же странице он начинает обелять сам термин «ревизионизм», дескать, проводить ревизию существующих взглядов есть нормальный процесс познания. Здесь начинается чистая софистика, которой и дальше будет наполнено это произведение. За поддержкой он обращается к новейшей физике: «Разве теория относительности и квантовая физика не являются основательной ревизией принципов классической механики и всей физики XVII-XIX веков?» [3, с. 7]. Отвечаем Ойзерману: нет, совершенно не является никакой ревизией релятивистская физика по отношению к физике классической. Она является обоснованным логическим расширением последней с указанием меры, где ньютоновские представления сохраняют свою истинность. Не надо путать (уверен, это делается сознательно) политико-идеологический термин «ревизионизм», выражающий классовые интересы самого ревизиониста, и нормальную практику научной критики. Далее, видимо для облегчения проведения своего ревизионистского настроения, Ойзерман берёт в помощники Г. Адлера и приводит ряд его возражений против теории К. Маркса, солидаризуется с ними, а потом заявляет: «Я столь

подробно остановился на изложении критических замечаний Г. Адлера, чтобы показать, что уже через 20 лет после опубликования первого тома «Капитала» Маркса некоторые, весьма серьезные заблуждения этого гениального мыслителя стали видны и такому ученому весьма среднего уровня, каким был Адлер» [3, с. 13]. Но эдак можно «доказать» что угодно ссылкой на учёных «средней руки». Например, есть у кого-то соображение, что мозг выделяет мысль подобно тому, как печень выделяет желчь. Как это обосновать? Совершенно несложно, стоит только привести аналогичное представление Бюхнера, Фогта и Молешотта, и добавить, что-де даже этим средним ученым сие понятно. Но такие логические выверты суть чистая и негодная софистика.

Ойзерман крайне удивляется, что Ф. Энгельс, назвав Г. Адлера «жалким ренегатом» [4, с. 8], предложил эту книгу не замечать. И вопрошает, совершенно в абстрактно-интеллигентском духе: «Замалчивание критики весьма существенных положений марксизма отнюдь не является лучшим ответом на неё. Да и можно ли вообще замолчать критику марксизма?» [3, с. 13]. Он не хочет видеть, что Ф. Энгельс в этом же абзаце объясняет своё отношение к писанию Адлера: «...это просто непристойный и нелепый памфлет, которым автор хочет привлечь внимание – внимание правительства и буржуазии к своей важной особе» [4, с. 8]. И далее: «И в самом деле, теперь всякий мелкий, ничтожный субъект, желая создать себе рекламу, нападает на нашего автора» [4, с. 8]. Не о критике марксизма у Адлера, таким образом, идёт речь, а о нелепом памфлете, серьёзно отвечать на который было бы смешно.

По ходу изложения апологии ревизионизма Ойзерман объясняет своё прежнее (в советское время) кредо, которое было вполне в русле марксизма-ленинизма: «Это рассуждение Ленина (характеристика ревизионизма Бернштейна – А. Г.) не может не вызвать недоумения у вдумчивого читателя, если он, конечно, не ослеплён большевистской пропагандой, как были, увы, ослеплены мы (к себе это я отношу отнюдь не в последнюю очередь)» [3, с. 15]. Эдакая куриная слепота длиной в 50 лет (1941 – год защиты кандидатской диссертации – 1991 гг.), при том, что на войне он был инструктором политотдела фронта, а в 1962-1966 гг. – профессором Высшей партийной школы при ЦК КПСС. За работы по философии марксизма был лауреатом Ломоносовской и Государственной премий. Так кто кого ослепляет?

После адлеровского памфлета (серьезной критики приведено не было, никаких аргументов по существу не выставлено) Ойзерман переходит к Ленину, с упоением выискивая у него формальные логические нестыковки, и уличая в непоследовательности. Вместо диалектики исторического процесса Ойзерман хочет иметь формально-непротиворечивую, согласованную в деталях систему неизменных представлений. Но такая догматика присуща именно «критикам» марксизма. Заниматься разбором каждого такого «аргумента» дело лишнее, тут надо последовать за Ф. Энгельсом и отвести всё это сочинительство как рецидив типично буржуазной идеологии.

Вот пример глубины анализа состояния дел в соревновании двух систем XX в.: «Уже в середине прошлого века капиталистическое общество вступило в эпоху научно-технической революции, которая, с одной стороны, практически доказала жизнеспособность капиталистического способа производства, а с другой – вполне выявила внутренне присущую "реальному социализму" экономическую несостоятельность» [3, с. 23]. Каким образом «вполне выявила» остаётся неизвестным. Это либерально-агитационный текст пропагандиста-антисоветчика, но никак не философа.

Введение Ойзерман озаглавливает «Марксизм и догматизм», сразу обозначая направленность своей ревизионистской критики. Первый раздел звучит так: «Догматизм, внутренне присущий учению Маркса и Энгельса». В чём же, по мнению философа-академика, он заключается? Первая догма: «...идея неизбежности социалистического переустройства капиталистического общества была не чем иным, как догматическим убеждением, верованием, которое Маркс и Энгельс разделяли вместе со своими предшественниками-утопистами» [3, с. 31]. Ойзерман желает получить абсолютно точное, математически выверенное доказательство неизбежности социализма, а его отсутствие трактуется им как догматическое верование. Однако, даже в физике, уже на ранних этапах её формирования, Х. Гюйгенсом было высказано положение, что «В физике не бывает точных доказательств...» (цит. по [5]), что никак не отменяет истинности открываемых ею законов природы.

Следующая «догма» касается способа перехода к социализму и тезиса «Манифеста», что «капиталистические производственные отношения отжили свой век, превратились в оковы для развития производительных сил...» [3, с. 35]. Эти положения могут быть

дискуссионно обсуждаемы, но для этого надо реально предложить и хорошо обосновать альтернативу одному и другому. Пока этого нет, все упреки повисают в бесосновности.

Завершим краткий обзор специфики этого ревизионистского поветрия примечательным пассажем, который просто затруднительно как-то разумно комментировать: «Меринг умер в 1919 г. Если бы он прожил ещё 19-20 лет, он мог бы убедиться, что социал-демократы Германии и других западноевропейских стран идут от успеха к успеху, следуя по пути, который в значительной мере был проложен «ревизионистом» Э. Бернштейном» [3, с. 43-44]. Если бы Меринг был жив в 1938-1939 гг., он увидел бы, что его партия находится на нелегальном положении, в стране полноправно господствует нацистская идеология, а мир находится в преддверии мировой войны. Противостоит же этому безумию и в дальнейшем победит его именно то общество, которое было построено на ревизуемых нынче основаниях.

Список литературы

1. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. III т. // Соч. Т. 25. Ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — 545 с.
3. Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма — М.: Канон+, РОО И «Реабилитация», 2005. — 688 с.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург // Соч., Т. 37. - М.: Издательство политической литературы, 1965. — С. 6-8.
5. Кокс А., Полак П. Христиан Гюйгенс - один из крупнейших ученых Голландии // Природа. № 12, 1979 г. URL: https://www.1543.su/VIVOVOCO/VV/PAPERS/NATURE/HUY/HUY_1.HTM

УДК 930.1

М. М. Кухтин

(к. полит. наук, доцент)

Донецкий государственный университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ

***Аннотация.** Тезисы посвящены анализу концептуальных оснований альтернативной истории. Делается вывод о существовании непротиворечивых базовых онтологий, в принципе допускающих эмпирическую верификацию и вполне совместимых с вероятностным подходом к историческому процессу. Кроме того, предлагаемые в его рамках модели могут сохранять познавательное значение, даже если они не являются непосредственным отражением внешней реальности.*

***Ключевые слова:** альтернативная история, базовая онтология, философия науки, контрфактические суждения.*

M. M. Kukhtin

(Candidate of Political Sciences, Associate Professor)

Donetsk State University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

ON THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF ALTERNATIVE HISTORY

***Annotation.** The points are devoted to the analysis of the conceptual foundations of alternative history. It is concluded that there are consistent basic ontologies that, in principle, are empirically verifiable and completely compatible with the probabilistic approach to the historical process. In addition, the models proposed within its framework can retain cognitive significance, even if they are not a direct reflection of external reality.*

***Key words:** alternative history, basic ontology, philosophy of science, counterfactual propositions.*

Среди теоретических проблем гуманитарных наук важное место занимает идея вариативности исторического процесса. Могли бы он развиваться иначе от какой-нибудь фиксированной точки в прошлом, при неизменных стартовых условиях? И какое теоретическое и практическое значение имело бы положительное разреше-

ние данного затруднения? Даже в сугубо материалистической онтологии такие вопросы не лишены смысла. Во-первых, здесь допустима известная аналогия с комментированием шахматных партий. Будучи сыгранными, они точно так же не знают сослагательного наклонения, как и любое другое событие прошлого (по крайней мере, в рамках некоторых философских парадигм). Однако их изучение требует анализа побочных вариантов, без которых решения игроков не могут получить правильного освещения. Таким образом, несбывшееся оказывается не просто отрицанием сбывшегося, но и его необходимым контекстом, комментарием и ключом к нему.

Далее, наука не может ограничиваться простым описанием исторических событий, она должна выявлять их логическую структуру: необходимые и достаточные условия, причинно-следственные связи, взаимодействие изучаемой системы со средой и т. п. Такое единство исторического и логического уже помогает обосновать определенный класс контрфактических суждений. Если, например, доказано, что некий фактор был необходимым условием изучаемого события, то последнее не произошло бы в его отсутствие. Данное умозаключение безупречно с формальной точки зрения, даже если в рамках выбранной базовой онтологии оно не имеет практического значения. Далее, современная математическая логика иногда оперирует понятием «возможных миров», стремясь придать строгий смысл своим базовым модальностям. То есть, утверждается, что возможное истинно (имеет место) в некоторых возможных мирах, необходимое – во всех [1].

Кроме того, нельзя забывать и о методологических и содержательных связях анализа и прогнозирования. Научное предвидение будущего предполагает выстраивание нескольких альтернативных сценариев со своими внутренними закономерностями и вероятностями реализации. Когда будущее наступает, несбывшиеся варианты событий должны до известной степени сохранять свое познавательное значение, утратив чисто прикладное. Футурологические сценарии составляются по определенной процедуре, соблюдение которой служит гарантией их корректности. Если потом они не сбываются, это не отменяет их принадлежности к сфере научного познания. Таким образом, хотя наступившая реальность изгоняет их из области онтологии, они продолжают функционировать в определенном гносеологическом статусе, который может стать

предметом отдельного исследования. Более кратко: если будущее вариативно онтологически, то прошлое – хотя бы гносеологически. При этом даже откровенно ошибочные прогнозы сообщают исследователю какую-то истину о той конкретно-исторической ситуации, в которой они были высказаны.

Наконец, существуют различные истолкования современной физической картины мира. Многомировая модель Эверетта допускает ветвления исторического времени, которые исключаются в рамках копенгагенской парадигмы. Идея мультивселенной получила распространение в современной космологии [2, с. 96-99], в художественной литературе («Сад расходящихся тропок» Х. Л. Борхеса) и философии истории (у С. Б. Переслегина).

Теории последней группы особенно интересны, поскольку они выводят контрфактические суждения из сферы (пусть и полезных) мысленных экспериментов и вплетают их в ткань реальной жизни. Для достижения данной цели так или иначе используются квантовые представления о роли наблюдателя (шире – сознания) в физической Вселенной. В пределе такой подход может привести к буддийской концепции психокосма, однако его смягченные варианты неплохо коррелируют с материалистическим истолкованием научного познания. Выводы, неизбежно следующие из соотношения неопределенностей Гейзенберга и принципа суперпозиции состояний в интерпретации Шредингера, не позволили копенгагенской версии квантовой механики утвердиться в качестве безальтернативной. Дж. А. Уилер полагал, что сознание – это космологическая сила, во многом определяющая пространственное и временное развертывание структуры мироздания, ее фундаментальные свойства. Его знаменитый эксперимент с отложенным выбором заставляет заключить, что идеальное может влиять на физические процессы, включая уже завершившиеся и еще не начавшиеся [3, с. 25]. Именно на таких идеях основаны квантовые мотивы в современных гуманитарных науках.

В данной связи С. Б. Переслегин отмечает: «Для вероятностного подхода существующая «однозначная история» играет ту же роль, что классическая траектория частицы в квантовой механике: она описывает совокупность наиболее вероятных событий. Однако делать какие-либо выводы из изучения только этой совокупности нельзя. Для того чтобы выделить реальные, а не случайные закономерности исторического процесса, необходимо принять во вни-

мание другие (а в идеале – все) возможные «альтернативные истории» [4, с. 52]. Данные рассуждения заставляют вспомнить вероятностное видение мира В. В. Налимова, призванное обосновать «реальность нереального» [5, с. 16-27]. С идеями последнего С. Б. Перслегин, несомненно, знаком [6, с. 361].

С изложенными соображениями можно связать и замкнутые времяподобные кривые К. Гёделя [7], которые в рамках предложенной темы можно интерпретировать двояко: как обоснование циклического времени или альтернативной истории. Если Вселенная точно повторяет какое-то свое прошлое состояние и нет находящегося за ее пределами наблюдателя («особого архангела, который вел бы счет» [8, с. 345]), способного это отметить, то допустимы обе интерпретации гёделевской идеи, которая помогает вписать путешествия во времени в современную физическую картину мира.

Художественное исследование данной проблематики принял Х. Л. Борхес. «Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отмечая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые в свою очередь множатся и ветвятся» [9, с. 142-143]. Интересно, что интерпретаторы данного пассажа охотно обращаются к многомировой теории. Она, по сути, утверждает, что все возможное действительно, хотя и необязательно в нашей версии реальности. Любой физический процесс, способный при данных начальных условиях протекать по-разному, разветвляется всеми возможными способами на параллельных временных линиях [3, с. 27]. Здесь излюбленный фантастический прием смыкается с фундаментальными физическими теориями. Интересно сравнить с этим понятие алеаторного в постмодернизме. Согласно Ж. Бодрийяру, алеаторная вселенная характеризуется не только господством хаоса и случайности, но и принципиальной недоступностью для однозначных интерпретаций [10, с. 34-36]. Данная концепция является, по сути, радикализацией индетерминистских подходов в современной физике. Очевидно, что такое заострение идеи квантовой неопределенности не является необходимым для обоснования вариативности прошлого.

Интересную психологическую интерпретацию заявленной темы дал А. С. Грин: «Рано или поздно, под старость или в расцвет лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь по-

нять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты?

Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкуя о делах дня» [11, с. 126].

Для полноты классификации следует упомянуть и теологические истолкования вопроса. По мнению Петра Дамиани [12, с. 388-391] и Льва Шестова [13, с. 179], власть Бога над творением включает и способность менять прошлое, делать бывшее небывшим. Менее радикальная теория «среднего знания» иезуита Л. де Молины рассматривает божественное всеведение в том числе и как основу истинных контрфактических суждений [14].

Альтернативная история нередко подвергалась критике в рамках более традиционных научных подходов. Из относительно недавних работ можно вспомнить весьма обстоятельный и аргументированный анализ Г. Э. Даниленко [15]. Следует полностью признать релевантность таких возражений в контексте выбранной базовой онтологии, однако не исключено, что некоторые несовместимые с ней мировоззренческие послышки могут быть так или иначе интегрированы в научную картину мира.

Таким образом, вопрос о ценности альтернативной истории, по крайней мере, остается открытым. Даже в системе мира Ньютона-Лапласа несбывшееся может оказаться полезным комментарием к фактической последовательности событий, а некоторые другие базовые онтологии иначе трактуют природу контрфактических суждений и приписывают им более высокий статус. Не исключено, что углубленное рассмотрение данных вопросов поможет прояснить логическую структуру современного гуманитарного знания.

Список литературы

1. Menzel C. Possible Worlds / C. Menzel // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/possible-worlds/> (accessed on: 17.03.2024).
2. Риз М. Дж. Жизнь в других вселенных и в нашей: космологическая перспектива / М. Дж. Риз // Много миров. Новая Вселенная, вземем

- ная жизнь и богословский подтекст. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 79-100.
3. Merrell F. Science and mathematics in a literary mode / F. Merrell // *The Cambridge Companion to Jorge Luis Borges* / ed. by E. Williamson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – P. 16-28.
 4. Переслегин С. Б. «Пестрая лента» в гильбертовом пространстве / С. Б. Переслегин // *Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция.* – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 45-61.
 5. Налимов В. В. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного / В. В. Налимов, Ж. А. Дрогалина. – М.: МИР ИДЕЙ: АО АКРОН, 1995. – 432 с.
 6. Переслегин С. Б. Дружба мушкетеров при живых королях / С. Б. Переслегин // *Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция.* – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 361-381.
 7. Hunter J. Time Travel / J. Hunter // *Internet Encyclopedia of Philosophy.* – URL: <https://iep.utm.edu/timetrav/> (accessed on: 19.03.2024).
 8. Борхес Х. Л. Учение о циклах / Х. Л. Борхес // *Собрание сочинений в 4 т. 2-е изд., стер. Т. 1.* – С. 335-346.
 9. Борхес Х. Л. Сад расходящихся тропок / Х. Л. Борхес // *Собрание сочинений в 4 т. 2-е изд., стер. Т. 2.* – С. 135-145.
 10. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр // *Академический бестселлер.* – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с.
 11. Грин А. С. Бегущая по волнам / А. С. Грин // *Избранные произведения в двух томах. Т. 2.* – Симферополь: Таврия, 1976. – С. 125-297.
 12. Дамиани Петр. О божественном всемогуществе / Петр Дамиани // *Сочинения Ансельма Кентерберийского.* – М.: Канон, 1995. – С. 356-394.
 13. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. – М.: Прогресс – Гнозис, 1992. – 302 с.
 14. Laing J. D. Middle Knowledge / J. D. Laing // *Internet Encyclopedia of Philosophy.* – URL: <https://iep.utm.edu/middlekn/> (accessed on: 12.03.2024).
 15. Даниленко Г. Э. Контрфактическая альтернативистика в истории: критический анализ / Г. Э. Даниленко // *Культура и цивилизация.* – 2016. – № 1 (3). – С. 41-46.

УДК 101

Э. Н. Давыденко

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

ОТ ФОРМАЦИОННОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА РАЗВИТИЯ К МНОГОМЕРНОМУ ПОДХОДУ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

***Аннотация.** Рассматривается возможность синтеза формационно-стадиальной картины мира с цивилизационным подходом как методологический прием многомерного познания социально-исторической реальности.*

***Ключевые слова:** методология, многовариантность, формация, цивилизация, культура.*

E. N. Davydenko

(Candidate of Philosophical Sciences)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after M. Tygan-Baranovsky,

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

FROM THE FORMATIONAL AND CIVILIZATIONAL APPROACH OF DEVELOPMENT TO THE MULTIDIMENSIONAL APPROACH OF COGNITION OF SOCIO-HISTORICAL REALITY

***Annotation.** The possibility of synthesizing a formational-stadial picture of the world with a civilizational approach as a methodological technique for multidimensional cognition of socio-historical reality is considered.*

***Keywords:** methodology, multivariate, formation, civilization, culture.*

Проблема реконструкции предмета исторического исследования в условиях современного развития науки нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем совершенствовании методологического поля исследования, в разработке многомерного подхода познания социально-исторической реальности, позволяющего в определенной степени преодолеть и разрешить противоречия формационного и цивилизационного подходов. Необходимость дополнения форма-

ционного подхода цивилизационным обусловлено отходом современной философской и социальной теории от идеи линейности развития (процессов развертывания и трансформации социума) и соответственно актуализирует теоретический анализ феномена многовариантности, становящегося одной из базовых компонент в системе социального познания. Многовариантность общественного развития отсылает нас, с одной стороны, к прошлому и тем типам общества, которые существовали с момента возникновения человечества, а с другой стороны, к будущему – очерчивая перспективы развития современных обществ.

На сегодня определились два методологических подхода к познанию социально-исторической реальности. Формационный – монистический, цивилизационный – плюралистический. Методологию формационного подхода рано отвергать. Как отмечает А.С. Панарин, задача методологии заключается в модернизации формационного учения, очищении его от идеологических напластований и в сопряжении с цивилизационным подходом [1, с. 199]. Одной из таких попыток является концепция, разрабатываемая Ю.И. Семеновым [2]. Попытка модернизации формационной теории предпринимается и реализуется с учетом данных современной исторической науки, других наук и в целом достаточно аргументирована в аспекте раскрытия многообразия, полицентризма и вместе с тем единства исторического процесса, множественности логик развития его подсистем.

Взаимодополняемость формационного и цивилизационного подходов требует рассмотрения их сильных и слабых сторон.

Указывая на недостатки формационного подхода, В. В. Ильин отмечает: «... формационный подход с позиций оценки и фактологии и логического и систематического значения понятий, очевидно, во многом несовершенен. В ракурсе "вширь" он плохо ложится на ситуацию скандинавской, славянской, сибирской культур, равно как не затрагивает вершения истории в Ближне- и Дальневосточном, Среднеазиатском и некоторых других регионах. В ракурсе "вглубь" он отвлекается от концептуализации характерных проявлений общественных отношений, таких как статус властного фактора в человеческой жизни, роль торговли, рынка в становлении вторичных и третичных формационных признаков, природа "третьего мира" и т. д. Иными словами, ограниченный эмпирически и теоретико-модельно, он не является всеохватывающе-

всеобъемлющим» [3, с.20]. Автор к недостаткам формационного подхода относит: 1) его дегуманистичность, т.к. формационный подход оперирует гуманитарно пустыми генерализациями («строй», «собственность», «трудовой ресурс»), обделенными реально человеческим пафосом; 2) схематичность, т.к. имеют место случаи нетипические, никак не укладывающиеся в пятичленку – «азиатский способ производства», «античная формация»; 3) формационный подход не отвечает эпистемологически значимому критерию гомогенности; 4) эсхатологичность, проявляющаяся в том, что любая ступень общественной истории лишена самодостаточности: она – лишь веха на пути к последующему [3, с. 21].

Учитывая замечания Ильина уточним, что: во-первых, история – не развертывание экономической, базисной необходимости. В ней есть человек, который марксистами отчуждается (в капиталистическом обществе) от предмета и результата своей трудовой деятельности и рыночных отношений в целом. Процессы отчуждения в обществе формируют через трудовую деятельность негативное отношение одного человека к другому человеку как эксплуатируемого и эксплуататора.

Во-вторых, формационный подход предполагает однолинейный характер исторического развития. Теория формаций была сформулирована как обобщение исторического пути Европы, но не стран Востока, Африки и Латинской Америки. Позже исторические исследования показали, что в развитии определенных стран (например, России) не всегда можно вставить в схему смены пяти формаций.

В-третьих, единство общечеловеческой истории, линейный характер общественного развития и законы жесткой детерминации создают определенные трудности в отражении многообразия, многовариантности исторического развития. Не учитывается, что история и реализуется как синтез проявляющихся более или менее спонтанно возможностей, как статистическое резюмирование альтернатив, предполагающих случайности. Характеризуя логику «Капитала» Маркса, Энгельс отмечал, что «этот метод, в сущности, является не чем иным как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей» [4].

В-четвертых, для формационного подхода характерна жесткая привязка любых исторических явлений к способу произ-

водства, системе экономических отношений. Безусловно, одним экономическим фактором проблему различия между Азией и Европой не объяснить. Объяснение истории с позиции экономического детерминизма хотя не исключает влияние духовных, социальных, политических факторов, но многие процессы культурной, духовной жизни рассматриваются упрощенно, не выявляются причины неравномерного и своеобразного развития отдельных народов.

В-пятых, формационный подход содержит элементы провиденциализма и социального утопизма. Формационная концепция предполагает неизбежность развития исторического процесса от бесклассовой первобытнообщинной через классовые – рабовладельческую, феодальную и капиталистическую – к бесклассовой коммунистической формации. К. Маркс и его ученики затратили много усилий для доказательства неотвратимости наступления эры коммунизма, в которой каждый будет вносить свое достойное по способностям, а получать от общества по потребностям. Утопический характер этой схемы обнаружился в последние десятилетия существования Советского Союза и социалистической системы.

В-шестых, формационный подход практически отрицал национальную специфику и своеобразие отдельных государств, акцентируя внимание на том общем, что было характерно для всех обществ – способе материального производства. Странниками формационного подхода не учитывалось, что, надстройка (политика, право, мораль, искусство) характеризуется способностью компенсировать, например, слабость нарождающихся производственных отношений, расчищать для них социально-политическое пространство посредством законодательных, политико-административных мер, моральных императивов, эстетических идеалов.

В-седьмых, теория формаций зиждется на признании одноукладности общества. Но реальная история свидетельствует, что многоукладность является закономерностью едва ли не всякого общества. Причем ни одному из укладов приписывать определяющую роль нет оснований (аргумент А. Я. Гуревича). Формационный подход, отмечает М. А. Барг, не может объяснить исторического многообразия обществ, имеющих многоукладную экономику, элементы которой не всегда или вообще не связаны с господствующим способом производства.

Формационный метод, по мнению академика М. А. Барга не

позволяет учитывать неформационные начала общественной жизни, прежде всего, естественную историческую среду обитания, поэтому формационный подход не может претендовать на глобальную эвристическую функцию в историческом познании вообще. Также многие ученые отмечают слабое освещение в формационной системе места и роли культуры, прежде всего, традиционной культуры (А. Я. Гуревич).

Формационный подход как антисубъективистская интеллектуальная традиция сыграл положительную роль в методологии социального познания, однако эвристически самоисчерпался, и в настоящий момент не оказывает плодотворного воздействия на гуманитарные искания, генерализацию исторической фактуры. Следовательно, адекватная концептуализация исторического процесса, социальности должна дополняться цивилизационным подходом.

Цивилизационный подход формировался постепенно с XVIII по XX вв. В зарубежной историографии наиболее яркими приверженцами этой методологии являются М. Вебер, А. Тойнби, О. Шпенглер и ряд крупных современных историков, объединившихся вокруг исторического журнала «Анналы» (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф и др.). В российской исторической науке его сторонниками были Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, П. А. Сорокин.

Только в 1819 г. слово «цивилизация» впервые появилось во множественном числе, что свидетельствует о начале признания исследователями многообразия и различий в цивилизационном устройстве народов на протяжении тысячелетий мировой истории.

Цивилизационный подход имеет плодотворную методологическую почву, прежде всего для исторической науки, ибо позволяет синтезировать объективный подход к истории (и основанное на нем формационное деление) и субъективный (антропологический) аспект истории, связанный с деятельностью человека. Это позволяет представить исторический процесс в динамическом сопряжении объективно-заданного и субъективно-волевого начал. Последнее особенно важно для понимания духовной ситуации на каждом этапе истории. Это «человеческое измерение» исторических событий заключается в ментальности каждой эпохи и цивилизации, под которыми понимается особый путь умонстроения большинства людей, ведущая вера или идея, вдохновляющая миллионы. Однако уповать только на духовный потенциал было бы не меньшей односторонностью, чем принимать во внимание только экономический

базис или социально-политические институты общества. По М.А. Баргу цивилизационный подход ориентирует исследователя на познание прошлого «через все формы объективации субъекта истории» [5].

Цивилизационный подход открывает возможность изучения многовариантности путей общественно-исторической эволюции различных регионов планеты, стран и народов, тогда как в формационном подходе универсальность этой эволюции достигается ценой лишения народов их исторической индивидуальности [1, с. 193].

Ключевая идея цивилизационного подхода состоит в отрицании единства истории человечества и его прогрессирующего развития. По логике этого подхода существует множество исторических образований (цивилизаций), слабо или вообще не связанных друг с другом. Все эти образования равноценны. История каждого из них уникальна, как уникальны они сами. Цивилизационный подход делает упор на изучение специфики локальных цивилизаций, подчеркивая многообразие форм исторического процесса. На основании цивилизационного подхода выделяется множество концепций, построенных на разных основаниях, почему его и называют плюралистическим [1, с. 189], принимающим во внимание сложное переплетение технического, экономического, политического, религиозного и других социокультурных факторов в общественно-историческом процессе.

Главное отличие цивилизационного подхода от формационного – отсутствие решающей детерминации в развитии общества. Цивилизационный подход, в отличие от формационного обращает внимание не только на экономические моменты, но и на значение идеально-культурных факторов – культуры, религии, право, психологически факторы, национальные, политические и географические особенности общества. Если в формационном подходе есть predeterminedness, направленность, то в цивилизационном – многовариантность истории.

В теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского цивилизации различаются своеобразным сочетанием четырех основополагающих элементов: религиозного, культурного, политического и общественно-экономического. В одних цивилизациях доминирует экономическое начало, в других – политическое, в третьих – религиозное, в четвертых – культурное. Только в России, по

мысли Данилевского, осуществляется гармоническое сочетание всех этих элементов.

Если согласно формационному подходу общество неуклонно движется по линейному пути прогресса, поскольку каждая последующая общественно-экономическая формация прогрессивнее предыдущей, соответственно история имеет признаки телеологичности, то сторонники цивилизационного подхода считают, что история – нелинейный процесс зарождения, жизни и гибели не связанных друг с другом цивилизаций в различных уголках Земли.

Цивилизационный подход в контексте применения многомерного подхода имеет ряд сильных сторон:

- 1) его принципы применимы к познанию истории общества, с учетом специфики стран и регионов. Отсюда проистекает универсальность данной методологии;
- 2) ориентация на учет специфики стран и регионов предполагает представление об истории как нелинейном, а многолинейном, многовариантном процессе. У Тойнби это процесс жизни и гибели не взаимосвязанных друг с другом цивилизаций в разных уголках Земли;
- 3) цивилизационный подход не отвергает, а, напротив, предполагает целостность, единство человеческой истории. Цивилизации как целостные системы сопоставимы друг с другом. Это позволяет широко использовать сравнительно-исторический метод исследования, чтобы глубже понять исторические процессы, зафиксировать их общие стороны и выделить особенности;
- 4) выделение определенных критериев развития цивилизаций позволяет оценить уровень достижений тех или иных стран, народов и регионов, их вклад в развитие мировой цивилизации;
- 5) цивилизационный подход отводит подобающую роль в историческом процессе человеческому духовно-нравственному и интеллектуальному факторам.

В качестве отличительных критериев развития цивилизаций нужно выделить: 1) уровень духовной культуры общества (традиции, образование, наука, искусство, религия, этика); 2) уровень политических отношений в обществе, в том числе социальной защищенности человека; 3) уровень правовой и нравственной культуры данного общества; 4) уровень наукоемкого общественного производства; 5) уровень развития техники и технологий; 6) уровень развития способностей и потребностей, как ведущих элементов исто-

рического развития; 7) степень гуманизации человека, недаром переход к цивилизационной стадии у многих народов был связан с распространением религии, несущих гуманистические нравственные ценности, - буддизма, христианства, ислама, иудаизма; 8) коэволюция природы и цивилизации.

Все эти элементы как признаки цивилизации тесно связаны, переплетены и меняются от эпохи к эпохе, возникают в конкретных условиях позднее или раньше.

Таким образом, несмотря на различное понимание истории каждый из рассматриваемых подходов необходим и важен, но недостаточен сам по себе. Так, формация акцентирует внимание на универсальном, общем, повторяющемся, а цивилизация – на локально-региональном, уникальном, своеобразном. Цивилизационный подход сам по себе не может объяснить причины и механизмы перехода от одной фазы цивилизационного развития к другой, а в рамках формационного подхода сложно описывать различие стран Запада и Востока. Оба рассмотренных подхода – формационный и цивилизационный дают возможность рассмотреть исторический процесс под разными углами зрения, поэтому они не столько отрицают, сколько дополняют друг друга. Вероятно, в будущем обществоведам удастся оба эти подхода синтезировать, избегая крайностей каждого из них.

Список литературы

1. Панарин А. С. *Философия истории: Учеб. Пособие* / Под ред. проф. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. 432 с.
2. Семенов Ю. И. *Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве* // *Философия и общество*. 1997. № 1. С. 158.
3. Ильин В. В. *Философия истории*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 380 с.
4. К. Маркс, Ф.Энгельс. *Соч.* Т. 13, С.497
5. Барг М. А. *Цивилизационный подход к истории: дань конъюнктуре или требование времени* // *Цивилизации*. М., 1993. Вып.3

УДК 141.8

Р. П. Соловьёва

(к. ист. наук, доцент)

Ю. М. Соловьёва

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Аннотация.** В статье раскрывается сущность социализма, как концептуальной теории, ориентированной на построение справедливого общества; показываются основные принципы и модели социализма; освещаются характерные особенности проявления социалистических идей в странах мира; обосновывается необходимость инновационного использования положительных приоритетов социалистических идей в условиях поляризации мирового пространства.*

***Ключевые слова:** страны мира, теория, концепция, социализм, социалистическая идея, социалистическая модель.*

R. P. Solovyova

(Candidate of Historical Sciences, Associate Professor)

U. M. Solovyova

(Senior Lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade
named of Mikhail Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

SOCIALIST IDEA: THEORETICAL ASPECTS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION IN THE WORLD SPACE

***Abstract.** The article reveals the essence of socialism as a conceptual theory focused on building a just society; the basic principles and models of socialism are shown; the characteristic features of the manifestation of socialist ideas in the countries of the world are highlighted; the need for innovative use of the positive priorities of socialist ideas in the conditions of polarization of the world space is substantiated.*

***Key words:** countries of the world, theory, concept, socialism, socialist idea, socialist model.*

На этапах развития мирового пространства были известны различные альтернативные варианты цивилизации, среди которых важное место занимала социалистическая модель. Особенности социалистической идеи и формы проявления социализма изучали многие ученые: Айрапетов В.А., Афонин В., Гуторов В.А., Дмитриев Т.А. и другие.

Авторы статьи ставят цель – исследовать концептуальную сущность и принципы социализма, модели его реализации в странах мира.

Социализм – это идеология, ориентированная на построение справедливого государства на основе общественной собственности и социального равенства. Эти инновационные идеи возникли ещё в XVI-XVII вв. в работах Т. Мора «Утопия», Т. Кампанеллы «Город Солнца». Но идеологией социализм стал только в начале XIX в., когда новые идеи проникли в сознание масс и мотивировали политические действия рабочего класса. Основатели марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс употребляли слово «социализм» в значении «коммунизм» (новая формация) [1]. По утверждению Ленина, социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа [2, с. 192], имея в виду не только перспективы государственности, но и качественные аспекты прогресса всего человечества. Исходя из концептуальных воззрений исследователей, социализм – это общественно-экономическая система, определенный общественный строй, основу которого составляют идеи социальной справедливости, всеобщего равенства и свободы в социуме.

Первым создателем социалистической доктрины является Платон, а творцом утопического социализма принято считать Томаса Мора. Термин «социализм» впервые был употреблен в 1830-1840 гг. Оуэном и его сторонниками. Это понятие появилось и во Франции, хотя сами идеи возникли раньше. Французский социализм стал важной вехой в развитии социалистического учения: Анри де Сен-Симон придумал термин «социализм» для обозначения идеала общественного развития, выражающего альтернативу развития социума с позиций главной производительной силы, а француз Пьер Леру ввел в оборот в 1834 году. С тех пор с категорией «социализм» связываются социально-политические концепции, предполагающие усиление тенденции социальной гармонии.

Теоретические идеи социализма в той или иной степени освещали мыслители и политики: Т. Мор, Т. Кампанелла, К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Бернштейн, В. Ленин. В процессе развития мирового сообщества борьба за справедливые идеалы человечества обрела аргументированный характер. Карл Маркс совместно с Фридрихом Энгельсом в 1848 году написали «Манифест Коммунистической партии». Основоположник демократического социализма аргументировал, что демократические права и свободы по-настоящему доступны рабочему классу, когда средства производства в руках государства, действующего от имени народа. Впоследствии, социализм стал широко распространенной идеологией среди прогрессивных интеллектуалов. В странах мира возникали социалистические партии и движения, которые боролись за политические права и социальную справедливость. Одним из первых примеров реализации социализма была Парижская коммуна в 1871 году. В ходе социального эксперимента рабочий класс временно захватил власть, попытался установить новую систему, но коммуна была подавлена, а идея социализма продолжала развиваться и привлекать сторонников [3]. Социализм рассматривался теоретиками как идеология и экономическая система, основанная на принципах: 1) общественного равенства (возможность доступа всех к основным благам и распределению доходов); 2) социальной справедливости (справедливая оплата труда и распределения богатства); 3) коллективной собственности (средства производства принадлежат обществу, а не отдельным субъектам или компаниям); 4) отсутствия эксплуатации (исключение угнетения); 5) политических свобод (слова, печати, вероисповедания); 6) плановой экономики (планирование экономической деятельности). Основным принцип социализма «От каждого по способности, каждому по труду» является выражением социалистических производственных отношений, общей марксистской формулой первой фазы коммунизма. Все принципы социализма ориентированы на создание справедливого и равного общества, их реализация отличается в странах и контекстах. В научном мире распространены виды социалистических идеологий: утопический, государственный социализм, марксизм, коммунизм, социал-демократизм с определенной интерпретацией ее базовых ценностей. На практике социализм имеет различные формы и вариации, включая демократический; рыночный; либертарианский; христианский; авторитарный; национал-социализм.

Важным сегментом, который объединяет направления социалистической мысли, является общественная собственность на средства производства.

В контексте истории известны примеры практической реализации альтернативных идей: 1) в Древнем Египте наблюдалась тенденция формирования административно-бюрократической системы, основанной на огосударствлении экономики, элементы которой сложились в Древней Месопотамии (шумерские цари III династии Ура сконцентрировали экономическую деятельность в едином бюрократическом хозяйственном комплексе). Цари Египта из династии Птолемеев создали экономическую систему, напоминавшую в некоторой степени созданную Сталиным в СССР. 2) Древний Рим в III веке заимствовал особенности египетской политики государственного распределения; в русле идеализации древневосточной монархии появились утопические концепции общественного устройства на основе принципа иерархического управления просвещенной элиты [4, с. 14-15]. 3) В Османской империи крестьянам выделяли стандартные наделы земли, которая была государственной. 4) В Китае собственником земли было государство; действовала система равных наделов для крестьян. В последующие периоды развития общества тенденция распространения социалистических идей стала приоритетной.

Первое в мире государство с признаками социализма было создано в начале XIX века в бывшей южноамериканской колонии Испании – Парагвае. В XX веке социализм стал особенно популярен после событий 1917 года в России, когда большевики провозгласили социалистические идеи. Опыт создания в 1922 году Советского Союза, первого социалистического государства в мире, стал примером для других стран и движений, стремившихся к социализму [3]. Исторический смысл русской революции 1917 года Вебер видел в превращении социализма из доктринального идеала в практическую задачу построения общества по лекалам марксистского социализма. Но в 1918 году констатировал, что эксперимент большевиков не вызывает воодушевления, бюрократии как способу управления нет серьезной альтернативы, критиковал социалистическую иллюзию, возражал против социалистического эксперимента. Такие концепты были неутешительны для адептов марксистского социализма [5, с. 88-89; 95; 100]. Однако в Западной Европе усилился интерес к глубокой по содержанию интерпретации феномена

социализма. У Вебера была определенная концепция социализма и понимание роли марксистского учения в его формировании. Он никогда не утверждал, что социализм как тенденция экономического и политического развития является утопичным и поэтому неосуществимым [4, с. 14]. Начиная с 7 ноября 1917 года в мире не было и дня, чтобы не существовали социалистические государства. Социализм вышел за пределы одной страны и превратился в мировую систему. Социалистическими стали: 1) в Европе (Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия); 2) в Азии (ВНР, КНР, КНДР); 3) в Латинской Америке (Куба). В 1949 году на путь социализма перешла ГДР, победила революция в Китае. На рубеже 50-60-х годов XX века в мировую систему социализма вошла Куба: в 1959 году в результате революции власть перешла в руки Фиделя Кастро. После войны 1975 года Вьетнам сочетал социалистические принципы с рыночной экономикой; частную собственность и предпринимательство. Китай и Куба, внесли изменения в новую систему, создали гибридные модели социализма и капитализма. В XX веке социалистическими были: Албания, Болгария, Венгрия, Вьетнам, ГДР, Китай, Лаос, Монголия, Польша, Республика Куба, Румыния, Северная Корея, Чехословакия, Югославия. Сейчас известны социалистические страны: Китай, Вьетнам, КНДР, Куба и Лаос. В них в совокупности проживает 1,5 млрд. человек (около 20% населения мира).

Наиболее успешный – Китай, где социализм практикуется с 1949 года и экономика стремительно развивается. Государства, которые приняли социалистическую систему управления, внедряли различные ее модели. В странах марксистского социализма под контролем государства – основные отрасли экономики и обеспечение социальной защиты населения. В СССР, Китае и Кубе взята модель коммунизма: государство контролирует средства производства и распределяет ресурсы среди населения. В Швеции и Норвегии развивается модель демократического социализма: сочетание социалистических и демократических принципов, обеспечение социальной защиты и равенства граждан; наличие политических партий; свобода слова. Финляндия реализует модель социал-демократии: регулирующая роль государства, наличие частного сектора, предоставляющего товары и услуги. В Китае и Вьетнаме – модель рыночного социализма: комбинирование элементов рыночной экономики с социалистическими принципами, контролирующую

шая роль государства, допуск частной собственности и предпринимательства, стимулирование экономического роста и инноваций.

Как свидетельствует мировой опыт, разные формы социализма имели особенности и отличия, но главным приоритетом было создание общества на принципах справедливости и равенства. Однако, некоторые ученые выдвигают критическую интерпретацию практической реализации социализма: 1) социализм может привести к ограничению личной свободы; 2) в социалистической системе может отсутствовать конкуренция и мотивация для предпринимательства, развития бизнеса, внедрения инноваций; 3) распределение ресурсов может стать объектом коррупции; 4) государственное управление может усилить бюрократию, неэффективность принятия решений, в отличие от рыночной экономики с наличием конкуренции и свободы предпринимательства; 5) государство может контролировать СМИ, ограничивать политические свободы; 6) может отсутствовать плюрализм и демократия [3]. Однако обозначенные проблемы не являются неизбежными следствиями социализма. Реализация социалистической системы может различаться в разных странах, зависеть от множества факторов; предполагаемые риски могут решаться или смягчаться с помощью эффективных концептуальных идей управления.

Трансформация социалистической системы в СССР и странах Центральной и Восточной Европы, возврат их на рыночный путь развития выявили, наряду с развитием политической демократии, новые формы бюрократизации, не имевшие аналогов в прошлом и породившие новый феномен, названный современными учеными «бюрократической антиполитикой». Инновационное экономическое и политическое пространство, названное «постсоциалистическим», возможно, еще даст импульс новым социальным экспериментам, в которых социалистическая составляющая будет играть далеко не традиционную роль. Теория М. Вебера, в рамках которой социализм рассматривался в качестве постоянного фактора развития современной цивилизации, не дает оснований для вывода о том, что этот фактор станет менее значимым в будущем [4, с. 16]. В настоящее время, социализм остается важной идеологией и экономической системой в мировом пространстве; этот концепт продолжает вызывать дискуссии и споры о своей эффективности и применимости в современном мире.

Выводы: таким образом, социализм – это определенный общественный строй с приоритетными идеями социальной справедливости, общего равенства и свободы, имеющий различные формы и вариации. В странах мира на этапах развития социума он реализовывался на практике по-разному, в зависимости от объективных условий, расстановки политических сил и особенностей исторического контекста. В современных реалиях социализм – это важная историческая и политическая концепция, которая продолжает влиять на общество и определяет концепты и инновационный формат научных философских дискуссий.

Список литературы

1. Афонин В. Социализм по Ленину и по Энгельсу. – URL. – <https://proza.ru/2014/01/16/2001> (дата обращения: 03.03.2024)
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Изд. 5. – Том 34. – Москва: Издательство Политической литературы, 1969. – 585 с.
3. Социализм: Как формировалась и развивалась мировая система образования. – URL. – <https://nauchniestati.ru/spravka/obrazovanie-mirovoj-sistemy-soczializma> (дата обращения: 03.03.2024)
4. Гуторов В.А. Макс Вебер и социалистическая традиция // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Том 2. – №3. – С. 12-17
5. Дмитриев Т.А. Русская революция как опытное опровержение социализма: версия Макса Вебера // Социологическое обозрение. – 2017. – Т.16. – №3. – С. 87-110

УДК: 32.019.5:130.2

Ю. М. Лустин

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

**ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
КАК КОНСТРУКТИВНАЯ ФОРМА
ПОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ**

*История учит лишь тому, что она
никогда ничему не научила народы*

Г. В.Ф.Гегель

***Аннотация.** Предпринята попытка обосновать историческое сознание в качестве формы познания пространственно-временной событийности в противоречивом контексте бытия человека и общества. Определена социально-методологическая сущность и конструктивное содержание исторического сознания. Выявлена роль исторического сознания в духовной, антропо-культурной, этнонациональной жизнедеятельности личности и социума. Актуализирована идея о новой парадигме общественно-экономического устройства, которая редуцирована на разрешение глобальных проблем человечества.*

***Ключевые слова:** человек, общество, историческое сознание, познание, конструктивное, развитие.*

Yu. M. Lustin

(Candidate of Philosophical Science, Associate Professor)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

**HISTORICAL CONSCIOUSNESS
AS A CONSTRUCTIVE FORM OF
KNOWLEDGE OF SOCIAL PROCESSES**

***Annotation.** An attempt is made to substantiate historical consciousness as a form of cognition of spatio-temporal eventfulness in the contradictory context of human existence and society. The socio-methodological essence and constructive content of historical consciousness are determined. The role of*

historical consciousness in the spiritual anthropo-cultural, ethno-national life activity of the individual and society is revealed. The idea of a new paradigm of socio-economic structure, reduced to solving global problems of mankind, is actualized.

Key words: *man, society, historical consciousness, cognition, constructive, development.*

Социокультурная динамика современного развития цивилизации, возрастающие угрозы мировой безопасности, расширение этнонациональных конфликтов, волюнтаристический диктат западных стран в вопросах международных отношений, процессы ускорения социкиборгизации человека и его «электронно-цифровая» чипизация, кризис неолиберального глобализма и человеческой индивидуальности проблематизируют научное поле смыслового понимания Истории. Тривиальный подход к истории и ее политизированное искажение активируют систему глобальных угроз человечеству, приводят к расшатыванию мировоззренческих устоев сознательного гражданина, нивелируют практические усилия прогрессивного человечества по предотвращению опасности термоядерной войны. Эти и другие моменты усиливают исследовательский интерес к конструктивным формам познания генезиса исторического сознания, мировой истории человечества, социокультурного предназначения исторического процесса, рационального смысла духовных идеалов и национально-исторических ценностей конкретного общества.

В парадигме общепланетарного развития цивилизации возрастает статус и онтологическое значение человеческого фактора в созидающих условиях сознательного Бытия субъекта истории, о чем свидетельствует его антропо-природная активность. Социальная логика феномена историчности, индивидуально-личностный уровень исторического сознания в значительной мере определяют и обеспечивают социальное поведение людей в информационной среде социума, рациональность познания общественных процессов. В этом смысле, как никогда, актуален марксистско-ленинский подход к пониманию роли личности и народных масс во всемирной истории. Рассматривая сущность человека в парадигме научно-исторических форм его эволюционного развития доктор философских наук Т.Э. Рагозина подчеркивает «наличные исторические формы представлений о природе и сущности человека, внешне

столь несопоставимые и, казалось бы, полностью взаимно исключают друг друга, в действительности воплощают лишь начальную и «конечную» ступени развития *понятия «человек»* [1, с.45].

Необычность сложно структурированного понятия «историческое сознание» представляет многосмысловую трудность в ее научно-теоретическом анализе. Конструктивное постижение смысла истории, системный подход к ее содержанию детерминирован культурой античного историзма в его одухотворенности методологией историко-описательной традиции «отца истории» Геродота (И.Е. Суриков, 2010, с.66-100).

Многообразие атрибутов (форм) исторического сознания, их разносторонняя роль в структуре общественного сознания отражены в работах Г.А. Гизатуллиной, Р.А. Каменской, В.А. Лекторского, А.А. Линченко, Б.Г. Могильницкого, И.А. Яблокова и др. В работах западных теоретиков, анализирующих проблемы исторического сознания, преобладает экзальтированная логика феноменологических, (Э.Гуссерль, М.Хайдеггер), экзистенциальных (С. Хантингтон), эмпирических (Х.-Ю. Пандель [2]), герменевтических (Х.-Г. Гадамер) построений.

В центре внимания современного социально-философского познания находятся несколько научных парадигм, эпистемологическая значимость которых важна для концептуального понимания многих аспектов исторического сознания. Основными из них являются: методологическая (В.В. Балахонский, М.В. Бахтин, В.Г. Пичугин); социально-онтологическая (В.М. Межуев, Ф.А. Селиванов, О.Е. Столярова, В.М. Розин, М.Н. Чистанов); логико-гносеологическая (Э.Н. Давыденко, В.И. Кудашов, А.К. Скепкина); функционально-социологическая (С.А. Кравченко, А.И. Скворцов, Е.О. Труфанова, П.В. Фадеев). В работах отмеченных авторов находит свое проявление принцип историзма, который в своих логико-когнитивных конструктах воспроизводит различные аспекты исторической реальности. Такая явленность исторического сознания может трактоваться в значении универсальной формы отражения социальной материи, типологического конструктива миропонимающего мышления индивида, характерного источника изменчивости и преемственности в развитии общества.

Эволюционируя и продуктивно воплощаясь в динамике общественного развития историческое сознание имеет социально-природное содержание, субстанционально заданные форматы ци-

визационного обнаружения и функциональность практической реализации. Оно представляет собой последовательно накапливающиеся в историческом опыте поколений специфические знания о закономерных процессах социального бытия и конкретных результатах общественного развития. Как вид общественного сознания, историческое сознание пронизывает все сферы жизни индивидуальной жизнедеятельности и общественного развития. В этом значении историческое сознание представляет собой рациональное средство осмысления обществом своего прошлого, настоящего и будущего, что характерно сказывается на социально значимой активности людей.

В целеопределенном познании истории заложен конструктивный механизм осмысления истинности всех общественных процессов, обеспечивающий цивилизационную направленность и оптимальную продуктивность социальных действий человека и общества. Активность субъекта исторического процесса находит проявление в конкретных действиях людей, направленных на преобразование природы и достижение определенного уровня общественного благосостояния. Историческое сознание выступает в роли определяющего фактора социально-исторического действия людей, так как в своей онтогносеологической сущности выступает основанием правильности сделанного того или иного исторического выбора, правомерности того или иного общественно признанного деяния (поступка).

Историческое сознание преемственно формируют мировоззрение личности, этнический колорит национального образа жизни, культурно-бытовую ментальность социальной общности. Оказывая регулятивное влияние на онтологию общественной жизни оно становится конструктивной сферой комплексного осмысления судьбоносных тенденций в жизни народов, наций, этносов. «Историческое сознание, как утверждает М.М. Кучуков, меняется и утверждается в своем содержании на основе создания, конструирования новой истории общности, её взаимоотношений с сосуществующими народами» [3, с.86].

Философия развития фактической образности исторических событий, детерминируемых взаимодействием общественного бытия и общественного сознания, направлена на аксиологический поиск цивилизационных регулятивов морально-духовной, идейно-нравственной, социально-исторической деятельности стран и наро-

дов. Именно поэтому в историческом сознании интегрируется сокровенное содержание коллективной социально-исторической памяти (Ю.Д. Артамонова, Л.П. Репина, Е.А. Ростовцев, В. А. Тишков).

Особенностью современных трансформационных процессов развития в мире является сопряжение различных дискурсов взаимодействия, в которых интегративная сторона исторического сознания много свойственна. В социально-методологическом контексте такой модальности исторический дискурс направлен, прежде всего, на разрешение противоречия между социальными общностями, их морально-духовными ориентациями, культурно-историческими и этнонациональными взаимоотношениями. Говоря о том, что историческое сознание выступает основой духовной жизни социума и человека, а также формой общественного сознания в разнообразных вариантах, С.П. Золотарев утверждает «Историческое сознание имеет тенденцию к постоянному развитию на основе перманентно трансформирующихся обстоятельств и факторов общественного бытия, непосредственно связанных с отношениями между различными социальными группами людей. Общественную природу историчного сознания необходимо изучать в единстве и различных культурно-исторических взаимоотношений между людьми при изменении общественной жизни» [4, с.100].

В научной парадигме цивилизационного развития историческое сознание, в своей прагматической сущности, фиксирует достигнутый уровень развития интересов, морально-нравственных мотивов деятельности, качеств деловой и интеллектуальной компетентности людей в культурно-исторических реалиях их общественного проявления.

Историческое сознание в качестве конструктивной формы познания общественных процессов реализуется как:

а) антропо-цивилизационный способ освоения исторической реальности человеком и обществом. Естественнонаучная картина мира – онтологическая основа исторического сознания. Экспликация практического использования объективных законов функционирования и развития социума получает отражение в историческом сознании, тем самым являясь особым средством применения всеобщей методологии познания к исторической реальности. Отражая эволюцию социально-природного, антропо-культурного мира, историческое сознание субъекта истории после-

довательно конкретизирует динамику развития цивилизации, закономерности пространственно-временной характеристики общественных процессов.

Историческая реальность – это объективная данность особого рода, хранящая в себе исторический опыт событий прошлого. Говоря об конструктивных моментах социально-исторической конкретности нельзя забывать о субъективной возможности искаженного отражения исторических фактов, особенно в идеологической парадигме мировоззренческого противостояния политических идеалов, идейных взглядов, нравственных убеждений. Особую роль в этом играет мифологическое миропонимание индивида, иррациональность которого приводит к антропофобии, деструктивности, в следствие чего человек становится восприимчивым к манипулятивному воздействию социально-политической мифологизации. «В процессе творческого социального конструирования происходит, как отмечают некоторые исследователи, так называемая, «идеологическая обработка» создаваемых образцов и образов. В этом активно задействуется историческая память. При целенаправленном обращении к истории обнаруживается, что, в ряде случаев, для достижения определенных политических целей использовалась возможность создания мифологем взамен истинного отражения исторических процессов. На каждом историческом этапе субъекты исторического процесса избирательно подходят к событиям прошлого» [5, с.68];

б) интеллектуальное средство конструктивного анализа и прагматического синтеза в практике человека, деятельности институций гражданского общества. Историческое сознание является эффективным методом научного познания, так как оно детерминировано проявлением принципа историзма при обнаружении различных сторон жизни общества, определении системы его ценностей и приоритетов. В этом аспекте проявляется конструктивное и проективное обнаружение субъектом исторической практики содержание событийных реалий действительности.

Историческое сознание способствует формированию интеллектуальных норм и традиций в общественной среде, чем конкретизирует представления человека о рациональном пути его жизнедеятельности. Это служит основой для адекватного анализа и выбора истинно верных социальных технологий общественного раз-

вития, а также соответствующих стратегий исторически оправданного следования им.

В интегрированности данных утверждений обнаруживается развитая способность человека верно или искаженно трактовать картины бытия социума. Восприятие, анализ и модифицированность образного видения мира индивидом в его антропо-исторической и социокультурной событийности зависит от времени эпохи, различных факторов пространственной и геополитической модальности.

В противоречивой парадигме цикличности исторического сознания «декодируется» образ прошлого, а перспектива будущего конструируется в проектах цивилизационной определенности, экономико-правовой стабильности и социокультурной значимости. Объективный взгляд человека на прошлое и предстоящее будущее «несколько по-иному» конкретизирует динамику развития истории, позволяет сочетать различные конструктивные моменты деятельности при извлечении уроков из исторических событий.

Субъект исторической реальности в различных формах и способах своей активности включен в практику современного общественно-политического бытия. Созидающая конструктивность идейных оснований человека, учитывая многофакторность истории, обнаруживается в дилемме мировоззренческих трансформаций мирового порядка.

Таким образом, историческое сознание – это сложный эволюционно многогранный и социально многоуровневый феномен, который проявляется через различные типы (виды) социальной причинности. В экспликации своей цивилизационной значимости, историческое сознание представляет собой форму реализации потенциальности общественного развития. В своей конструктивной выраженности оно является специфическим звеном, которое связывает человека, природу, общество и культуру, чем способствует эволюционному развитию цивилизации и истории конкретного общества.

Историческое сознание – это форма постижение человеком и обществом пространственно-временной событийности в целостном контексте разнообразных противоречий развития мирового социума, отражающих строгую последовательность в истинном описании их реальных причин и следствий.

Современный уровень познавательной активности мирового сообщества должен быть направлен на поиск новой парадигмы общественно-экономического устройства, способствующий разрешению глобальных проблем человечества. Гармоническое развитие исторического сознания и этнонационального самосознания народных масс – приоритетное направление в социокультурной деятельности любого гражданского общества.

Список литературы

1. Рагозина Т.Э Человек как предмет философской рефлексии / Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27-28 апреля 2021 года / Отв. редактор к. филос. наук, доц. Сулимов С. И. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2021. – С.35-45.
2. Pandel H.-J. Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // Geschichtsbewusstsein empirisch / Bodo von Borries (Hrsg.). Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1991. S. 3-15.
3. Кучуков М.М. Историческое сознание как феномен социокультурной регуляции поведения субъектов гражданского общества // Международный научно-исследовательский журнал, 2021 № 12 (114). Часть 5. С. 84-88. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.171>
4. Золотарев С.П. Историческое сознание как форма общественного сознания // Вестник Калмыцкого университета, 2022. №2 (54). – С.99-105. DOI : 10.53315/1995-0713-2022-54-2-99-105.
5. Леопа А. В., Мусат Р. П., Морозова О. Ф., Рахинский Д. В. Социотворческий потенциал исторического сознания // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. -2022. -№10. - С. 65-70 DOI 10.37882/2500-3682.2022.10.08

УДК 130.2

С. Г. Ретинский

(аспирант)

Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ
«НАЦИЯ» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»
В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ**

***Аннотация.** В статье анализируются учения о нациях и цивилизациях в современной западной философии. В рамках данного вопроса рассмотрены взгляды на природу наций и цивилизаций таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон, Й. Терборн.*

***Ключевые слова:** нация, цивилизация, государство, глобализация, культура, религия, капитализм.*

S. G. Retinsky

(postgraduate student)

Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic, RF)

**CORRELATION OF THE CONCEPTS OF "NATION" AND
"CIVILIZATION" IN MODERN WESTERN PHILOSOPHY**

***Annotation.** The article analyzes the teachings about nations and civilizations in modern Western philosophy. Within the framework of this question, the views on the nature of nations and civilizations of such thinkers as O. Spengler, A. Toynbee, S. Huntington, J. Terborn are considered.*

***Key words:** nation, civilization, state, globalization, culture, religion, capitalism.*

В связи с явным изменением роли национальных государств, ставшим очевидным в начале XXI в., вновь выдвигается в повестку дня старый философский вопрос о субъекте исторического развития. Действительно ли такие общественно-исторические образования, как нации и национальные государства, можно квалифицировать в качестве субъектов истории? Если – нет, то тогда что выступает им на самом деле? В научной литературе в настоящее время существует предположение, что таким субъектом могут быть цивилизации.

В современной западной философии понятия «нация» и «цивилизация», как правило, рассматриваются отдельно. Во многом это объясняется тем, что теория наций и теория цивилизаций формировались независимо друг от друга. Первый теоретический подход зачастую не уделяет достаточного внимания понятию «цивилизация». В рамках второго подхода понятие «нация» если и исследуется, то преимущественно для того, чтобы провести соответствующее разграничение. Проблема различения нации и цивилизации наиболее ярко представлена в работах О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона, Й. Терборна.

Так, О. Шпенглер противопоставлял нацию и цивилизацию. Под нацией он понимал народ, который «по стилю» принадлежит одной культуре [1, с. 628], под цивилизацией – завершение всякой культуры [1, с. 45]. Независимые друг от друга культуры, общей «биографией» которых является всемирная история [1, с. 133], проходит через разные стадии развития, подобно живым организмам. До возникновения культуры были пранароды, во время её существования – нации, после неё – феллахские народы. С исчезновением наций над историей начинает доминировать «феллахский мир», что указывает на окончательное торжество цивилизации [1, с. 644].

Согласно О. Шпенглеру, сущностью культуры является религия, а сущностью цивилизации, напротив, – безрелигиозность [1, с. 387]. К великим культурам, дошедшим до стадии зрелости и имеющим стилистическое единство, относятся арабо-византийская, вавилонская, греко-римская, египетская, западноевропейская, индийская, китайская, майанская. Русско-сибирскую культуру О. Шпенглер причислял к зарождающимся. Цивилизация представляет собой закономерный итог, который рано или поздно наступает в развитии каждой культуры. На Западе переход от культуры к цивилизации начался ещё в XIX в. [1, с. 46]. Одновременно с этим процессом наступил так называемый закат Европы.

По О. Шпенглеру, культура является национальной, а культурные народы – нациями. Но культурный народ не совпадает со всем народом, а весь народ не может быть в равной мере культурным народом, т.е. нацией [1, с. 630]. Тем самым шпенглеровское понимание нации оппонирует тому понятию нации, которое воз-

никло в эпоху Просвещения⁷. В XVIII в. было принято считать, что нацию может представлять каждый без исключения. О. Шпенглер, напротив, утверждал, что всякую нацию представляет меньшинство. Сначала таким меньшинством является знать. С возникновением городов носительницей национального сознания становится буржуазия, которая восприняла его от аристократии [1, с. 630]. При этом нации не совершают исторические события. Более того, они сами порождены этими событиями [1, с. 622].

А. Тойнби рассматривал соотношение нации и цивилизации как соотношение части и целого. Цивилизация представляет собой «целое», т.к. образует «умопостигаемое поле исследования» [2, с. 48]. Нация таковым не является, потому что она не может продемонстрировать историю, способную объяснить из неё самой [2, с. 42]. История любого национального государства является частью истории некоего общества, т.е. цивилизации [2, с. 45]. При этом обществу, чтобы стать цивилизацией, необходимо находить ответы на внутренние и внешние вызовы, который оно получает ещё на этапе своего возникновения. Далее каждая цивилизация проходит стадии роста, надлома, распада и смерти.

В отличие от О. Шпенглера, А. Тойнби был категорически против того, чтобы называть общество организмом [2, с. 662]. «В объективных понятиях общества, – писал он, – представляют собой точки пересечения соответствующих полей активности множества отдельных индивидуумов, которые сами являются живыми организмами, но которые не могут превратиться, словно по волшебству, в великана по своему собственному образу, вне пересечения их собственных теней, и затем вдохнуть в это невещественное тело дыхание своей жизни. Индивидуальная энергия всех людей, являющихся так называемыми членами общества, и есть та жизненная сила, которая воздействует на историю данного общества, в том числе и на продолжительность его жизни» [2, с. 460].

Кроме того, А. Тойнби выделял гораздо больше таких обществ, чем это делал О. Шпенглер. К цивилизациям причисляются

⁷ Ж-Ж. Руссо, работая на «Общественным договором», в своём первом наброске (1758–1760 гг.) писал: «Таково на самом деле подлинное отличие гражданского состояния; народ – это народ, независимо от его правителя; и если государь погибает, между подданными существуют еще связи, объединяющие их в нацию как одно целое» [3, с. 323].

западная, православно-византийская, православно-русская, иранская, арабская, индусская, китайская, корейско-японская, эллинская, сирийская, индская, древнекитайская, минойская, шумерская, хеттская, вавилонская, египетская, андская, мексиканская, юкатанская и майянская [2, с. 86]. Несмотря на особенности развития каждой цивилизации, в основе всех их лежит религия. А. Тойнби считал, что религия является источником жизненной силы цивилизации, способствует её рождению и существованию.

Особой популярностью пользуется идея С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Согласно этой концепции, в настоящее время главное противостояние развернулось между различными цивилизациями, разделёнными «линиями разлома» [4, с. 24-25]. По С. Хантингтону, цивилизация – это культурное образование. Такими же образованиями являются племя, этнос, религиозная община, нация. Но цивилизация представляет собой культурное образование на самом широком уровне, определяющей характеристикой которого является религия [4, с. 59].

При этом С. Хантингтон считал, что национальные государства продолжают оставаться основными игроками мировой политики. Их поведение определяется не только стремлением к могуществу и процветанию, но и культурными предпочтениями, общностями и различиями. Объединение национальных государств в группировки и есть цивилизации. В современном мире их насчитывается семь или восемь: синская, японская, индуистская, исламская, православная, западная, латиноамериканская, африканская (возможная) [4, с. 17].

Характер взаимоотношений между странами, а также общность или различие культурных корней, отмечал С. Хантингтон, являются ключевыми факторами, определяющими их интересы или антагонизм. Важнейшие государства мира принадлежат к разным цивилизациям, а локальные конфликты между ними представляют наибольшую угрозу эскалации в крупномасштабные войны. Западная цивилизация пока ещё является самой могущественной, но в последнее время наблюдается сдвиг силы к другим цивилизациям [4, с. 26- 27].

Цивилизации порождены первой транскультурной и трансполитической волной глобализации, утверждает Й. Терборн [5, с.

61-62] ⁸. Для первой волны глобализации, которая продолжалась с IV по VIII в., было характерно трансконтинентальное распространение религий. Именно в этот период истории сформировались все мировые религии, которые существуют по настоящее время. С образованием мировых религий, на что в общей сложности ушло 400-500 лет, были установлены границы цивилизаций. В течение тысячелетия рубежи современных цивилизаций неоднократно изменялись, но их ядра оставались постоянными [5, с. 62]. Когда сформировались границы основных цивилизаций, то в их пределах возникли культуры и характерные для них языки, верования, семейные нормы, стили управления и т.д. [5, с. 69].

В настоящее время «важнейшими социокультурными ареалами» являются пять цивилизаций: синская, индийская, западно-азиатская, европейская и африканская. Они до сих пор воспроизводят собственное понимание смысла мира, его внутренних взаимосвязей, систему взглядов на взаимоотношения между их миром и другими мирами, поддерживают семейное и гендерное устройство, сохраняют свои традиционные ценности. Благодаря языкам и культурным канонам, цивилизации определяют период юности у молодых людей, обеспечивают моделями поведения взрослых, создают образец старости и даже влияют на перспективы после смерти [5, с. 292-293].

Тем не менее доминируют на мировой арене крупные национальные государства, на фоне которых все остальные являются «актёрами второго плана» [5, с. 194]. Й. Терборн, разделяя точку зрения И. Валлерстайна ⁹, отмечает, что государства, нации и классы управляют современной капиталистической мир-системой [5, с. 182], а национальная политика представляет собой более значительную силу распределения доходов, чем потоки глобального капитализма [5, с. 181].

Согласно Й. Терборну, нации и национальные государства являются «европейскими изобретениями», которые распространились по всему миру. К характерным чертам европейской нации от-

⁸ Й. Терборн выделяет шесть волн глобализации, последняя из которых продолжается до сих пор [5, с. 296].

⁹ И. Валлерстайн считал, что капитализм не может существовать без сильных государств, образующих устойчивую межгосударственную систему [7, с. 46].

носятся, с одной стороны, опора на народную и территориальную историю, с другой – самобытная культура, основой которой является разговорный язык [5, с. 106]. От имени нации, представляющей собой сконструированный политический субъект, утверждается право на признание и самоуправление. Цивилизации, как и нации, также являются «воображаемыми сообществами»¹⁰. Но если нация выступает действующим сообществом, то цивилизация – сообществом ценностей, мировоззрений и практик. Цивилизации формируют действующих лиц, но сами они не действуют. При этом цивилизации способны «конфликтовать», т.е. может происходить столкновение разных цивилизационных мировоззрений или ценностей [6, с. 234].

Нации являются относительно молодыми сообществами, несмотря на наличие всевозможных исторических мифов о них. История цивилизаций, напротив, уходит своими корнями в глубокую древность. В своё время нации пришли на смену «элитам» (аристократии, бюрократии, духовенству и пр.), что означало стремление строить новое будущее, которое не ограничивалось бы предшествующими традициями. Цивилизации же представляют собой «кристаллизацию элитарной культуры» [6, с. 235].

При этом нации и цивилизации могут быть представлены в рамках одного государства, размер которого имеет важное, но не определяющее значение. Так, Швеция выступает в качестве национального государства, а, например, Россия претендует как на звание национального, так и цивилизационного государства. Однако границы цивилизации более размыты, чем границы наций, что нередко используется для претензий на региональную гегемонию, как это происходит в случае с Турцией [6, с. 234].

Каждый автор выстраивает разное соотношение между понятиями «нация» и «цивилизация». В одних случаях нации и цивилизации противопоставляются, в остальных – они друг друга взаимодополняют. Кроме того, среди сторонников цивилизационного подхода нет единого мнения относительно субъекта истории, являются ли таковыми цивилизации, нации или иные образования. Тем не менее, последние исследования в данном направлении демонстрируют возможность будущего методологического сближе-

¹⁰ Понятие «воображаемое сообщество» в научный оборот ввёл Б. Андерсон [8, с. 47].

ния двух теорий. На наш взгляд, дальнейшее направление научной работы непременно должно предполагать поиск нечто такого, что одновременно выступает как объективным бытием, так и тем, что это бытие формирует, т.е. субъект организации, сохранения единства и взаимосвязи всех компонентов, включая нации и цивилизации.

Список литературы

1. Шпенглер, О. Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – М.: Альфа-книга, 2017. – 1085 с.
2. Тойнби, А. Дж. Исследование истории: возникновение, рост и распад цивилизаций / А. Дж. Тойнби. – М.: АСТ, 2009. – 670 с.
3. Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Опыт о форме Республики (Первый набросок) / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С. 303-351.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
5. Терборн, Й. Мир: Руководство для начинающих / Й. Терборн. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 336 с.
6. Therborn, G. States, Nations, and Civilizations / G. Therborn // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. – 2021. – Vol. 14, No. 2. – P. 225-242.
7. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
8. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

УДК 130.2

А. В. Максименко

(аспирант кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: a_teacher@bk.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП VERSUS ИСТОРИЗМ: ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ПОДХОДОВ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье исследуется два противоположных принципа в методологии исследования проблематики человека. В основе антропологического принципа лежит убеждение, что природа человека остается неизменной и все его проявления в обществе и культуре объясняются внутренней природой. Принцип историзма утверждает, что человек является продуктом исторического развития, его природа и проявления зависят от конкретного социокультурного контекста, который сложился благодаря развитию труда как формы связи индивидов между собой.

Ключевые слова: антропологический принцип, принцип историзма, проблема человека, труд как форма связи.

A. V. Maksimenko

(Postgraduate student of the Department of Philosophy)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

THE ANTHROPOLOGICAL PRINCIPLE VERSUS HISTORICISM: THE OPPOSITE OF APPROACHES IN SOLVING THE HUMAN PROBLEM

Abstract. The article explores two different principles in the methodology of human problems research. The anthropological principle is based on the belief that human nature remains unchanged and all its manifestations in society and culture are explained by inner nature. The principle of historicism asserts that a person is a product of historical development, his nature and manifestations depend on the specific socio-cultural context that has developed due to the development of labor as a form of communication between individuals.

Key words: anthropological principle, historicism, problem of human being, labour as a form of communication.

Вопрос о происхождении, сущности человека и его роли в обществе занимал умы ученых не одну сотню лет. Многочисленные философские доктрины изучали феномен человека по-своему, что вполне естественно, ведь люди, по сути, являются продуктами социально-исторических и культурных условий, стремящимися в каждом новом историческом контексте к более глубокому пониманию и осознанию своей человеческой сущности. Дискуссии о природе человека так или иначе вращаются вокруг вопроса о том, постоянна или изменчива человеческая природа и как она связана с обществом.

Обладает ли человек набором характеристик (морфологических, физиологических, поведенческих и т. п.), описание которых может дать исчерпывающую информацию о его сущности, или же существует определённый детерминирующий атрибут (к примеру, разумность); обладают ли эти характеристики статичностью или всё же все они подвержены изменениям в процессе развития – ответ может зависеть от определённого угла зрения, выработанной и принятой концепции, методологической установки и т.п. При этом мы понимаем, что истинное положение вещей может лежать вне принятого мировоззренческого принципа.

Такой подход к предмету исследования, при котором объект рассматривается как изменяющийся и развивающийся во времени, получил название историзма. Т.е. принцип историзма предлагает исследователям рассматривать явления в их развитии: от самой начальной стадии – своеобразного рождения, при этом прослеживая этапы становления, трансформации предмета при его движении (иногда вплоть до последней стадии – смерти, за которой может просто следовать новое начало, выраженное в другой форме). В каком-то смысле, принцип историзма предлагает пользоваться тем, что нам дано от природы, а именно жизнью, улавливая объективные явления бытия и изучая их взаимосвязь в развитии точно так же, как существует и развивается материя на всех уровнях (микро-, макро- или мегауровнях), например, исчезновение и появление новых элементарных частиц при их взаимодействии, эволюция живых организмов, развитие галактик. Объективная действительность предстает перед нами не застывшим слепком форм бытия, а изменяющейся и развивающейся во времени реальностью.

При этом не стоит забывать, что изменение как таковое и развитие – это не тождественные понятия. Процесс изменения, ха-

рактизирующийся переменной чего-то прежнего, может охватывать любые объекты материального и духовного мира, пребывающие в состоянии движения, любые внутренние и внешние стороны, формы объекта, связи и зависимости элементов. Развитие же присуще не всем объектам действительности, а только тем, которые обладают определённым постоянством функционально связанных между собой элементов. Развитие представляет собой не всякое изменение в структуре, а то, которое обеспечивает переход от одного качественного состояния к другому, сопровождающееся преобразованием старых и возникновением новых связей и отношений в системе целого, в том числе субстанциональным или функциональным преобразованием всей массы элементов системы. Взяв две точки данного процесса – исходную и ту, к которой дошёл объект в результате развития, – мы увидим, что перед нами определённые состояния этого объекта, существование которых ограничено во времени, т.е. состояния объекта – историчны. Таким образом, в целом механизм развития обрёл своё выражение в принципе историзма.

В широком смысле термин «историзм» используется для описания идей французских материалистов-просветителей (Дж. Вико, Вольтера, Ж. Ж. Руссо и пр.), благодаря которым философская мысль пришла к осознанию идеи социального прогресса, который подразумевает под собой поступательное развитие человечества от низших ступеней к высшим.

В XIX веке благодаря работам Карла Маркса, историзм получил новый толчок в формате исторического материализма. В отличие от Гегеля, применявшего данный метод при анализе духовных образований, историзм Маркса получил общеметодологический характер, позволивший применить его как принцип анализа природы и общества в целом. Однако, несмотря на кажущуюся противоположность систем этих двух философов (систем идеализма и материализма), их взгляды относительно сущности истории (реального процесса развития общества) были схожи.

Сравнительный анализ философско-исторических взглядов Гегеля и Маркса, совершённый Т. Э. Рагозиной, позволяет нам убедиться, что для объективного идеализма Гегеля и исторического материализма Маркса характерны два основных аспекта понимания сущности истории: «1) наличие в общественной истории людей *безличных социальных сил*, которые, будучи вызваны к жизни соб-

ственными деяниями людей, при этом господствуют над ними в качестве некоей необходимости, обнаруживающей себя в виде негативной динамики возвратного действия, оказываемого на человека известной совокупностью общественных отношений; 2) признание этих безличных социальных сил в качестве разумных форм, в которых осуществляется человеческая история» [1, с. 18]. Получается, что в истории общества существуют объективные законы, не зависящие от воли отдельных субъектов, но которым вынуждены подчиняться люди. Эти законы находят свое выражение в форме объективной целесообразности, т.е. они возникают не по собственной воле отдельных индивидов, а являются результатом совместного существования и взаимодействия всех людей, результатом, не входивших в их первоначальные намерения и желания [2, с. 24]. Целесообразность выступает как специфическая форма взаимодействия, которое обусловлено конечным результатом, представляющим перед нами в качестве цели, пусть и не сознательной.

Умело сочетая диалектический метод Гегеля и исторические знания, Маркс, опираясь на принцип историзма, обосновал складывающуюся в ходе общественного производства диалектику материальных производительных сил и производственных отношений как источник поступательного, прогрессирующего развития общественной истории людей. Таким образом, объективный и всесторонний характер научного исследования может быть обеспечен, по справедливому утверждению Маркса, только путем рассмотрения предмета именно в его историческом контексте, т.е. в его самодвижении и развитии при диалектической связи с другими явлениями [3, с. 175].

Как уже упоминалось ранее, существование в социально-историческом бытии объективных закономерностей является одной из определяющих характеристик принципа историзма, распространяющегося на природу, общество и мышление, т.е. на все сферы существования объективной действительности. Маркс усматривал в истории закономерный процесс развития и природы, и общества: «Историю можно рассматривать с двух сторон, её можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» [4, с. 16].

Развитие по сути дела является специфическим типом движения. Природа, представляя собой всё сущее во всем его многообразии (будь то Вселенная, бытие, материя и пр.) находится в постоянном движении. Это неотъемлемое свойство было описано еще в XVIII в. Полем Анри Гольбахом. Он утверждал, что в мире постоянно происходит действие и противодействие тел через приобретенное или самопроизвольное¹¹ движение. Совокупность тел, веществ и явлений, обладающих различными свойствами, в различных сочетаниях и движениях составляет то великое целое, что, по Гольбаху, именуется природой в широком смысле. [5, с. 66]. Человек как отдельно рассматриваемое явление природы, является также неким целым, состоящим из веществ, явлений и свойств, организованных таким образом, что данная организация, обладающая стойкими функциональными связями составных элементов, позволяет отличить человека от других явлений и тел природы. Гольбах, также как Спиноза и Дидро, выстраивал механистическую картину мира, в которой человек является чем-то неизменным, подчиненным существующим законам природы. Таким образом, антропологический принцип, представляя собой «внеисторическое рассмотрение человека как части природы, как неизменяющегося естественного существа, наделенного материальными и духовными качествами» [6, с. 77], являлся составной частью домарковского материализма.

Иными словами, человек хоть и рассматривается как часть природы, однако все же является, согласно данному мировоззрению, внеисторическим неизменяющимся существом. При применении антропологического философского принципа не учитываются роли общественно-исторической практики в формировании сознания человека [6, с. 77]. Как познавательная установка, антропологический принцип утверждает наличие человеческого измерения применительно к любому знанию о природе, обществе или о самом познании, подчёркивает самостоятельность индивида, которому

¹¹ При самопроизвольном движении причина изменений заключена в самом наблюдаемом объекте. Однако Гольбах подметил, что «строго говоря, в различных телах природы вовсе нет самопроизвольных движений, ибо все они непрерывно действуют друг на друга и все происходящие в них изменения зависят от видимых или скрытых причин, воздействующих на них» [5, с. 70].

присуща свобода выбора, его деятельность, в которой усматривается приоритет интересов индивида перед интересами общества.

Если принять во внимание механистический факт движения всего в природе, то неизбежно возникнет вопрос происхождения сил, которые приводят в движение материю. Существовавшее долгое время «божественное» начало движения сменилось в эпоху Возрождения на неотделимое от материи разумное начало. Объектом интересов философов становится непосредственно человек, тем самым порождая развитие идеи антропоцентризма, при котором, согласно современным определениям, человек есть центр и цель мироздания, т.е. все в мире совершается целесообразно человеку. Согласно современным представлениям философской антропологии, в мире не существует объективного, трансцендентного, независимого от человека начала. Человек рассматривается как лишённый неизменной и самодостаточной сущности, но «являющийся» себя в процессе своего существования [7].

Антропологические учения, лежащие в основе антропологического принципа, возникают в позднеантичную эпоху как учение о человеке, а точнее о целостности человеческой природы во Христе, обнаружившее себя в размышлениях христианских богословов. А по мере того, как теология уступала место европейскому рационализму, философская мысль стремилась к сохранению целостности и уникальности человека, отстаивая независимость от религиозной идеологии, однако всё же определяя человека всего лишь как элемент мира, законом которого, следовательно, и подчиняется этот элемент. С середины XIX века внимание учёных стало фокусироваться непосредственно на человеке, трактуя его деятельность, образ жизни, происхождение как что-то уникальное и специфическое, т.е. человеческие явления и процессы являются отличными от явлений и процессов любого иного рода. Возникает множество различных антропологий: биологическая, культурная, историческая, политическая, психологическая, социальная и пр. [7]. На рубеже XIX-XX веков мир, который прежде мыслился независимым от человека, стал миром, который человек творит сам согласно своим собственным представлениям о своём месте и предназначении. Неудовлетворённые социально-экономическими и политическими процессами, философы прошлого столетия начинают строить субъективистские концепции человека как существа, автономного и независимого от объективных закономерностей развития

общества и природы, познавая человека, исходя из субъективного «Я» – через глубинные сферы внутренней индивидуальной жизни.

К таким концепциям, в которых прослеживается бытие индивидуальности, путь человека к внешнему миру и обществу, можно отнести теорию человека как *animal symbolicum* Э. Кассирера; наделенное духом животное у М. Шеллера; обладающего эксцентричной позиционностью человека у Х. Плеснера; биологически несовершенное существо, стремящееся компенсировать свою неполноценность при помощи общества и культуры (А. Гелен); человека как сумму поступков у Ж. П. Сартра и пр. [8]. Т.е., исходным пунктом так называемой философской антропологии является убеждение в истинности идеи человека как творца собственной истории, судьбы, как независимого от каких-либо трансцендентных сил существа. Здесь же мы снова сталкиваемся с вопросом о движущих силах. Если человек – творец своей судьбы, то всё, что он совершает, происходит исключительно по его собственной воле. Однако даже на элементарном уровне мы понимаем, что каждый человек помещён в рамки государства, образования, культуры, религии и т.п., т.е. в рамки общества, общественных отношений.

При этом, безусловно, бросается в глаза тот факт, что человек, как отдельный индивид, рождается и умирает, а жизнь общества, т.е. культурно-исторический процесс, не останавливается в своем развитии, подчиняясь закономерным процессам движения. Рассматривая развитие всеобщих форм культуры, мы, благодаря диалектике, понимаем, что источник движения системы заложен в самой системе, или, иными словами, развивающейся системе при суще *самодвижение*, осуществляющееся благодаря возникающей борьбе крайностей: обуславливающих и одновременно отрицающих друг друга противоположностей.

Антропологическая мерка, рассмотрение индивидуального бытия человека позволяет выявить его потенциальные возможности в установлении связи с другими индивидами, рассмотреть механизмы подключения человека к всемирной «человеческой сети» общественно-исторического культурного процесса¹². Вне связи с

¹² Механизмом подключения индивида к культурно-историческому процессу является процесс взаимного перехода действующей способности субъекта в форму предметности и обратно, выраженное в категориях «опредмечивания» и «распредмечивания» [9, с. 46].

другими людьми, как бы нам ни хотелось, мы не сможем добраться до истинного понятия «человек». А благодаря принципу историзма, рассматривая человека через призму развивающегося общества, мы однажды сможем заглянуть под покров тайны рождения человека, и не последнюю роль в этом может сыграть исследование субстанции-субъекта человеческой истории¹³, которым, по нашему мнению, выступает именно труд как форма связи индивидов между собой.

Маркс определял сущность человека как «совокупность общественных отношений», при этом совокупность не означает сумму одинаковых людей, а, напротив, она представлена в ансамбле, в единой взаимосвязи многообразных отношений. Сущность человека, таким образом, заключается в системе взаимодействующих между собой индивидов, связь между которыми возникает благодаря труду как некой форме этой связи. В этой системе связей выражается принадлежность человека к «роду» человеческому, однако эта принадлежность не является биологически заданной, а формируется и развивается *социально-исторически*.

То есть, действительной универсальной основой, субстанцией-субъектом становления человека, и в равной степени становления общества и культуры является труд как процесс, производящий саму форму связи индивидов друг с другом, как деятельность, социально обуславливающая становление человека разумного.

Поскольку одной из характеристик труда является его преобразующий характер, то «изменение природных, предметных, социальных и идеальных объектов, отношений, структур, а также и самих субъектов приводит к созданию новых условий бытия-в-мире» [11, с. 38]. Сформировавшиеся в результате деятельности одного поколения социальные отношения с необходимостью преобразуются и отражаются в деятельности последующего поколения, т.е. обладают таким свойством как историческая преемственность: «люди сами делают историю, но они не делают её так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [12, с. 119].

¹³ Исчерпывающая теоретическая реконструкция понятия субстанции-субъекта истории изложена в статье Т. Э. Рагозиной «Проблема субъекта истории как системообразующий принцип философской рефлексии» [10].

Таким образом, антропологический принцип и принцип историзма предлагают нам рассматривать человека, исходя из противоположных позиций: антропологизм сосредоточен на человеке как базисной категории, лежащей в основе представлений о природе, бытии и обществе; принцип историзма же рассматривает человека в социуме, в контексте общественно-исторического развития человечества. Природа человека и её проявления зависят от конкретного социокультурного контекста, который сложился благодаря развитию труда как естественноисторической формы связи и отношений индивидов друг с другом.

Список литературы

1. Рагозина Т.Э. Субъект истории, или что значит «стоять на пороге материалистического понимания истории». Часть II. Проблема «начала» исторического материализма // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2023. – Выпуск № 2 (18). – С. 18-28.
2. Рагозина Т. Э. Объективный субъект истории, или что значит «стоять на пороге материалистического понимания истории» Часть I // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2023. – Выпуск № 1 (17). – С. 16-26
3. Смирнова Н. М. Историзм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН, Нац. Общ.-науч. Фонд; научно-ред. Совет: предс. В. С. Степин, заместители предс. А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. Секр. А. П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – С.175.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения 1845-1847. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1995. – Т. 3. – 629 с.
5. Гольбах П.А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного // Избранные произведения в двух томах. Под общ. ред. и со вступ. статьей Х. Н. Момджяна. Пер. с фр. – Т. 1. – Москва: Соцэкгиз, 1963. – 715 с.
6. Новиков А. Антропологический принцип // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР ; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1960. – Т. 1. – С. 77-78.
7. Сергейчик Е. М. Философские основания антропологического подхода в постклассической науке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 3. – С. 70-82.
8. Максименко А.В. Проблема человека в современной западной философии: основные подходы и решения // Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. – 2022. – № 2 (16). – С. 56-64.

9. Максименко А. В. К вопросу о субъекте общественно-исторических изменений // *Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27-28 апреля 2023 года* / Отв. редактор д. филос. наук, доц. Сулимов С. И. – Воронеж : ИСТОКИ, 2023. – С. 43-49.
10. Рагозина Т. Э. Проблема субъекта истории как системообразующий принцип философской рефлексии // *Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года* / Отв. редактор к. филос. наук, доц. Рагозина Т. Э. – Донецк, ГОУВПО «ДОННТУ», 2017. – С. 40-55.
11. Кондрашов П. Н. Карл Маркс о родовой сущности человека // *Антиномии*. – 2020. – Т.20. – вып. 3. – С. 22-48.
12. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения*. 2-е изд. – Москва: Политиздат, 1957. – Т. 8. – С. 115-217.

УДК 130.2

С. А. Селюков

(аспирант)

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(г. Белгород, РФ)

**РАЗРАБОТКА К.-Г. ЮНГОМ КОНЦЕПЦИИ
«АРХАИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА» В РАБОТЕ
«ПРОБЛЕМЫ ДУШИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»**

***Аннотация.** В настоящей статье рассматривается психологическая трактовка проблемы т.н. «архаичного человека» в работе К.-Г. Юнга «Проблемы души нашего времени». Показано, что в своей интерпретации данного понятия и при сопоставлении архаичного человека с человеком современного мира Юнг опирается на собственную теорию коллективного бессознательного и включенных в него «архетипов». Архаичная психика существует в гармонии с архетипической природой мира, тогда как современный человек утрачивает это гармоничное взаимодействие с ним.*

***Ключевые слова:** Карл-Густав Юнг, «Проблемы души нашего времени», коллективное бессознательное, архетипы, «архаичный человек».*

S. A. Selyukov

(postgraduate student)

Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russian Federation)

**C. G. JUNG'S DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF
THE «ARCHAIC MAN» IN THE WORK «PROBLEMS OF
THE SOUL OF OUR TIME»**

***Abstract.** This article examines the psychological interpretation of the problem of the so-called "archaic man" in the K.G. Jung's work "Problems of the soul of our time". It is shown that in his interpretation of this concept and in comparing the archaic man with the man of the modern world, Jung relies on his own theory of the collective unconscious and the "archetypes" included in it. The archaic psyche exists in harmony with the archetypal nature of the world, whereas modern man loses this harmonious interaction with it.*

***Key words:** Carl-Gustav Jung, "Problems of the soul of our time", collective unconscious, archetypes, "archaic man".*

Актуальность темы настоящей работы не вызывает сомнений. Она обусловлена тем фактом, что, несмотря на десятилетия, прошедшие со времен гениальных прозрений Карла-Густава Юнга, рассматриваемые им проблемы индивида и его души сами по себе остаются остро злободневными – возможно, их острота со временем даже возрастает. Ведь сегодня уже невозможно не замечать кризисный характер ситуации, в которой оказалось и человечество, и весь мир. Кризис подразумевает необходимость и неизбежность трансформаций и перемен в обществе и в самих людях. Направление же этих изменений будет во многом определяться тем, насколько глубоко человек и человечество научатся отслеживать и понимать процессы, происходящие в человеческой психике.

Изначально формирование психологического знания как знания научного было ориентировано на психические процессы, связываемые преимущественно с работой сознания, с которым психика долгое время практически отождествлялась. Положение кардинально изменили революционные открытия Зигмунда Фрейда в начале XX века. Можно по-разному относиться к отдельным деталям концептуально-теоретических построений Фрейда – таким как фрейдистский «пансексуализм», провозглашаемое Фрейдом существование танасического «инстинкта смерти» и т.п. Однако сегодня уже можно считать бесспорным прорывом то внимание, которое фрейдовская психология «перенаправила» на бессознательные психические процессы, которым во многих отношениях починается человеческая жизнь. Одним из значимых последствий этого открытия стало то, что все последующее развитие психологической науки уже базируется на признании бессознательных содержаний человеческой психики фундаментальным механизмом ее активности.

Карл-Густав Юнг был одним из самых блестящих учеников Фрейда, хотя впоследствии он и разошелся с ним по определенным вопросам и создал собственное направление в психологии. Которое он, очевидно по аналогии с психоанализом Фрейда, обозначил как «аналитическая психология» и которую сегодня принято называть юнгианской психологией. Этот подход и сегодня остается одним из наиболее востребованных направлений современной психологии и психотерапии. Подход Юнга к пониманию человека и его психики отличался от фрейдовского по некоторым весьма существенным показателям. Тем не менее, Юнг развивал именно традицию, вос-

ходящую к его учителю, в первую очередь – представление о доминирующей роли бессознательных содержаний в психической деятельности индивида. Даже положения, получившие широкую известность именно как юнговские инновации («коллективное бессознательное», «архетипы» и др.), определенным образом перекликаются с представлениями Фрейда в области так называемого «прикладного психоанализа» – о массовой психологии и подобии закономерностей ее развития законам развития психики индивидуальной. Наиболее важным отличием собственного подхода от фрейдистского Юнг признавал «самостоятельность бессознательного» [1, с. 10].

Самый значительный вклад Юнга в разработку современных представлений о психологии бессознательного – это, безусловно, концепция «коллективного бессознательного». Другое название, которое дал Юнг этой сфере, – «объективно-психологическое»: тем самым подчеркивается трансперсональный (внеличностный) ее характер, в отличие от «субъективного бессознательного» [2, с. 77], которое включает в себя индивидуально-личностные «приобретения» [1, с. 23]. Объективный же, трансперсональный уровень бессознательного лежит в основе любых субъективных переживаний, представляя собой глубинный – абиссальный, в терминологии самого Юнга – феномен, принадлежащий, в качестве масштабной абстракции, коллективной психике (то есть психике «всего человечества в целом»), но равным образом также и индивидуальной, от которой он неотделим и в которой он репрезентируется в конкретных и уникальных формах.

Этот уровень психической организации уже по определению выступает как уровень более глубокий, чем индивидуальный. Он включает в себя предельно обобщенные и не осознаваемые индивидом «общечеловеческие, изначальные образы», «частично ожившие коллективные содержания» [1, с. 24]. Такие абстрактные бессознательные образы Юнг назвал «архетипами», от греческого слова «archetipos», означающего «пред-образ» или «первообраз». Архетип определялся Юнгом как «способ связи образов, переходящих из поколения в поколение», который «представляет собой структурные элементы человеческой психики, которые скрыты в коллективном бессознательном, общем для всего человечества» [3, с. 26].

В первые годы своей карьеры Юнг исследовал фантазии шизофреников. Юнг полагал, что эти фантазии похожи на мифические мотивы и религиозную символику, и что эти коллективные символы могут стать мостом между бессознательным и сознанием посредством трансформации либидо. Интерес Юнга продвинулся дальше к мифам и символам древних религий. Фантазии и образы сновидений, по Юнгу, являются архетипами коллективного бессознательного. Юнг утверждает, что архетипы обладают нуминозным характером, который можно описать как духовный. Спиритуалистический характер архетипов важен для психологии, поскольку, когда они переживаются индивидом, они выполняют терапевтическую функцию, предотвращая «скатывание» человека в психический дисбаланс между сознанием и бессознательным [4, p. 51].

Сегодня понятие «архетип» приобрело уже поистине парадигматический статус не только в психологической науке, но даже в массовом сознании, хотя представления Юнга о коллективных формах бессознательного достаточно сложны и, конечно, не всегда понимаются близко к «первоисточнику». В рамках же самой юнгианской системы эти представления играют ключевую роль при рассмотрении любого конкретного вопроса, в том числе вопросов социокультурной проблематики. «Говоря о социально-культурных основаниях архетипа, следует обратить внимание на то, что юнговское понятие «архетип» в контексте культуры преобразуется в понятие «культурный архетип», который определяется как архаические культурные первообразы, представления-символы о человеке, его месте в мире и обществе; нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей, сохранившие свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры» [5, с. 9]. Так, например, важная роль бессознательных процессов, имеющих по сути коллективный характер, подчеркивается Юнгом при анализе выделяемых им различий между индивидом, представляющим современную западную цивилизацию, и так называемым «архаичным человеком».

Этой проблеме К.-Г. Юнг посвятил специальную главу в своей книге *«Проблемы души нашего времени», увидевшей свет в 1931 году* [6]. *Эта работа, представляющая собой достаточно детальное введение в юнгианский подход, до сих пор остается среди наиболее востребованных читательской аудиторией книг Юнга;*

ее числят среди важнейших работ не только данного автора, но и во всем корпусе имеющихся на сегодня научно-психологических книг. И не случайно именно здесь уделяется столько внимания юнговской концепции «архаичного человека», без полноценного понимания которой сложно адекватно оценить и общую систему юнговских воззрений. Ведь основная цель юнговской аналитической психологии – плодотворная работа с невротами и невротоподобными состояниями, ставшими настоящим бичом человечества к началу XX века.

Притом что как раз исторически сложившееся отличие (притом отличие кардинальное) «архаичного человека» от индивида современной цивилизации, как утверждал Юнг, выступает в качестве одного из мощнейших факторов развития подобных состояний. Он объясняет это в первую очередь тем, что жизнь «архаичного человека» отличалась естественностью и вытекающим из такой естественности гармоническим резонансом, существующим между архетипическим субстратом индивидуальной психики с одной стороны и коллективной – с другой. Между ними не возникало противоречия, ассонанса, ведущего к катастрофическим последствиям. Юнг говорит о таком резонансе как о «доверии» человека архаического мира к его истинной природе – то есть, в понимании Юнга, к природе архетипической. Подобное «доверие» способствовало развитию способности индивида «управлять» специфические сигналы, которые мир (среда) «посылает» ему в качестве поддержки или предостережения. (Здесь отчетливо прослеживаются также следы знаменитой юнговской теории «синхронии», в которой фактически стираются границы между физически-материальными и психическими феноменами.)

К настоящему же времени, считал Юнг, эта ценнейшая способность была в значительной степени утрачена людьми, и эта утрата стала главным базисом для развития подавляющего большинства современных проблем, связанных с «духовно-душевыми» или «психическими» проблемами. (Сам Юнг не разграничивает строго такие понятия, как «душа» и «психика»: не случайно ведь последнее слово происходит от «псюхе», что в переводе с греческого как раз и означает «душа»). Эти проблемы, оказавшиеся к настоящему времени чрезвычайно острыми, Юнг связывает преимущественно с укоренившейся в современном человеке склонностью к логически-дискурсивному мышлению, что приводит

в итоге и отдельного человека, и все общество к определенной зависимости от этого способа восприятия реальности. Юнг не обесценивает рациональный подход, не говорит о необходимости отказа от него – однако он полагает, что чрезмерно рационализированное восприятие мира не соответствует естественному состоянию человеческой психики, а потому и способно нанести ей серьезный урон – в конкретных случаях, возможно, вплоть до катастрофического. Рационализация восприятия современного человека ведет к утрате им некогда существовавшей связи с архетипической природой образов бессознательного.

На Юнга оказали большое влияние представления знаменитого антрополога Люсьена Леви-Брюля о психологии первобытного человека. Однако Юнг далеко не во всем соглашается с Леви-Брюлем. Его собственные исследования, говорит он, убеждают его, что некоторые подходы французского антрополога недостаточно отражают действительную картину либо даже противоречат ей. Ведь согласно утверждениям Леви-Брюля, психика «архаичного» или «первобытного» человека в некоторых отношениях функционирует иначе, чем психика человека современного. Юнг же настаивал, что радикальных различий между способами их функционирования не существует. «... архаичная психология является психологией не только первобытного, но и современного, цивилизованного человека; однако под этим понимаются не те отдельные проявления атавизма в современном обществе, а скорее психология каждого цивилизованного человека, который, несмотря на свой высокий уровень сознания, в более глубоких слоях своей психики все еще остается человеком архаичным» [6, с. 51].

Как физическое тело человека есть тело животного, млекопитающего, к тому же включающее в себя также и множественные реликты более ранних животных форм (например, холоднокровных), – так же и психика (или «душа») представляет собой результат развития столь же множественных архаических форм. Действительно значимые различия можно обнаружить лишь в сфере представлений об окружающем мире: у первобытных и современных людей они очень разные, а именно на этих представлениях базируются важнейшие психические процессы; это вызывает иллюзию масштабных различий и в самих процессах психической деятельности. «Ничто не указывает на то, что первобытный человек мыслит, чувствует или воспринимает принципиально иначе,

чем мы. Душевная функция является здесь, в сущности, той же самой. Но исходные посылки – иные» [6, с. 51].

Главное, что выделяет Юнг в восприятии реальности первобытным «архаичным» человеком, – характерная для него убежденность, что все, что происходит в мире, поддается объяснению с позиций, признающих воздействие внешних сил. И эти силы он видит преимущественно как силы магические. Архаичный человек верит в магические воздействия и в их широкую распространенность – однако причина его веры, считает Юнг, не в элементарном недостатке фактических знаний о физических причинах происходящего, как принято считать. Он способен видеть и понимать материальные причины материальных следствий – однако остается в убеждении, что этих материальных причин недостаточно для полного объяснения того, что происходит. В то время как современному человеку вполне хватает понимания материальных причин и следствий: наличие строгого физического, эмпирического и рационального объяснения тех или иных феноменов, по его мнению, не требует никаких других аргументов. Он чувствует внутреннюю потребность знать, что все в мире, что он воспринимает органами чувств, своей причиной имеет материальные факторы. В его картине мира не только его личная среда, но весь Космос не просто подчиняется физическим законам – но полностью определяется ими. Отдельные феномены могут не слишком вписываться в эту картину – однако, по его убеждению, они просто пока еще не получили достаточно разумного рационального обоснования; с развитием науки подобные «белые пятна» будут устраняться: «Наша рациональная исходная посылка состоит в том, что все имеет свои естественные, видимые причины. В этом мы убеждены а priori. В этом смысле каузальность является для нас самой священной догмой. В нашем мире нет законного места для невидимых, произвольных, так сказать, сверхъестественных сил, разве что погрузиться вместе с современным физиком в неведомый микромир атомных недр, где, похоже, случаются диковинные вещи» [6, с. 51]. *Отсюда и еще одна его принципиальная убежденность – в способности человечества господствовать над природой, подчинять ее своим желаниям, опираясь на известные физические законы.*

Архаичный человек, между тем, внутренне не ощущает возможности такого «господства» над природой и миром, подобные

мысли его мировосприятию попросту не созвучны. Все, чем обладают первобытные люди, представляется им доставшимся как бы по милости неких сил, гораздо более мощных и высоких по своей природе, чем их собственные. Те же высшие силы, следовательно, могут распоряжаться всем, что имеют люди, по собственному усмотрению, являя им таким путем свою милость либо недовольство. Юнг приходит к выводу, что обе крайние позиции – и безусловное преклонение перед высшими силами с признанием их всемогущества, и «перенесение» человеком на себя роли этих всемогущих сил, в действительности оказываются не особо обоснованными, впрочем, как и любая крайность. Главное же в том, что обе эти позиции не столько адекватно отражают положение вещей в мире и природе, сколько полностью обусловлены имеющимися убеждениями, выстроенной с детства картиной мира, то есть по существу факторами чисто психической природы.

Секуляризм современной культуры Юнг обосновывает именно этой претензией человека на господство над природным миром. Он считает, что претензия эта является малообоснованной, но приводит повсеместно к полному отрицанию не только всемогущества неких «надчеловеческих» сил, но и в целом их существования, то есть к агностицизму и атеизму. Последние же, в свою очередь, ведут не только к невротизации индивида (в силу появляющегося у него ощущения «одиночества» в этом мире), но и к последствиям в масштабах всего человеческого социума – таким как войны, глобальные проблемы, ядерная угроза и т.п. Психический механизм этой «претензии» видится Юнгу следующим. Человеческая психика интроецирует представления о «надчеловеческом», божественном, сакральном и таких его атрибутах, как всемогущество и господство. Соответствующие архетипы, как образы коллективного бессознательного, воспринимавшиеся некогда в качестве внешних, теперь воспринимаются уже в качестве обоснования способности людей полностью ставить под свое управление на глобальные природные и социальные процессы.

Сопоставление двух кардинально отличных человеческих картин мира – архаичной и современной – приводит Юнга к заключению, что ни одна из них не может быть абсолютно верной; но в то же время он подчеркивает, что восприятие мира архаичным человеком демонстрирует большую тонкость, глубину и сложность, чем современное. Сам он верил, что даже те природные фе-

номены, которые имеют очевидные причины материально-физического плана, на более глубинном уровне понимания могут объясняться и более глубокими факторами, в первую очередь «психическими» или «духовными». И при таком допущении – во многом разделяемом, кстати говоря, и другом Юнга, лауреатом Нобелевской премии по физике Вольфгангом Паули, – архаичное восприятие оказывается и более адекватным и разумным: «Свою веру в силу произвола первобытный человек основывает не на пустом месте, как думали раньше, а на опыте. Группирование случаев оправдывает то, что мы называем его суевериями, поскольку и в самом деле существует вероятность совпадения необычных вещей по времени и месту. Не надо забывать, что здесь наш опыт бросает нас на произвол судьбы. Мы недостаточно наблюдательны, потому что настроены несколько иначе...» [6, с. 319].

Конечно, положения Юнга, разрабатываемые им в рамках концепции «архаичного человека», во многом остаются дискуссионными. В них можно видеть, в частности, ту же амбивалентность, которую видят некоторые исследователи в его отношении к Востоку и восточной мысли. (Что не удивительно, поскольку для западного интеллектуала первой половины XX века, каким и был Юнг, Восток в некотором смысле оставался «архаичным» – а следовательно, разделяющим плюсы и минусы «архаичного» мышления.) Тем не менее, проблема масштабной невротизации индивида и социума, подробно анализируемая Юнгом в рассматриваемой работе, и анализ порождающих ее факторов в сегодняшний кризисный период развития человечества представляют особый интерес и требуют глубокого и вдумчивого изучения.

Список литературы

1. Юнг К.-Г. Сознание и бессознательное. – М.: Академический проект, 2009.
2. Юнг К.-Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994.
3. Психология: Словарь / Общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд. М.: Политиздат, 1990.
4. Yogo R. Jung and Buddhism: A Hermeneutical Engagement with the Tibetan and Zen Buddhist Traditions. – Canterbury: The University of Kent, 2001.
5. Сюткина Е.Н., Кандыбович С.Л. Архетип как социокультурный феномен: философские и культурные основания // Человеческий капитал. – 2016. – № 7 (91). – С. 6-15.
6. Юнг К.-Г. *Проблемы души нашего времени.* – М.: Прогресс, 1994.

С. С. Демидов

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

***Аннотация.** В статье рассматривается понятие общественного мнения, а также проблема идентификации общественного мнения. В работе изучены особенности воздействия общественного мнения на динамику социальных процессов, рассматриваются разнообразные механизмы формирования общественного мнения.*

***Ключевые слова:** общественное мнение, общество, коммуникация, индивид, мышление, социальная среда.*

S. S. Demidov

(Senior lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

MECHANISMS OF FORMATION AND PECULIARITIES OF THE INFLUENCE OF PUBLIC OPINION ON SOCIAL PROCESSES

***Annotation.** The article discusses the concept of public opinion, as well as the problem of identifying public opinion. The paper examines the peculiarities of the impact of public opinion on the dynamics of social processes, examines various mechanisms of public opinion formation.*

***Key words.** public opinion, society, communication, individual, thinking, social environment.*

Все чаще общественное мнение проявляет свою силу в различных аспектах человеческой жизни. Никогда ранее оно не играло той роли и не имело той силы, о которой можно говорить в настоящее время.

В странах с демократической политической системой общественное мнение оказывает влияние на государственную политику,

формирует поведение политических партий, способствует принятию решений субъектами экономической деятельности, имеет влияние на формирование законодательных процессов, а так же на планирование и проведение различных культурных мероприятий. Все это говорит о том, что общественное мнение является мощнейшей динамической силой в современном мире [1, с. 75].

В научной среде общественное мнение рассматривают как специфическое проявление массового сознания [2, с. 80], как его частный случай, как факт сознания

Общественное мнение не всегда логично и бывает двойственным, быстротечным и расплывчатым. Желание управлять общественным мнением, стремление влиять на него, а так же формировать, показывает, что все приложенные усилия со временем направят людей к тому консенсусу, который станет решающим в отношении существующих проблем [3].

В случаях, когда общественность не интересуется определенной проблемой, наблюдается такая особенность людей, которая заключается в игнорировании фактов, касающихся подобных проблем. В настоящее время объем информации постоянно увеличивается, существует множество источников информации, которые общественность выбирает согласно своим запросам и возможностям. Однако это не говорит о том, что все обилие информации приводит к обогащению знаниями общества в целом или отдельного индивида. Это и не всегда приводит к возможности прогнозирования поведения или его формирования.

Однако, что бы ни происходило, общественное мнение остаётся одной из самых мощных сил современности. Любая структура и организация должна иметь дело с реальным и чётко обозначенным общественным мнением, что нужно для поддержания плодотворных связей с различными группами "своей" внутренней и внешней общественности [4].

Программы связей с общественностью направлены на такую установку, которая позволит убедить людей в необходимости изменить своё мнение, которое касается той или иной проблемы, продукта, компании или даже конкретного индивида. Важным является сформировать необходимым образом ещё не сложившееся мнение окончательно, а так же усилить то мнение, которое уже существовало [5]. Исходя из этого, можно сказать, что необходимо глубоко разбираться в механизмах формирования общественного

мнения, знать, каким образом оно вырастает из установок людей и как можно повлиять на него с помощью коммуникационных усилий.

Необходимо отменить, что само определение «общественное мнение» обозначает комплекс представлений индивидов на конкретную проблему. Учёный Эдвард Бернайз определяет общественное мнение, как едва ли уловимую, подвижную и неустойчивую совокупность индивидуальных суждений [6]. Многие учёные отмечают определение общественного мнения данное учёным Г. Бойлом, который обозначает его, как классификацию определённого количества чего-то, а не названием чего-то одного.

Для более полного понимания главного смысла общественного мнения разделим его на такие компоненты, как общественность и мнение. Мнение может быть выражено в установке человека, касающейся конкретного вопроса. Данные установки становятся более устойчивыми выступая в виде мнений, которые, в свою очередь, переходя в достаточно устойчивые, приводят к вербальным и деятельным актам. Это позволяет сделать вывод, что общественное мнение является неким соглашением, зарождающимся из тождественных между собой установок людей, касающихся той или иной проблемы [7].

Такой подход к пониманию общественного мнения, как совпадение индивидуальных мнений определённой совокупности людей, противоречит тому обстоятельству, что оно является общественным.

Отметим, что общественное мнение является более объёмным явлением и не включает в себя лишь совокупность разных точек зрения, высказанных определённым числом индивидов.

Общественное мнение образуется внутри такой группы людей, которые общаются друг с другом, согласовывают суть проблемы, её вероятные социальные последствия, а также обдумывают, какие меры можно предпринять [8]. Отметим, что мнения индивидов все - таки зависят от группового обсуждения, не смотря на то, что они могут затрагивать личные суждения.

Учёный Валентин Королько отмечает, что общественное мнение выступает социальным феноменом и включает в себя специфические характеристики, которые выражаются в следующем:

Направленность, которая отражает общую качественную оценку проблемы, а также отношение к ней в виде суждений «по-

ложительно - отрицательно - безразлично», «за - против - не определен», «за - против - при условии». Именно уточнение направленности - одно из основных измерений общественного мнения;

Интенсивность, выступающая показателем силы, приобретённой независимо от направленности общественного мнения;

Стабильность, обозначающая длительность времени, на протяжении которого значительная часть индивидов неизменно проявляет одну и ту же направленность, а так же интенсивность чувств;

Информационная насыщенность, указывающая на то, каким объёмом знаний об объекте мнения владеют люди. Люди, которые более информированы о проблеме высказывают чёткое мнение о ней и поступают более предсказуемо;

Социальная поддержка, которая свидетельствует о степени уверенности людей в том, что их мнение разделяют другие индивиды, принадлежащие к данной социальной среде. Степень социальной поддержки служит мерилем консенсуса людей по поводу проблемы [9].

Проблема идентификации общественного мнения имеет как практическое значение, так и теоретическое. Она совпадает с проблемой определения общественного мнения, поскольку свойственные ему признаки должны обозначить направления поиска эмпирических критериев его идентификации. Учёным Н.К. Горшковым [3] было проведено множество исследований, результаты которых определяют ориентиры в понимании сущности общественного мнения. Общественное мнение определяется отношением его субъекта, либо носителя, к социально значимому объекту. Указанное отношение не ограничено единственной формой, которой оно может выступать, а проявляется в таких ипостасях, как исключительно духовное явление; как более или менее выраженная позиция, своего рода переход от духовного к практическому и как поведение.

Названное разделение общественного мнения вызывает множество споров, разногласий и расхождений в его интерпретации. К примеру, общественное мнение может определяться, как некое состояние общественного сознания, охватывающее различные оценки, установки, либо же как коллективного поведения. Учёный Г. Блумер относит общественное мнение к сфере коллективного действия, считая его существенным признаком взаимного согласования различных линий индивидуального поведения на основе

нормативно обусловленных ожиданий, благодаря чему индивиды могут определённым образом совместно действовать [9].

Отметим, что общественное мнение ограничивается такими функциональными измерениями, как гносеологическим, так как фиксируется его способность отражать действительность в соответствующих логических и психологических формах человеческого сознания; а так же социологическим измерением, где общественное мнение рассматривается в аспекте его влияния на социальные институты и решения важных общественных проблем.

Благодаря принятию роли другого становятся возможными проявление общественного мнения. Индивид может осознавать возможные реакции того «другого» на своё поведение. Учёный Дж. Мид отмечает, что в таком случае поведение индивида является результатом принятия им установок окружающих его людей относительно его самого с дальнейшей кристаллизацией всех этих отдельных установок в единую установку или точку зрения, которую можно назвать установкой «обобщённого другого» [10]. Именно в форме «обобщённого другого» общность осуществляет контроль за поведением членов своего общества, что определённым образом позволяет влиять на мышление индивида. В абстрактном мышлении индивид принимает установку обобщённого другого по поводу себя безотносительно к её проявлениям у любых других конкретных индивидов. В конкретном мышлении он принимает эту установку в той мере, в какой она отражается в установках относительно его поведения тех других индивидов, вместе с которыми он вовлечён в определённую социальную ситуацию или действие.

Рассматривая вопрос идентификации общественного мнения, нельзя обойти вниманием проблему его соотношения с мнением индивидуальным. При этом нужно заметить, что решение проблемы определяется выбором исходных принципов её анализа. Так, если принять допущение методологического индивидуализма, согласно которому носителем психики является индивид, а понятия «голос общественного мнения», «публичное сознание», «коллективный дух» представляют собой лишь фикции, то общественное мнение сводится к абстракции, которой обозначается статистическая сумма индивидуальных мнений [4].

Независимо от способа существования общественное мнение, может выступать в таких взаимосвязанных измерениях, как внешнее, которое раскрывается в отношении людей к общественно

значимым проблемам. Внешнее измерения может проявляться в формах сознания индивидов, к примеру, в оценках, суждениях, установках, а так же в реальных поступках. Второе измерение является внутренним и заключается в регулировании мышления и поведения людей, с целью их согласования с интересами общества.

В данном варианте общественное мнение является такой разновидностью социального контроля, субъекты и объекты которого выступают, как членами общности носители, так и субъектами общественного мнения. В подобных обстоятельствах проблема идентификации общественного мнения трансформируется в проблему выяснения характера взаимодействия мнений индивидов с оценками и суждениями остальных людей.

Общественное мнение играет ключевую роль в формировании социальной динамики, воздействуя на различные аспекты общественной жизни. Разбор механизмов формирования общественного мнения и выявление его особенностей являются важными шагами для понимания динамики современного общества.

Так, в формировании общественного мнения участвуют различные источники информации, такие как интернет, традиционные СМИ, социальные сети. Разнообразие источников влияет на мнения людей, а анализ роли каждого источника помогает понять, как формируются убеждения.

Необходимо отметить, что появление новых медиа меняют не только сферу формирования, а также выражения общественного мнения, но и область изучения этого явления. Достоинством всего этого можно назвать обогащение области изучения общественного мнения новыми методами, к примеру, онлайн-опросы общественного мнения, процедуры исследования аудитории в цифровом пространстве, с использованием количественной оценки и анализа пользователей автоматически в режиме реального времени [11, с.97]

Отметим, что общественное мнение тесно связано с культурными и социальными ценностями. Понимание того, как эти факторы взаимодействуют, позволяет предсказывать тенденции в формировании мнений.

Необходимо отметить, что влиятельные личности и эксперты играют важную роль в формировании общественного мнения. Исследование их влияния помогает выявить ключевые акторы, воздействующие на коллективное сознание.

Важным шагом в изучении общественного мнения выступает понимание того, как эмоции и когнитивные процессы влияют на формирование мнений. К примеру, эмоциональные реакции часто играют решающую роль в формировании убеждений.

Для прогнозирования и формирования общественного мнения активно применяются современные технологии и алгоритмы анализа данных, воздействие которых требует подробного изучения.

Общественное мнение постоянно меняется под воздействием новых факторов. Изучение динамики мнений позволяет выявить тенденции и адаптировать стратегии воздействия.

Механизмы формирования общественного мнения - это сложный и динамичный процесс, требующий внимательного изучения. Понимание этих механизмов не только раскрывает особенности влияния на сознание людей, но и обеспечивает основу для разработки эффективных стратегий воздействия в современном информационном обществе

Попытка анализа проблемы, изложенной в работе, свидетельствует не только о возможности ее концептуального освещения, но и содержит основания для разработки методических способов ее разрешения на эмпирическом уровне.

Список литературы

1. Внуков А.Е. Значение взаимодействия с общественным мнением для проведения эффективной государственной политики // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014 – № 1 – С. 75 – 79
2. Тюрина И. О. Общественное мнение // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В. Н. Иванов. -М.: Мысль, 2003 С. 80-83.
3. Горшков М.К. Прикладная социология: методология и методы: Учебное пособие / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. — М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2019. – 416 с.
4. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология / Г.Г. Дилигенский. - М.: Новая школа, 2016. – 351 с.
5. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. -М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. - 200 с.
6. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни / Э. Гоффман. - М.: Канон-пресс, 2018. - 304 с.

-
7. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию / Э. Аронсон. -М.: Аспект Пресс, 2017. - 517 с.
 8. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. - М.: Лабиринт, 2019. - 352 с.
 9. Блумер Г. Коллективное поведение. // Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 2018. - 588 с.
 10. Мид Д.Г. Социальное сознание и сознание смысла / Пер. с англ. Р.Э. Бараш // Эпистемология
 11. Гаврилюк Н.П. Социум цифровой эпохи – вызовы, риски или новые возможности? / Н.П. Гаврилюк, В.В. Сорочан // Этносоциум и межнациональная культура. 2022 № 12 (174). С. 88-98.

УДК 130.2

К. П. Горбачев

(Член комиссии с правом решающего голоса,
работающий на постоянной (штатной) основе)
Избирательная комиссия Запорожской области
(г. Мелитополь, Запорожская область – РФ)

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА В КЛАССИЧЕСКОЙ ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКОЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В статье анализируются направления в истории социально-политической мысли, определяющие причины возникновения и сущность государства, что в дальнейшем позволит исследовать феномен субъектности государства и перспективы развития гражданского общества.

Ключевые слова: теологические концепции происхождения государства; патриархальная концепции происхождения государства; договорная концепция происхождения государства; теория насилия; материалистическая теория происхождения государства; предпосылки возникновения государства.

K. P. Gorbachev

(Member of the commission with the right to vote,
working on a permanent (staff) basis)
Electoral Commission of the Zaporizhia region
(Melitopol, Zaporizhia region – Russian Federation)

THE PROBLEM OF THE ORIGIN AND ESSENCE OF THE STATE IN THE CLASSICAL HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL AND POLITICAL AND LEGAL THOUGHT

Annotation. The article analyzes the trends in the history of social and political thought that determine the causes and essence of the state, which in the future will allow us to explore the phenomenon of the subjectivity of the state and the prospects for the development of civil society.

Keywords: theological concepts of the origin of the state; patriarchal concepts of the origin of the state; contractual concept of the origin of the state; theory of violence; materialistic theory of the origin of the state; prerequisites for the emergence of the state.

Государство является одновременно субъектом во всех отраслях права наравне с личностью, предприятиями, организациями и т. д. Так и организатором, регулятором и гарантом равных отношений. Существует множество учений, которые объясняют причины происхождения государства. Множественность учений объясняется временем создания учения, главенствующей идеологией, характером экономических отношений, официальной политикой, религиозными верованиями и т.п.

В современной теории государства и права наиболее распространенными считаются теологическая, патриархальная, договорная и материалистическая теории происхождения государства, а также теория насилия.

Учения о государстве в античной и средневековой философии. Согласно концепции Платона, носящей ярко выраженный отпечаток мифологических представлений, государство появилось в эпоху Зевса и олимпийских богов, которые поделили между собой, по жребию, все страны земли. При этом Аттика (территория древних Афин) досталась Афине и Гефесту, а остров Атлантида – Посейдону. Афина и Гефест населили Аттику благородными мужами и вложили в их умы понятие о демократическом государственном устройстве. Посейдон же установил на Атлантиде государство в форме наследственного царского правления, закрепив основы в законах. Таким образом, Платон считал, что для организации правильных форм земной жизни необходимо в максимально возможной мере подражать мифическим космически-божественным первообразам (философски говоря – идее) правления людьми. В первую очередь устройству Афин (где правят философы), во вторую – устройству Атлантиды (где правят законы)¹⁴.

Вместе с тем в диалогах «Государство» Платон даёт достаточно стройную гипотезу причин создания государства и выделяет его структуру. Здесь можно даже увидеть прообраз материалистической теории, так как причиной возникновения государства Платон называет необходимость разделения труда и вызванную этим обстоятельством необходимость управления различными видами деятельности [1].

¹⁴ К сожалению, найти источник, доказывающий, что Платон это утверждал, не удалось. Да и этот способ создания государства трудно считать теорией, так как утверждения основываются на мифах и вере в них.

Другим ярким представителем античной мысли, с чьим именем связано рождение *патриархальной теории государства*, является Аристотель. Аристотель считал, что государство представляет собой естественную форму человеческой жизни, что вне государства общение человека с себе подобными невозможно. Как существа общественные люди стремятся к объединению, к образованию патриархальной семьи. А увеличение числа этих семей и их объединение приводят к образованию государства. Аристотель утверждал, что государственная власть есть продолжение и распространение института отцовской власти на всё общество¹⁵.

Представителем *теологической теории*, но уже в средневековье, является Аврелий Августин. По его теории, государство – это наказание за первородный грех и является системой господства одних людей над другими. Оно предназначено не для достижения людьми счастья и блага, а только для выживания в этом мире.

В развитие своей христианской концепции Августин опирается на библейские положения. Все социальные, государственные и правовые учреждения и установления, по его теории, являются следствием греховности человека. В работе «О граде Божиим» он отмечает, что «великое преступление» Адама и Евы, от которых происходит весь человеческий род, привело к тому, что «изменилась в худшую [сторону] самая природа человеческая и передана потомству повинная греху и неизбежной смерти». Сама эта греховность предопределена замыслом бога-творца, наделившего человека свободной волей, т. е. способностью жить по-своему, по-человечьи, а не по-божьи.

Августин, разделяя человеческий род во все времена его существования на два разряда (живущих по человеку и живущих по богу), замечает: «Эти разряды мы символически назвали двумя градами, т. е. двумя обществами людей, из которых одному предназначено вечно царствовать с Богом, а другому подвергнуться

¹⁵ Позже, в средние века, на патриархальную теорию будет ссылаться теоретик абсолютизма Р. Фильмер в своей работе «Патриархия, или защита естественного права королей» (1642 г.), в которой он, обосновывая существование в Англии абсолютизма, доказывал, что первоначально Бог даровал королевскую власть Адаму, который поэтому является не только отцом человеческого рода, но и его властелином.

вечному наказанию с дьяволом. Граждан земного града рождает испорченная грехом природа, а граждан града небесного рождает благодать, освобождающая природу от греха; почему те называются сосудами гнева Божия, а эти – сосудами милосердия».

Греховность земной государственно-правовой жизни (отношений и установлений в «земном граде») проявляется, согласно Августину, в господстве «человека над человеком», в существующих отношениях управления и повиновения господства и рабства. Такое положение дел, сложившееся вследствие первородного греха и сохраняющейся греховности природы человека, Августин называет «естественным порядком» человеческой жизни. В этом смысле «естественным» (для жизни «по человеку») оказывается и рабство, хотя оно и противоречит первоначально созданной богом человеческой природе и жизни «по Богу».

Августин обосновывал и оправдывал существование имущественного неравенства людей в обществе. Он утверждал, что неравенство – неизбежное явление социальной жизни и бессмысленно стремиться к уравниванию богатств; оно будет существовать во все века земной жизни человека. Но всё же все люди равны перед Богом и потому Августин призывал жить в мире.

Теория общественного договора в работах мыслителей XVII–XVIII вв. Корни теории *договорного происхождения государства* уходят в глубину веков. Так, ещё в Древней Греции некоторые софисты считали, что государство возникло в результате договорного объединения людей с целью обеспечения справедливости. В Новое время основоположниками этой теории выступили Г. Гроций, Т. Гоббс, Д. Локк, Ж-Ж. Руссо, А. Радищев. Государство возникло на основе заключения между людьми договора о создании государства, при этом люди добровольно передают государству часть своих прав. Последователи договорной теории утверждали, что первоначально государству было свойственно естественное состояние, которое характеризовалось по-разному.

Для Руссо, например, люди в естественном состоянии обладают природными правами и свободами, а для Гоббса естественное состояние это – состояние «войны всех против всех». Затем ради мира и благополучия заключается общественный договор между каждым членом общества и государством, которое они создавали. По этому договору люди передают часть своих прав государственной власти и берут обязательство подчиняться ей, а госу-

дарство обязуется охранять неотчуждаемые права человека, т.е. право собственности, свободу, безопасность. Соглашение людей, по мысли Руссо, – основа законной власти. В результате каждый договаривающийся подчиняется общей воле (государству), но в то же время становится одним из участников этой воли.

Теория договорного происхождения государства не отвечает на вопросы, где, когда и каким образом состоялся общественный договор, кто был его участником или свидетелем. Нет и исторических доказательств, которые бы дали на них ответ. Вместо обоснования данная теория впервые провозгласила, что государство есть результат сознательной и целенаправленной деятельности людей. Это первый созданный людьми общественно-политический институт, оказывавший и оказывающий огромное воздействие на жизнь индивидов, групп, классов, всего общества. Его можно планомерно совершенствовать, преобразовывать, приспосабливать к изменяющимся условиям. Данная теория отчасти актуальна и на сегодняшний день, если к сказанному добавить, что она положила начало учению о народном суверенитете, о подконтрольности, подотчетности перед народом всех государственно-властных структур и их сменяемости.

Теория насилия (Е. Дюринг, К. Каутский, Л. Гумплович). Теория насилия возникла и получила распространение в конце XIX – начале XX вв. Основоположники Е. Дюринг, К. Каутский, Л. Гумплович.

Согласно их теориям, государство – это результат войн и насилия, т.е., результат завоевания одних племён другими, принуждение их в целях управления завоёванными народами и территориями. Войны способствовали образованию классов, завоеватели превращали пленников в рабов¹⁶.

Мать государства, утверждают сторонники теории насилия, война и завоевание. Опираясь на исторические данные, эту теорию полностью отвергать нельзя, следовательно, насилие – это одна из причин возникновения государства. Так, австрийский теоретик государства и права Л. Гумплович писал: «История не предъявляет нам ни одного примера, где бы государство возникало не при помощи акта насилия, а как-нибудь иначе. Кроме того, это всегда яв-

¹⁶ Позже эта теория будет использована нацистской Германией в качестве обоснования своей идеологии.

лялось насилием одного племени над другим, оно выражалось в завоевании и порабощении более сильным чужим племенем более слабого, уже оседлого населения» [2]. При этом Гумплович утверждал, что над действиями диких орд, обществ, государств царит сложный закон природы.

В отличие от натуралистических взглядов Гумпловича, К. Каутский исходил из чисто социальных факторов, утверждая, что классы и государство появляются вместе вследствие войны и завоевания. Он утверждал, что государство и классы начинают своё существование одновременно. Племя победителей подчиняет себе племя побеждённых, присваивает себе всю их землю и затем принуждает систематически работать на победителей, платить им дань или подати. Первые классы и государства образуются из племён под гнётом завоевания.

Историко-материалистическая концепция государства Ф. Энгельса. Ф. Энгельс жёстко критиковал теорию насилия [3], которая, на его взгляд, гипертрофировала роль насилия и игнорировала социально-экономические факторы. По его мнению, чтобы возникло государство, необходим такой уровень экономического развития, который позволил бы содержать государственный аппарат и производить соответствующее военное оружие. Если подобных экономических условий нет, никакое насилие само по себе не может привести к возникновению государства. Вместе с тем бесспорно и то, что насильственное завоевание играло немаловажную роль в образовании государства. Оно служило мощным катализатором этого процесса.

В основу марксистской теории положено экономическое развитие общества, обеспечивающее материальные условия возникновения государства, а также социальные изменения в обществе, способствующие возникновению государства. Данная теория происхождения государства изложена в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [4]. Государство возникает как результат естественного развития первобытного общества. Для марксистской теории характерен последовательный материалистический подход. Она связывает происхождение государства с появлением частной собственности и расколом общества на классы.

Развитие производительных сил привело к необходимости разделения труда, появлению частной собственности и, как след-

стве, к имущественному и социальному разделению общества, к его расколу на эксплуататоров и эксплуатируемых. Государство возникает как аппарат принудительной власти экономически господствующего, эксплуататорского класса над неимущим, эксплуатируемым классом.

Эта теория охватила многие социальные и экономические стороны государства, классовые противоречия в обществе. Плюсы данной концепции заключаются в том, что она основывается на экономических факторах, они в соответствии с этой концепцией являются базисом любого общества, из него возникает надстройка. Психология людей, военные конфликты, да и все социально-политические учреждения – есть лишь надстройка. Суть вопроса марксизм выражает в формуле «Государство есть продукт и проявление непримиримых классовых противоречий». В целом теория отличается чёткостью и ясностью положений, логической стройностью и представляет собой большое достижение теоретической мысли.

На основе рассмотренных концепций и исторических фактов можно выделить следующие предпосылки возникновения государства [5]:

- 1) *экономические*: - переход к производящей экономике; - появление института частной собственности; - товарно-обменные отношения;
- 2) *социальные*: - появление семьи как самостоятельного субъекта производственных отношений и частной собственности; - усложнение структуры социальной организации населения;
- 3) *политические*: - появление института публичной власти, имеющего централизованный, профессиональный характер; - передача властных полномочий преимущественно по наследству.

При определении термина «государство» выделяют два основных показателя: во-первых, страна, то есть политико-территориальное образование и, во-вторых, наличие общественно-политического института, то есть организации политической власти, системы институтов власти, существующей в той или иной стране. Объединяя эти два фактора, можно определить государство как организацию политической власти, существующую в определённой стране. И, на основании этого, можем уже определить основные признаки, характеризующие государственно-правовую организацию общества. С позиции современных подходов в теории

государства и права выделяют пять основных признаков: территория; население; организация публичной (политической) власти; налоги; суверенитет [6].

Список литературы

1. Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Пер. с древне-греч. (1990-1994 г.); Общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmusa, А. А. Taxo-Godi;
2. Общее учение о государстве / [Соч.] Людвиг Гумпловича, проф. Грац. ун-та; Пер. со 2-го нем. изд. со вступ. очерком, примеч. и доп. ст. Ив.Н. Неровецкого. - Санкт-Петербург : тип. т-ва "Обществ. польза", 1910
3. Ф. Энгельс «Роль насилия в истории» Серия: Маркс, Энгельс - творцы научного социализма. Издательство: Либроком, Москва, 2010
4. Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. — М.: Политиздат, 1986.
5. Корельский В. М., Первалов В. Д. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.:Издательская группа ИНФА. М-НОРМА, 1997.
6. Петрова И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир 2023.

II. Объективные механизмы развития versus политический проективизм: историко-культурные и цивилизационные аспекты

УДК : 130.2

С. И. Сулимов

(д. филос. н., доцент)

Воронежский государственный университет
(г. Воронеж, Российская Федерация)

И. В. Черниговских

(к. филос. н., доцент)

Воронежский государственный университет инженерных технологий
(г. Воронеж, Российская Федерация)

МИДИЗМ vs ПАТРИОТИЗМ

***Аннотация.** Данная работа посвящена установлению роли в межкультурных взаимодействиях такого явления как мидизм. Под данным термином понимается не критическое, нередко восторженное восприятие чужой культуры. Опираясь на исторические факты, авторы доказывают, что единственной нормальной для любого общества позицией является патриотизм, а мидизм представляет собой нежелательное отклонение.*

***Ключевые слова:** межкультурные взаимодействия, мидизм, патриотизм.*

S. I. Sulimov

(Doctor of Philosophical Sciences, associate-professor)

Voronezh state university

(Voronezh, Russian Federation)

I.V. Chernigovskikh

(Candidate of Philosophical Sciences, associate-professor)

Voronezh state university of engineering technologies

(Voronezh, Russian Federation)

MIDISM vs PATRIOTISM

Abstract. *This work is devoted to establishing the role in intercultural interaction of such a phenomenon as Midism. This term refers to an uncritical, often enthusiastic perception of someone else's culture. Drawing on historical facts, the authors prove that the only normal position for any society is patriotism, and Midism is an undesirable deviation.*

Key words: *intercultural interactions, midism, patriotism.*

С тех пор, как существует цивилизация, общества вступают друг с другом в отношения межкультурного обмена. Такие отношения имеют множество форм: от навязываемой соседям культурной ассимиляции до культурной диффузии, нередко незаметной её участникам. Межкультурные контакты вполне могли существовать и прежде возникновения первых цивилизованных обществ, но в ту далёкую эпоху их никто не фиксировал и не осмысливал, да и, вероятно, дикари вряд ли могли друг другу предложить что-нибудь в процессе культурного обмена. Представители цивилизованного общества реагировали на знакомство с непонятной им, но развитой культурой всегда чутко, но не всегда одобрительно. Ведь межкультурное взаимодействие подразумевает проникновение чуждого элемента в гармоничный культурный комплекс, и далеко не факт, что этот элемент будет соответствовать общему стилю принимающей стороны. При этом иногда знакомство с чужой культурой сопровождается излишней, неуместной восторженностью. Такое явление знакомо исследователям со времён античности и носит название *мидизм*. В данной работе мы предпримем попытку выявить историческую роль мидизма и установить его соотношение с патриотизмом и космополитизмом.

Впервые термин «мидизм» прозвучал в контексте греко-персидских войн [1, с. 17]. Дело в том, что соседство эллинских полисов с монархией Ахеменидов далеко не исчерпывалось военным противостоянием, и в восточных землях нередко вели дела греческие купцы, а в полисы Эллады часто приезжали персидские дипломаты. Поэтому греки неплохо представляли культурный облик своих азиатских соседей, хотя и трактовали его не всегда верно. В ту же эпоху обнаружилось, что некоторые греки очарованы восточными обычаями и политическими принципами и совсем не против перенять некоторые из них. К примеру, долгое время слу-

живший в Малой Азии греческий наёмник Ксенофонт, вернувшись в Элладу, написал книгу «Киропедия», в которой восхвалял персидские педагогические принципы. Правда, вскоре выяснилось, что восторгающиеся восточной монархией эллинские государственные деятели вовсе не против того, чтобы содействовать персидскому шаху в его внешней политике или даже шпионить для шахской разведки. В частности, спартанский военачальник Павсаний и афинский флотоводец Фемистокл были уличены в подготовке переворота, который позволил бы им отдать Элладу под власть персидской короны, а самим получить звания губернаторов (сатрапов) [2, с. 289]. С тех пор для античных писателей и читателей слово «мидизм» обрело негативный оттенок: поскольку греки называли персов «мидийцами», то «мидизм» стал означать что-то вроде «персофильства».

В дальнейшей истории цивилизации мидизм вовсе не исчез, хотя уже не имел прямого отношения к межкультурным взаимодействиям Запада и Востока. В случаях, когда цивилизованное общество встречалось со своими варварскими соседями и навязывало им культурный диалог, мидизм приобретал двусторонний характер. Познакомившийся с цивилизацией и её материальным изобилием варвар нередко стремился войти в ряды цивилизованного общества, что, правда, превращало его в культурного ренегата с точки зрения земляков и соплеменников. К примеру, одним из соратников Юлия Цезаря в его Галльской войне был кельтский аристократ Дивициак, после войны занявший привилегированное положение при римской администрации в оккупированной Галлии [3, с. 17]. В свою очередь некоторые цивилизованные эрудиты, обычно далёкие от варварского фронта, создавали литературный образ «благородного дикаря», никак не соотносящийся с реальными варварами, но выглядящий как яркая антитеза пороков и изъянов цивилизованного общества. Например, в эллинистическую эпоху существовала Александрийская литературно-философская школа, буквально штамповущая идиллические произведения о скифах и кельтах, в которых варвары представляли носителями подлинной мудрости и совершенного общественного устройства [4, с. 126].

Кто же выигрывал от взаимного мидизма в большей степени – очарованный цивилизацией варвар или цивилизованный утопист? Думается, что большим реалистом и поэтому большим бенефициаром такого межкультурного взаимодействия оказывался варвар-

ский прозелит, потому что в случае успеха он примыкал к реальному развитому обществу. Эрудит из большого города, в свою очередь, не получал от «благородного дикаря» ничего, потому что такого «дикаря» не существовало, а варвар-неофит порой не был против того, чтобы воспользоваться наивностью цивилизованных фантазёров.

Если же представить культурное противостояние двух и более цивилизованных обществ, то каждый из участников будет стараться навязать соседям мидизм в свою пользу. Ведь из чужаков-прозелитов в самом простом случае могут получиться надёжные шпионы, а при более утончённой стратегии через добровольных помощников можно лоббировать политические решения, выгодные не их стране, а донору культуры. Именно поэтому для любого развитого общества патриотическая позиция, постоянно транслируемая в педагогике и искусстве, является важным условием собственного выживания.

Зададимся вопросом, к каким результатам может привести мидизм цивилизованного человека, увлечённого чужой культурой и оценивающего её выше, чем собственную? Если предположить, что на ареал одного цивилизованного общества действительно переселятся представители иной цивилизации, то им почти наверняка придётся ассимилироваться. Русская история знает наглядный пример такой ассимиляции, когда в середине XVIII в. в российской императорской армии были отменены привилегии для иностранных офицеров [5, с. 105]. И немецкие авантюристы в одночасье из непогрешимых персон превратились в обычных командиров, служба которых зависела от профессиональных навыков и умения находить понимание с коллегами. В результате множество таких переселенцев в скором времени осваивало разговорный русский язык, меняло немецкие имена на русские, обзаводились отчествами, и даже инициатор отмены привилегий для иностранцев, фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних переименовался в Христофора Антоновича.

При этом вряд ли кто-нибудь из обрусевших немецких офицеров восхищался русской культурой или спешил с ней знакомиться; эти люди просто жили среди русских и постепенно привыкали к местному стилю жизни. Кто-то из них переходил в православие, кто-то оставался лютеранином, а в их детях иностранными были лишь фамилии. То есть это был не мидизм, а аккуратная, ненавяз-

чивая ассимиляция. Зато русских дворян знакомство с западной культурой по книгам привело к мидизму невиданного размаха. Здесь было всё – от устройства поместий в английском стиле до стремления эмигрировать в Париж. Причём, такие эмигранты никогда не приживались на новой родине и часто оказывались там ещё более чужими, чем в России. По свидетельству отечественного историка В. О. Ключевского, русский дворянин, решивший стать французом или англичанином, воспринимался европейцами как некое азиатское посмешище [5, с. 359]. В результате русский «европеец», который из соображений мидизма подался в эмиграцию, был обречён стать космополитом – везде чужим, вечным странником. Неслучайно русские народники XIX в., по каким-либо причинам перебравшиеся в Европу, не ассимилировались там и продолжали обсуждать российские, а не местные проблемы. К примеру, А. И. Герцен издавал в Англии русскоязычный журнал «Колокол», который вряд ли кто-нибудь из лондонцев мог или хотел читать.

Гораздо трагичнее выглядит попытка адептов мидизма привести свою родину в соответствие с принципами, заимствованными из очаровавшей их чужой культуры. В истории России таким примером могут послужить декабристы. Это были молодые дворяне с блестящим образованием западного типа, прекрасно знакомые с последними новостями Европы и Северной Америки и, возможно, поэтому решившие совершить в России переворот и превратить её в подобие молодой заокеанской республики [7, с. 97]. Возможно, к счастью для страны мятеж 14 декабря 1825 г. не увенчался успехом. Но, может быть, всё дело в исторической случайности? Может быть, очарованные чуждой политической и правовой культурой офицеры-аристократы были в шаге от того, чтобы модернизировать Россию и повести её прогрессивным путём развития? Увы, это не так.

Наглядный пример того, к чему приводят преобразования, затеваемые сторонниками мидизма, продемонстрировала новейшая история постколониальных стран, в частности, Нигерии. К тому моменту, когда Нигерия получила независимость (1960 г.), в ней успела сформироваться прослойка интеллектуалов и предпринимателей, получивших образование в метрополии (в Великобритании) и хорошо знакомых с западными политическими теориями. Предоставляя бывшей колонии независимость, британские чиновники охотно передоверили этим людям все ответственные посты. К чему

же это привело? Увы, к полной анархии. Ведь руководствовавшие западными правовыми и идеологическими принципами прозелиты пытались принимать меры, никак не гармонирующие с реальным положением дел в Нигерии. Например, один из кандидатов в президенты издавал англоязычную газету, но большинство нигерийцев не умели читать [8, с. 42]. В результате такой «игры в Европу» страну захлестнула политическая неразбериха, открывшая дверь всепроникающей коррупции, трайбализму и племенному сепаратизму. Буквально через несколько лет после обретения Нигерией независимости ею управляли уже вовсе не исповедовавшие мидизм эрудиты, а военная хунта, щедро финансируемая компрадорскими предпринимателями. И тот факт, что военный диктатор имел генеральское звание и одевался в форму британского образца, ничуть не умалял его авторитарности и жестокости. Таким образом, можно констатировать, что мидизм в политике приводит лишь к ненужным, безрезультатным потрясениям.

Какова же роль мидизма в современном межкультурном диалоге? Следует отметить, что в глобальном мире межкультурные взаимодействия не прекращаются ни на миг и носят всеохватывающий характер благодаря всепроникающему интернету и популярному кино. Таким образом, занять позицию мидизма может любой желающий, даже если он вовсе не имеет ни образования, ни широкого кругозора. Но тот эффект, который оказывает мидизм на жизнь обществ, ничуть не изменился со времён античности. Ведь государства по-прежнему имеют собственные интересы и отстаивают их всеми возможными способами. Поэтому поклонник чужой культуры будет восприниматься соотечественниками как неблагонадёжный персонаж, тем более, что в наши дни агентурные возможности разведок значительно расширились по сравнению с древностью.

Если представить такого мидиста в роли должностного лица, то, скорее всего, управляемая им структура потерпит крушение. Ведь невозможно эффективно руководить чем-либо, ориентируясь не на реалии, а на отвлечённые чужеземные принципы. Сторонник мидизма может поступить честно – эмигрировать, но за рубежом незваного прозелита будет ждать разочарование: иностранцы вовсе не обязаны содержать иммигранта, почему-то очарованного их кинематографом. Из неблагонадёжного гражданина своей страны та-

кой поборник чужих идеалов превратится в космополита – вечного скитальца, который нигде и никому по-настоящему не нужен.

В данной работе мы в общих чертах рассмотрели историческую роль мидизма в межкультурных взаимодействиях. На различных исторических примерах мы выяснили, что мидизм в любом своём виде бесполезен для исповедующего его общества или социальной группы, а иногда – опасен. Признавая, что в мире, где все общества так или иначе влияют друг на друга, неизбежно будут встречаться культурные ренегаты, остаётся констатировать, что единственной жизнеутверждающей позицией для любого общества является патриотизм. Можно сказать, что для любой культуры патриотизм является нормой. Мидизм же представляет собой не всегда вредное, но всегда бесполезное отклонение.

Список литературы.

1. Маринович Л. П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами / Л. П. Маринович // Античная цивилизация и варвары. – М. : Наука, 2006. – С. 5-29.
2. Олмстед А. Т. История Персидской империи / А. Т. Олмстед. – М. : Центрполиграф, 2012 – 575 с.
3. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлия Цезарь. – М. : АСТ, 2007. – 750 с.
4. Широкова Н. С. Идеализация варваров в античной литературной традиции / Н. С. Широкова // Античный полис: межвузовский сборник. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. – Вып. 5. – С. 124-137.
5. Керсновский А. А. Философия войны. История русской армии / А. А. Керсновский. – М. : Эксмо, 2023. – 704 с.
6. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. – Кн. III. – М. : Мысль, 1997. – 558 с.
7. Сулимов С. И. Эволюция ценностных установок в мировоззрении русской радикальной интеллигенции: монография / С. И. Сулимов, И. В. Востриков. – Воронеж : ВГУИТ, 2012. – 170 с.
8. Глушченко Е. А. Первая республика в Нигерии / Е. А. Глушченко. – М. : Наука, 1983. – 178 с.

УДК 316.75:330.163

Е. А. Одинцова

(к. юрид. наук, доцент)

Е. И. Петрова

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

ИДЕОЛОГИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА КАК ОСНОВНАЯ ЧЕРТА НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация:** В работе рассматривается влияние процесса потребительства на общественную и духовную жизнь общества. Отмечена негативная роль идеологии потребительства на развитие общества и обосновывается необходимость отказа от данной идеологии.*

***Ключевые слова:** консюмеризм, идеология потребительства, индивидуализм, неолиберализм.*

E. A. Odintsova

(Ph.D. in Law, Associate Professor)

Donetsk National University of Economics and Trade named after
Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

E. I. Petrova

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National University of Economics and Trade named after
Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

CONSUMER IDEOLOGY AS A MAIN FEATURE OF NEOLIBERAL SOCIETY

***Abstract:** The work examines the influence of the consumerism process on the social and spiritual life of society. The negative role of the ideology of consumerism on the development of society is noted and the need to abandon this ideology is substantiated.*

***Key words:** consumerism, consumerism ideology, individualism, neoliberalism*

«Чем либеральнее, тем пошлее».

Фёдор Тютчев

В последние десятилетия в средствах массовой информации, в публицистической и научной литературе активно обсуждается тема влияния процесса потребительства (консюмеризма) на общественную и духовную жизнь общества. Потребительство из практики потребления необходимых товаров и услуг человеком перерастает в идеологию его существования, определяет его главные жизненно-ценностные ориентации и установки.

Идеология потребительства пагубна и порочна для всего человечества. Она является причиной всех основных негативных явлений современного общества: «варварского уничтожения природы, войн, должностных преступлений чиновников, коррупции, криминала и др.» [1, с. 18]. Влияние данной идеологии приводит к «размыванию» пласта духовных ценностей общества и замене их на прагматичные идеи удовлетворения своих бесконечных потребностей. Праздность, вещизм, расточительство, самопозиционирование становится эталоном образа жизни современного человека.

Потребительская идеология наглядно проявилась еще в 20 годах прошлого столетия в так называемой «Американской мечте» – мифологеме общества США.

Собственно прагматизм всегда был присущ западному обществу. Отечественное общество в большей степени опиралось на духовные ценности. В былые советские времена люди потребляли товары и услуги в силу жизненной необходимости и не более. Накопительство и расточительство были не в чести. И это не случайно, так как духовно-политической основой государственной мощи и целостности страны служила советская идеология.

Благодаря тому, что советская идеология имела национальную окраску и объединяла в себе этатизм, коллективизм, интернационализм, патриотизм, труд на общее благо, народ смог выстоять в Великой Отечественной войне, справиться с послевоенной разрухой и выйти на высокий уровень экономического развития в мировом масштабе.

Долгие годы советскому обществу удавалось противостоять проникновению «коррозии потребительства» в массовое сознание своих граждан, однако, постепенно данная социальная болезнь затронула и наше общество.

Безусловно, в зарождении потребительской идеологии в советском обществе были заинтересованы страны запада. Западным идеологам в первую очередь подыграли советские элиты. А.П. Мякшев и А.А. Гуменюк в своей работе «Неудача создания общества потребления в СССР (1953-1985 гг.) как один из факторов распада единого государства» очень подробно описали этапы становления общества потребления в Советском Союзе. Они отметили, что силовое поле западного общества потребления притягивало в первую очередь правящую советскую элиту, которая, имея широкие возможности выезжать на Запад в составе разнообразных делегаций, очень быстро прониклись поклонением перед всем «американским». Советские элиты, по сути превратившиеся в привилегированное сословие в социалистическом государстве, предали забвению главное преимущество «государства социальных услуг»: социальное равенство и справедливость. Таким образом, элиты воодушевлённые возможностью конвертации власти в собственность и её «интеграции» в более привлекательный для них западный вариант потребительского общества, понимали, что достичь этого без разрушения единого государства и единой общности – советского государства невозможно [2, с. 472].

После развала СССР западное мировоззрение было безоговорочно и слепо принято большинством новых государств на постсоветском пространстве. Коммунистическая идеологическая система как духовно-политическая основа государственной целостности страны была разрушена, а большинство постсоветских стран пошли по пути «деидеологизации»

В своё время Збигнев Бжежинский (бывший идеолог американской внешней политики в администрации Джимми Картера) использовал теорию «деидеологизации» для подрыва социализма в Советском Союзе. В его понимании, деидеологизация означала отказ от идеологии марксизма, а не от отказа всякой идеологии.

Государство, как известно, не может жить вне идеологии. Общество лишённое идеологии, теряет смысловые ориентиры и не может правильно оценить перспективы своего развития. Именно идеология задает вектор движения государства. Однако взамен уничтоженной советской системы ценностей обществу попросту нечего было предложить и «мы стали жить по западному подобию, пропагандировать индивидуализм и потребительство». [3, с. 61] Произошла подмена одной идеологии другой, которая была сфор-

мирована на основе импортируемых и навязанных нам либеральных ценностей.

Значительная часть населения очень быстро подхватила лозунги российских неолиберальных элит, стала открещиваться от своего «позорного» коммунистического прошлого и вмиг забыла о великих завоеваниях советского государства.

Следует отметить, что «реальное коммунистическое общество существовало слишком короткое время, чтобы делать выводы о его несостоятельности. Семьдесят лет это мизерный с точки зрения истории срок, по которому нельзя оценивать такую глобальную теорию, как коммунизм. К тому же все эти годы СССР находился в состоянии то горячей, то холодной войны, навязанной капиталистическим окружением» [4, с. 8].

Между тем, неолиберальный вектор движения нашего государства был задан и идеология потребительства (консюмеризма) укоренилась в отечественном обществе. Следует отметить, что идеология потребительства может существовать только в рамках либеральных идей и ценностей, в основе которых лежит культ денег и личного успеха.

Сегодня правящая псевдо-элита России выбрала неолиберальный курс, антигуманный и антинародный по своей сути, предав забвению свою собственную коммунистическую традицию и возвели в абсолют все материальное и объявили утопией всё идеальное, духовное и возвышенное. [4, с. 6-8]

Потребление как идеологию и социокультурный процесс стали изучать в середине 20 века. Первым исследователем, затронувшего проблемы потребительского общества, считается французский философ Жан Бодрийяр. В своей работе «Общество потребления. Его мифы и структуры» (1970 г.) он сделал детальный анализ этих проблем и подчеркнул, что ключевой особенностью данного общества является изобилие благ и услуг, изменяющих отношение к ценностям, распространяющим отношение к ним как к «пустым знакам». И это общество, «которое превращается в пустыню, где главенствует кич и нет высоких эстетических и художественных ценностей, а предметы потребления становятся знаками» [5, с. 156]. Иными словами, речь идет о доминировании в общественной жизни символических ценностей коими являются материальные блага и бытовой комфорт.

Осмысление феномена потребительства является сложным и не однозначным. В литературе встречается как позитивные, так и негативные оценки в отношении потребительства. Так, В. В. Радаев дает положительную оценку потребительству и отмечает, что «торжество потребительских ценностей и потребительского образа жизни может быть связано с увеличением досуга граждан современных, а может быть направлено на стимулирование рынка труда, побуждение людей много работать и зарабатывать, тем самым сокращая время, доступное для потребления товаров и услуг» [6, с. 13]. Подобное потребление, по мнению В. В. Радаева, представляет собой креативную деятельность и сферу инновационных практик.

Большинство авторов всё же дают негативную оценку и сходятся во мнении, что чрезмерное потребление делает человека зависимым от вещей и изменяет его жизненно-ценностные установки.

Безусловно, никто не отрицает экономический закон существования общества, который устанавливает: «если нет потребностей, то нет и общества, если нет общества – нет и потребностей». Люди всегда потребляли и будут потреблять, однако в современном обществе наблюдается ценностный перекося в сторону чрезмерного потребительства, которое зачастую превышает уровень личных потребностей.

Если потребление рассматривается как процесс удовлетворения тех или иных необходимых для жизни человека потребностей, то потребительство – это особый тип потребления, практика избыточного потребления, характеризующаяся тенденцией к бесконечному увеличению его объёма [1, с. 17-18].

Таким образом, идеология потребительства – это идеология избыточного потребления, имеющего расточительный, безграничный характер и ориентированного не на удовлетворение естественных материальных и духовных потребностей человека, а на сохранение его социального статуса или приобретение более высокого [7, с. 107].

Это деструктивная идеология, которая имеет индивидуалистическую направленность, разобщает общество и отвлекает людей от решения серьёзных проблем современности. Кроме того, бесконтрольное использование природных ресурсов в угоду сиюминутной прибыли приводит к их истощению и загрязнению окружающей среды.

В целом, данная идеология переориентирует мировоззренческо-поведенческую линию людей в коммерческое русло. Коммерциализация проникает туда, где ей места вообще нет и быть не должно (личные отношения, семья, спорт, здравоохранение, образование, культура). «Эта идеология – тотальный инструмент деса-кразации всего» [8, с. 86] кроме денег, престижа, власти.

В рамках данной идеологии торговля убеждениями, отношениями и даже Отечеством является нормой. Негативные последствия идеологии потребительства проявляются уже сегодня на примере поведения творческой «элиты». Вместо необходимой поддержки в сложное для страны время открытого противостояния со всем Западным миром, мы наблюдаем отток части представителей творческих профессий из страны, сопровождающийся русофобской риторикой.

Значительная часть творческой богемы оказалась слишком чувствительна к переменам и, не желая выходить из зоны комфорта, покинула свою страну. Своё бегство оправдывают тем, что они «пацифисты» и якобы хотят оставаться вне политики. СВО – это не только политика, это новый, сложный социально-исторический процесс, который затрагивает жизнь тысячи конкретных людей твоей страны.

Возникает вопрос, почему они не проявляли свой «пацифизм» и не обращались к властям Украины с призывом прекратить обстрелы мирных жителей Донбасса? Являясь значимым звеном информационно-пропагандистской системы, люди творческих профессий имели такую возможность.

К сожалению, с момента воцарения в отечественной культуре западных стандартов и принципов, творческая деятельность стала бизнесом. Единственным идолом для ряда творческих людей стали деньги и комфортная жизнь.

Покинув пределы страны, они поддерживают политику Западного мира и выступают против своих бывших сограждан и своей Родины. Хотя они должны быть благодарны именно своему государству и народу за то, что имеют. Государству – за награды, звания и предоставленный высокий статус, а своему народу – за гонорары, которые обеспечили им безбедную жизнь.

Сегодня назрела ситуация «духовной революции», где в обществе заслуги и благородные качества человека превалировали бы над материальными ценностями. Для этого мы должны перейти к

пропаганде умеренного, рационального потребления и самопожертвованию ради интересов других членов общества и своей Родины.

Итак, жизнестойкость государства зависит от господствующей в обществе идеологии. Мы должны понимать: «пока люди будут продолжать руководствоваться частными интересами в ущерб Общему Благу, пока они не пересмотрят неолиберальную идеологию эгоцентризма и потребительства, человечеству не избежать экологической и антропологической катастрофы» [4, с. 7]. Для духовного оздоровления общества нет необходимости искать новые ценности, нужно возрождать традиционные и следовать им с целью воплощения идеи высокой гражданственности всех членов общества и её лидеров. В целом, государственная идеология должна быть национально ориентирована, учитывать интересы всего народа и государства.

Список литературы

1. Иванова М.В. Идеология потребительства как феномен современного либерально-демократического общества / М.В.Иванова // Вестник ЧитГУ. – 2008. – №4(49). – С.16-22.
2. Мякшев А.П., Гуменюк А.А.. Неудача создания общества потребления в СССР (1953–1985 гг.) / А.П. Мякшев, А.А. Гуменюк // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения– 2022. – Т.22. – вып.4. – С.470-476 .
3. Одинцова Е.А. Государственная идеология: стратегия становления современного общества / Е.А. Одинцова // Научный потенциал. – 2020. – №3(30). – С.61-64.
4. Мантатов В.В., Мантатова Л.В. На пути к устойчивому развитию мира: коммунитаристская стратегия жизнеустройства сообществ людей / В. В. Мантатов, Л. В. Мантатова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2020 – № 1. – С. 4-11.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / пер.с фр.Е.Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
6. Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы / В.В. Радаев // Социология исследования. –2005. –№ 1. – С.5-18.
7. Иванова М.В. Основные направления политики социального государства в отношении идеологии потребительства / М.В.Иванова // Вестник ЧитГУ – 2008. – №6(51). – С.170-175.
8. Ильин А. Н. Культура потребления как фактор трансформации семейных ценностей / А.Н. Ильин // Ученые записки КнАГТУ. –2019. – №1. –2(37). – С. 83-91.

УДК: 316.323.64

А. С. Армен

(к. филос. наук, доцент кафедры философии)
Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

СОЦИАЛЬНАЯ АТОМИЗАЦИЯ КАК ПРОТИВОРЕЧИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу явления социальной атомизации как явления, закономерно возникшего в эпоху позднего капитализма. Акцентируется внимание на том факте, что, будучи прямым результатом экономического отчуждения, а также производной либеральной идеологии и связанного с ней индивидуализма, социальная атомизация распространяется на все уровни общественных отношений, включая взаимоотношения полов. Также раскрывается специфика влияния отчуждения на женщину в пространстве капиталистического экономического порядка.*

***Ключевые слова:** капитализм, феминизм, отчуждение, социальная атомизация, потребление, аномия, индивидуализм.*

A. S. Armen

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)
Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

SOCIAL ATOMIZATION AS A CONTRADICTION OF MODERN CIVILIZATION

***Abstract.** The article is considered of phenomenon of social atomization as a naturally occurring phenomenon in the era of late capitalism. Attention is focused on the fact that, being a direct result of economic alienation, as well as a derivative of liberal ideology and related individualism, social atomization extends to all levels of social relations, including gender relations. The specifics of the influence of alienation on a woman in the space of the capitalist economic order are also revealed.*

***Key words:** capitalism, feminism, alienation, social atomization, consumption, anomie, individualism.*

Современный этап развития цивилизации характеризуется обилием противоречивых явлений и процессов в социально-

экономической, политической и культурной сферах. Они были спровоцированы эпохальными историческими событиями, которые произошли в XIX-XXI вв. Под воздействием революционных изменений в науке капитализм второй половины XIX века в достаточно короткий срок видоизменил реалии европейского социального пространства: стремительная урбанизация и высокие темпы развития крупного машинного производства коренным образом преобразовали всю социально-экономическую структуру общества и сферу общественных отношений. Эпоха зрелого капитализма и связанная с ним общая демократизация общественно-политических процессов, обусловившие, помимо прочего, интеллектуальное раскрепощение и изменение в сфере общественного сознания, в целом, создали объективные предпосылки и возможности для изменения положения и эмансипации женщин: потребности развития общественного производства эпохи зрелого капитализма впервые вызвали к жизни устойчивую *тенденцию конституирования женщины в качестве производственной единицы*.

Вместе с тем, именно капитализм спровоцировал появление противоречий цивилизационного масштаба, поставивших под угрозу дальнейшее существование человеческого рода, которые нашли выражение в различных формах экономического, социально-политического и духовного отчуждения, в процессах социальной атомизации общества, девальвации семейных ценностей, культуре предельного индивидуализма и утрате человеком собственной родовой сущности, в появлении новых, нетрадиционных форм взаимодействия полов, в абсолютизации биологического начала, также – в утверждении юридической нормы в качестве абсолюта.

Так, социальная атомизация, без сомнения, является одной из ключевых характеристик современного западного капиталистического общества. Атомизация, во многом, является следствием усиления авторитета идеологии либерализма и связанного с ней индивидуализма. Однако, в не меньшей степени на распространение тенденции атомизации оказало экономическое, и как следствие, психологическое отчуждение, о котором писал К. Маркс: «Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека. Отчуждение человека, вообще любое отношение, в котором человек находится к самому себе, реализуется, выявляется лишь в отношениях человека

к другим людям» [1, с. 94]. Небезынтересным является тот факт, что помимо аспекта межличностного взаимодействия в рассмотрении отчуждения, Маркс обратился к проблеме взаимодействия человека с окружающими его вещами, в чём также видел следствие отчуждения. Критические рассуждения о девиантности процесса фетишизации вещей встречаются в работах К. Маркса в связи с критикой частной собственности: «...его (владельца) семейная генеалогия, история дома и т. д. – все это индивидуализирует для него его земельную собственность, превращает её форменным образом в его дом, персонифицирует её» [1, с. 81]. Впоследствии это приводит к такому положению человека в обществе, когда его начинает определять вещь: «вещи задают общественную иерархию. Одним словом, они господствуют в гиперреализованном мире» [2, с. 58]. Очевидно, что ещё в XIX веке К. Маркс предрекал появление общества потребления, где социальный статус индивида будет определяться вещью или потребительской способностью.

Формирование общества потребления, которое является закономерным явлением позднекапиталистической цивилизации, с характерными для него моделями поведения и социализации, а также потребительскими практиками в том числе, во многом обусловили тенденцию социальной атомизации. Конечно, последняя имеет под собой ряд иных оснований, однако именно коммерциализация всех форм социального взаимодействия является одной из самых значимых причин индивидуализации общества и разрушения социальных связей.

Так, один из главных культурных принципов в эпоху Возрождения – индивидуализм, сегодня обретает «градус» крайнего индивидуализма, где самодостаточность и автономность подменяются меркантильностью и эгоцентризмом. Индивидуализм упрощается и как понятие, и как средство целеполагания. Человек перестает быть микрокосмом, то есть, целым и частью целого, малой моделью макрокосма – как это мыслила античная философия. Также он перестает быть субъектом творения, «соперником Бога», демиургом творческого освоения мира – как он понимался в философской мысли, начиная с Возрождения, в классике Просвещения и философии романтизма. Он утрачивает какие-либо качества, сообщаемые ему субъектом культурно-исторического процесса и становится отдельным индивидом, отделённым от других таких же отдельных индивидов, атомизированной единицей в разобленном

пространстве. В нём присутствуют лишь частицы – биологические существа, не выражающие никаких гражданских и социально-интегративных качеств. Именно индивидуализм, а не автономность и способность к субъективному выбору и суждению, свободе воли, выступает основой потребительства. Последнее, в свою очередь, становится в таком обществе единственным конституирующим звеном. Подобное общество без любых других значимых целей, ценностей, связей тиражирует индивидов-потребителей, испытывающих друг к другу лишь экономический интерес. Это общество экономических инстинктов, в основе своей – антагонистических, разрушительных.

Традиционно, залогом социального единства людей выступает духовно-нравственная сфера общества, наличие разделяемых неким большинством моральных ценностей. Если традиционные культуры, как правило, демонстрировали консолидацию, то современная массовая культура актуализирует удовлетворение индивидуальных желаний, потребностей и целей. Ценность индивидуализма в современном обществе возводится в культ, отвлекая индивида от серьезных общественных проблем и обращая его внимание исключительно в сферу личного переживания, что приводит к ослаблению социальных связей, к потере социальной системой своей первоосновы – социальности. Таким образом, основополагающая ценность либеральной идеологии – индивидуальная свобода и автономия, в таком обществе провоцирует культурную аномию, социальную атомизацию, эгоизм и разрушает традиционные связи, превращая общество в совокупность предельно индивидуализированных человеко-единиц, составляя теперь так называемое «внеморальное единство» [3, с. 112].

Необходимо выделить характеристики этой самой асоциальности (ложной социальности) и антиобщности, которая явилась реальностью позднекапиталистической цивилизации. В первую очередь, стремительно утрачивают свое значение ценности коллективизма, сопричастности к общему делу, солидаризму, труда ради благой общественной, а не индивидуальной цели, подвергаются критике левые идеологии и политические режимы, усиливаются тенденции секуляризации в христианских обществах, так как основа христианства – единство и равенство людей перед Богом, разрушаются институты общественной статики (в первую очередь, институт семьи). Во-вторых, ценности индивидуализма (абсолют-

ная свобода, нравственный релятивизм как проявление демократического плюрализма и т.п.), составившие идею современной массовой культуры и проникшие во все сферы жизни, включая частную, устраняют понятие общественного блага, политической воли и общественно-полезного труда из сознания индивидов.

Из-за излишней сосредоточенности индивидов на частной жизни, происходит закат социокультурной концептуализации, делающей акцент на героике и великих целях, притягивающих всеобщее внимание, актуализирующих всеобщую активность и направляющих ее в единое строго определенное русло. Идеализм, мужество, готовность рисковать жизнью ради великих и целей остались в прошлом. Наблюдается утверждение понятий и идеалов принципиально де-героизированных, де-глобальных, локализованных в личной сфере. Как отмечал Ж.-Ф. Лиотар, постсовременному миру присуще недоверие к метаповествованиям, глобальным идеологиям [4]. Примером является появление и распространение так называемых частных идеологий, среди которых можно выделить *феминизм* во всём его идейном разнообразии.

Политическая или иная идея более не выполняет свою мобилизационную функцию, ибо значимость авторитета, нормы, великой цели теряется, а стремление к гедонистическому образу жизни и вещизму повышается. Трудовая деятельность как форма самореализации, борьба за общественные и политические идеалы подменяется фиксацией на узких личных интересах. Общественное и политическое растворяются, остаётся лишь индивидуалистическое.

Значимость традиционных абсолютов отступает перед сиюминутным и личным. Развитие капиталистической цивилизации привело к тому, что человек перестает быть человеком социальным или человеком политическим, то есть носителем, с одной стороны, индивидуальной воли, а с другой, консолидирующих стремлений.

Понятия политического вмешательства, предотвращения общественных угроз, патриотизма, социального целеполагания и всеобщего объединения не просто утрачивают серьезность в глазах людей, а стали подвергаться остракизму. Как уже отмечалось, рост индивидуализации в обществе вызывает общую потерю идеологических ориентиров, частные интересы становятся важнее массовых и общеклассовых.

Очевидным является факт, что современный капитализм разрушает семейные узы, ведь социальная атомизация проявляется и

в тенденциях разобщения и деконсолидации в сфере взаимоотношений полов. Невзирая на распространение феминизма и широкое внедрение механизмов позитивной дискриминации с целью достижения гендерного равноправия в различных сферах жизни общества, фактическое равенство полов, в первую очередь, в экономической сфере, по-прежнему не достигнуто. Более того, феминистские лозунги оказывают обратное действие: социальное напряжение и разобщенность нарастают. Именно экономические факторы, имманентно присущие капиталистической модели экономики являются источником противоречивых явлений общественной сферы. А влияние отчуждения многократно усиливается в отношении женщины.

Возникает парадокс: с одной стороны, становление капиталистической системы отношений запустило процессы эмансипации и обусловило формирование женского движения, а с другой – условия современного капитализма никоим образом не способствуют обретению женщиной экономического равенства, достижения реальных карьерных высот, внутреннего равновесия и личного счастья. Видимость равенства выражается в том, что женщине предоставляется «равное право» на труд в рамках капиталистической экономики, а вместе с тем – и ощущение экономической самостоятельности. Однако, фактически капитализм порабощает женщину, подвергая женский труд самой жестокой эксплуатации.

В современных условиях глобального капитализма становятся все более сложными и скрытыми механизмы эксплуатации женщин. Высокий уровень конкуренции на рынке труда, существенная диспропорция в оплате труда, тезис о «стеклянном потолке», т.н. «вторая смена» в пространстве домашнего хозяйства или невозможность реализации в семейной сфере вследствие чрезмерной профессиональной занятости, предъявляемые обществом потребления стандарты моды и привлекательности, как следствие – экзистенциальный кризис, обуславливают специфику влияния отчуждения на женщину. Находясь под прессом отчуждения, женщина не понимает, в чем смысл ее существования, ощущая себя лишь отчужденной вещью, экономической единицей. Отчужденный индивид (как мужчина, так и женщина), по сути, перестаёт быть целостной личностью, становясь лишь абстрактным личностным набором, качественное наполнение которого зависит от поворота рыночного механизма.

Как уже неоднократно было отмечено, отчуждение усиливается по мере развития капитализма, а на нынешней его стадии достигает предела. Последнее проявляется в социальной атомизации и фрагментации жизни, дегуманизации межличностных отношений, индивидуализации общественных отношений, утрате человеком его родовой сущности, подмены ее искусственно созданной, стремлением к непрерывному удовлетворению потребностей и гедонизму. Феминизм, заявивший свою претензию на статус теории общественного прогресса, в условиях существующего экономического порядка оказался неспособным преодолеть неравенство и гендерную диспропорцию и предложить адекватные пути достижения гендерного паритета. Поскольку в большинстве случаев феминизм игнорирует необходимость коренного преобразования основ современного капиталистического общества, сосредоточив своё внимание на механизмах, обеспечивающих лишь достижение краткосрочного результата

Список литературы

1. Маркс, К. Экономико-философские рукописи 1844 г. / К.Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Изд. второе. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – 174 с.
2. Бодрийяр, Ж. Система вещей: пер. с фр. С.Н. Зенкина / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 2001. – 168 с.
3. Девиантность в обществе потребления: коллективная монография/ под ред. Я.И. Гилинского, Т.В. Шипуновой. – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 464 с.
4. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. – 160 с.

УДК 130.2

А. Е. Отина
(к. филол. наук, доцент)
(г. Оттава, Канада)

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ «СОПЕРНИКА БОГА» ДО «СМЕРТИ СУБЪЕКТА»

***Аннотация.** Современный цивилизационный кризис во всех его множественных генерациях рассматривается в статье как системный, порождающий, в числе множества других, и антропологический. Отказ философии постмодернизма от концептов человека, человеческого и человечности понимается как трагическое проявление интеллектуального кризиса – того тупика, к которому приводит культ абсолютизированной рациональности.*

***Ключевые слова:** единство, постмодернизм, человеческое, цитатные мирки, человечность, цивилизация.*

A. E. Otina
(Candidate of Philological Sciences, Associate Professor)
(Ottawa, Canada)

CRISIS OF HUMANISM IN MODERN EUROPEAN CULTURE: FROM «THE RIVAL OF GOD» TO «THE DEATH OF THE SUBJECT»

***Abstract.** The modern civilizational crisis in all its multiple generations is considered in the article as systemic, generating among many others anthropological. The rejection of the philosophy of postmodernism from the concepts of man, humaniti is understood as a tragic manifestation of the intellectual crisis – the dead end to which the cult of absolutized rationality leads.*

***Key words:** unity, postmodernism, human, quotation worlds, humanity, civilization.*

Кризис, без преувеличения, сегодня стал главным объектом изучения философии и других гуманитарных, общественных, технических и естественных наук. При всех его именовании: глобальный, цивилизационный, экономический, социальный, экологический, техногенный, культурный кризис, кризис капиталистической общественно-экономической формации, геополитический,

кризис развития современного искусства – всё это многочисленные проявления системного кризиса, к которому пришла одна из крупнейших цивилизаций, давших миру бесценные идеи и творения и сама же ныне от них отчуждённая – западноевропейская цивилизация. Одним из последствий системного кризиса явился антропологический кризис, нашедший выражение в процессах дегуманизации человека и общества. Наверное, наиболее ярким и демонстративно наглядным выражением гуманистического кризиса культуры «постнеклас-сического» (В. С. Стёпин [1]) образца является отказ от концептов *человек, человеческое и человечность*, представленный культурой постмодерна и настойчиво воспроизводящийся в философии постмодернизма.

Конечно же философия постмодернизма сама не является «заводиком по производству» антропологического упадка и отрицания. Она лишь его констатирует, отражает и декларирует. Европейская сократическая философия, средневековая теология Августина Аврелия, Пьера Абеляра и Фомы Аквинского, антропоцентризм Джованни Пико делла Мирандолы, М. Фичино и Дж. Манетти, лютеранские поиски единства человека и мира, классическая антропология немецкой философии 18-нач.19 вв. – всё, что вело к пониманию единства человека, мира и человека с миром, оказалось архаичным и фантазийным в новой цивилизации продаж с рыночной картиной мира. Концепты человека, человеческого и человечности как бы утратили в ней свою актуальность.

Таким образом, современная европейская культура, отказавшись от себя самой и перечеркнув смыслы своего предшествующего до всевозможных постулирования и постов от всяких «пост-ов» (постструктурализм, постмодернизм, даже пост-постмодернизм) развития, выпустила из идеологической бутылки джина разрушения, ведь человек, переживший «смерть субъекта», «смерть автора» и «смерть человека» уже как бы и не является субъектом, автором и человеком. Сама идея блага распадается и фрагментируется на множество индивидуальных благ. Определённо оказавшись кризисным ядром, генерирующим и распространяющим всевозможные дочерние дробные кризисы, цепную реакцию кризисов, антропологический кризис не является своей собственной первопричиной. Начала его со всеми реалиями отчуждения человека от мира отчуждения находятся в его экономическом бытии – в неедином пространстве «позднего капитализма» (Н. П. Рагозин) [2; 3]. Кризис

современной западноевропейской цивилизации обладает новой ускоренной динамикой, сообщаемой ему характером капиталистического способа производства с присущими ему экспансивными процессами и генерацией рисков, умноженными на институализацию и возрастающую власть Интернета и Нейросети.

Как и прежде во всех случаях, связанных с системным познанием, описанием и дедукцией, в анализе сегодняшнего системного цивилизационного кризиса, происходящего из глобальных искажений внутри способа материального и духовного производства, именуемого, начиная с Н. П. Рагозина, кризисом «позднего капитализма», в постановке проблем с акцентуацией на кризисе, трудно переоценить роль философии и философской антропологии, так как существующий сегодня кризис – в том числе кризис антропологический. Но парадоксальным образом и сама философия теперь отказывается замечать человека. Пространство, начинающееся со знаменитого «открытия» *человека и человеческого* гуманистами Возрождения (Дж. Манетти – «Человек – соперник Бога в его творении» [4]), до «смерти субъекта», «смерти человека» (М. Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» [5]), «смерти автора» (Р. Барт «Смерть автора» [6]; М. Фуко «Что такое автор?» [7]) – вот путь, пройденный западноевропейской цивилизацией. При этом «смерть субъекта» означает и смерть абсолютного субъекта Гегеля: вся гегельянская философия при кажущейся отстраненности от человека антропологична, а сам абсолютный субъект всегда обретает свое движение в воспроизводящем себя вновь и вновь субъекте – человеке. Но современный мир, избегающий целостности, единства и единого развития, не нуждается ни в абсолютном субъекте, ни в человеке как его повторяющемся воплощении. Мир перестает быть единым высказыванием (в Библейском смысле – «Вначале было Слово») и становится уже не обществом, а «молчаливыми» (Ж. Бодрийяр [8]) сообществами с характерной для них «одномерностью» (Г. Маркузе [9]).

Как и абсолютный субъект утрачивает свой онтологический смысл вне осознания реальности антропологического субъекта, так и художественное произведение обезличивается до состояния текста в отрыве от живого персонифицированного автора. Философия и эстетика постструктурализма и постмодернизма в принципе отрицает не только фигуру художника («смерть автора»), но и само художественное произведение как единое целое, так как, согласно

постмодерну, единства нет вообще. Что тогда есть? Атомы, сообщества, тексты, цитаты – продукты дробления целого.

Культурный стержень античности – разум и абсолют культуры Нового времени – прогрессивный разум парадоксальным образом пошатнулись под воздействием своего же порождения – науки и разочарования в ней человека. Прогноз Н. А. Бердяева, данный русским экзистенциалистом в известной статье «Человек и машина», стал реальностью, общим местом бытия и быта. Человек уже не только «готов», а успел и «изменить свой образ под влиянием предмета своей любви» – техники, и уже смог разочароваться в этой любви [10]. И поскольку носителем разума и субъектом рациональности, автором идеи абсолютизации разума является человек, то разочарование в рациональности привело к разочарованию в разуме и, как следствие, в человеке как его живом воплощении. Фактически от названия *Homo sapiens*, при таком подходе, остаётся только наименование – текст. И поскольку разум, отделённый от Бога-Творца, от ноуменальной глубины, от абсолютного духа, представляет собой лишь сцепление силлогизмов, то и культура в картине мира постмодерна – только текст, и человек – текст, цитата, часть текста, молчаливый знак, причём знак временный. Поэтому, по мнению М. Фуко, человек существует как таковой, пока существует его собственная фантазия о себе как о человеке; как только она исчезнет, «... человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [11, с. 404].

Эпоха классики европейской философской мысли и в целом культуры – Просвещение. Именно тогда на первый план в определении сущности культуры как явления, отличного от природы, была выдвинута её искусственность, производность от человеческого разума. Капиталистический способ производства явился тем тараном, который её разрушил, а эпоха классики – Просвещение подверглась остракизму современными приверженцами постмодерна.

По сути, постмодернизм стал парадоксальным умпостижением сотворённой в новейшее время культурной реальности, так как он воплотил собой картину мира неединой картины мира, картину мира множества культурных реальностей и даже их симулякров. Подобное положение вещей нашло свое отражение и в политической идеологии, в частности в идее и практике мультикультурализма как части кентавра глобализма. Логическим продолжением подобного культурного и социо-политического поворота явился

отказ от человекомерности в культуре в целом, и в политике и практической социологии (под видом развития демократических институтов) – в частности. Замена культурных объектов и реалий симулякрами, или симулякрами симулякров, возведённая в идеологию, создание нового культурного абсолюта – текста, а точнее текстов или цитат – закономерный апофеоз трансформации западно-европейской аналитической культуры с её культом силлогизма и отношением к познанию как к процессу логического дистиллирования.

К сожалению именно западноевропейская философская культура, сначала обнаружившая и выделившая из мира человека (античный, возрожденческий антропоцентризм, антропоцентризм культуры Нового времени), а затем объявившая вслед за заявлением о «смерти Бога» и абсолютизацией «Сверхчеловека» (Ф. Ницше) и неизбежную «смерть человека» («смерть автора», «смерть субъекта» в философии постмодернизма), в итоге расчеловечила культуру и отказалась от человечности как базового культурного понятия, конституирующего человеческую цивилизацию.

Список литературы

1. Стёпин, В. С. Философия науки: // Электронная публикация: <https://gtmarket.ru/library/basis/5321>
2. Рагозин, Н. П. Противоречия науки и образования периода позднего капитализма // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – М., 2012, № 3, - С. 88 – 93.
3. Рагозин, Н. П. Университет в эпоху позднего капитализма //Духовная жизнь общества и человека: история и современность: междунар. сб. науч. тр. / под общ. ред. И. В. Черниговских; Воронеж: ВГУИТ, 2012. Вып. 5 – с. 87 – 94.
4. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сборник текстов. Ч.2 / под ред. С. М. Стама. – Саратов: Издательство Саратовского Университета, 1988. – 190с.; с.12.
5. Фуко, М. Слова и вещи // Археология гуманитарных наук: пер. В. П. Визгин, Н. С. Автономова // Электронная публикация: <https://gtmarket.ru/library/basis/5169>
6. Барт Р. Смерть автора/ Р. Барт: Электронная публикация: <http://opentextnn.ru/wp-content/uploads/bart-smert-avtora.pdf>
7. Foucault Michel. What is an Author? / Michel Foucault: // Эл. п.: https://www.open.edu/openlearn/pluginfile.php/624849/mod_resource/content/1/a840_1_michel_foucault.pdf

8. Бодрийяр, Ж. Система вещей: пер. с фр. С. Н. Зенкина / Ж. Бодрийяр. – М.6 Рудомино, 2001. – 168 с.
9. Herbert Marcuse. One-Dimensional Man. Studies in the ideology of Advanced Industrial Society. – Boston: Beacon Press, October 1991. – 260 p.
10. Бердяев, Н. А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии, 1989, № 2, с. 147–162.
11. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко // Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. – 408 с.

УДК 101.1

Д. И. Измайлова

(к. филос. наук, доцент кафедры философии)
Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

РОЛЬ СМИ В ПРОЦЕССАХ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация:** в представленной статье рассмотрен феномен фальсификации исторической действительности в контексте роли средств массовой информации в этом процессе. Представлены определения исторического познания и фальсификации истории; определены цели исторических искажений и фальсификаций; выявлены основные приёмы и механизмы фальсификационного творчества; предложены возможные способы противодействия процессам фальсификации истории.*

***Ключевые слова:** историческое познание, фальсификация истории, СМИ, политика, политические интересы.*

D. I. Izmailova

(Candidate of Philosophical Science, Associate Professor)
Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovskiy
(Donetsk City, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

THE ROLE OF THE MEDIA IN THE PROCESSES OF FALSIFIATION HISTORICAL REALITY

***Abstract:** the presented article examines the phenomenon of falsification of historical reality in the context of the role of the media in this process. Definitions of historical knowledge and falsification of history are presented; the goals of historical distortions and falsifications have been identified; the main techniques and mechanisms of falsification creativity have been identified; Possible ways to counteract the processes of falsification of history are proposed.*

***Key words:** historical knowledge, falsification of history, media, politics, political interests.*

Проблема фальсификации истории и искажения исторической действительности существовали на всех этапах исторического развития человечества. Очевидно, что методы, приёмы, формы и цели фальсификаций были обусловлены особенностями конкрет-

ной эпохи. Фальсификации возникают чаще всего на политической почве, поскольку наука и политика преследуют принципиально разные цели. И если цель науки – представление объективно истинных знаний о событиях, то политика и политические элиты используют фальсификации для достижения собственных целей.

В современной эпохе ситуация не изменилась: проблемы, связанные с жизнью человека в индивидуальном и социальном плане, политические и идеологические противоречия, а также экономические и социальные вызовы заставляют людей вспоминать прошлое и искать в нем ответы, которые могут подтвердить их текущие, иногда краткосрочные и ситуационные интересы.

Восприятие исторического познания массовым сознанием осуществляется в основном через три источника:

- профессиональные историки, опирающиеся в своей деятельности на документы, архивы и научную методологию проведения исследований;

- политические публицисты и идеологи, исследования и выводы которых ориентированы на интересы (а зачастую на политический заказ) какой-либо социальной или политической группы;

- писатели и последователи «альтернативной истории» [1, с. 28-30].

Очевидно, что три этих источника имеют весьма различные шансы на достижение и отражение объективной исторической истины лишь один из них имеет полные основания и возможности для этого.

Специфической опасностью подделок является то, что на их основе публикуются статьи в СМИ и интернете. Сегодня эти источники информации пользуются большой популярностью среди молодежи. В результате современное медийное пространство становится источником недостоверной информации о истории нашей страны и оказывает негативное влияние на общественное мнение. Таким образом, можно уверенно говорить о том, что изучение данной темы актуально как в научном, так и в общественно-политическом плане. Ее актуальность обусловлена широким распространением в средствах массовой информации и интернете лженаучных идей, разрушающих здоровое сознание общества. В результате этого государство не может положиться в своей деятельности на реальное историческое прошлое.

Для понимания глубины проблемы фальсификации необходимо задаться понятийно-категориальным аппаратом исследуемых феноменов. В первую очередь, зададимся определением самого исторического познания. Согласно утверждению Р. Ингардена, само по себе историческое познание представляет собой некий литературный жанр, а именно «историческое повествование, вносящее фабулу в аморфный материал фактической событийности» [2, с. 17]. Исходя из предложенного определения, очевидно, что само по себе историческое познание не может быть абсолютно истинным. В пользу этого же утверждения выступают и историографы Ч. Бирд и К. Беккер, утверждая, что историческое познание является произвольным и лишённым научности [3]. Если к этому прибавить тот факт, что история, по своей сути, достаточно субъективная наука, появление фальсификаций становится не только прогнозируемым, но и объяснимым. Очевидно, что именно исходя из этих позиций и зародились истоки современных парадигм и концепций, позволяющих интерпретировать историю в соответствии с текущими социально-политическими процессами, а иными словами, транслировать фальсификаты. Что же научное сообщество понимает под фальсификацией? По утверждению Е.Е. Вяземского, под фальсификацией понимается сознательное искажение исторических событий в политических целях [4, с. 28-43]. Ряд источников указывает на то, что фальсификация истории представляет собой заведомо ложное описание исторических событий в угоду некоей предвзятой идее [5; 6;]. В свою очередь Никифоров Ю.В. прямо указывает на то, что главной целью всех исторических фальсификаций выступает разрушение исторической памяти [7, с. 311]. При этом отметим, что в широком смысле целями исторических фальсификаций могут быть закрепление права на территории, легитимизация действующей власти либо правящей элиты и т.п. Как указывает А.Н. Лушин, главной целью всех фальсификаторов является системное искажение исторической картины становления российского государства в угоду внешним силам и в ущерб государственным интересам.

Одной из главных причин возникновения фальсификации является развитие информационных технологий. Современные компьютеры и интернет оказывают двустороннее воздействие на наше общество. С одной стороны, они значительно упрощают доступ к огромному объёму исторических источников, благодаря современ-

ным научным достижениям. Однако, с другой стороны, российским историкам приходится столкнуться с рядом проблем, главной из которых стало недоверие общества к историческим знаниям. Мополия историков на интерпретацию прошлого оказалась под угрозой. Восприятие истории как науки начало сдавать позиции. Возникла новая историческая культура, в которой каждый может обратиться к поисковой системе интернета, чтобы найти множество информации о прошлом и познакомиться с различными трактовками исторических событий. После этого люди занимаются собственной интерпретацией представленных точек зрения и мнений, претендуя на истину в истории. Современные технологии виртуальной реальности размывают грани между научной достоверностью и популяризацией, а также вымышленными версиями возможного развития исторических событий. Все больше авторов, занимающихся ретроальтернативистикой, представляют свои произведения как реальные факты прошлого.

В такой ситуации ученые вынуждены уступать публицистам, которые самоутверждаются в системе СМИ и развлекательной литературы. В свою очередь, историки, как носители других подходов и методов, ощущают, что они чужие в этой среде. В результате этого читателям преподносятся идеи, вроде того что Чингисхан – это никто иной как князь Юрий Долгорукий, основавший Москву как татарскую столицу; князь Александр Невский – это сын хана Батя, прозвище которого «Нерский» и т.д. Таким образом, формируемая публицистами «альтернативная история» преподносится читателям (а особенно молодёжи) как альтернативная история либо «историческая версия», чем успешно пользуются фальсификаторы, преследующие цель не только исказить прошлое России, но и сформировать её отрицательный имидж на исторической арене.

Основными признаками и характеристиками создания исторических фальсификаций являются отрицание официальной исторической науки; обращение к древности как к неоспоримой доказательной базе; категоричность суждений и ссылки на сомнительные и ненаучные авторитеты.

В настоящее время в рамках фальсификации исторической действительности в современном медиaprостранстве используются следующие методы и приёмы

- абсолютизация оценок происходящих событий;
- оценка событий вне ситуационных особенностей;

-
- сокрытие фактов, не укладывающихся в логику фальсификации;
 - утверждение гипотезы или предположения в качестве состоявшегося и установленного факта;
 - формирование персонажей, адаптированных к информационному сообщению.

Отдельного внимания заслуживает такой вид фальсификаций как создание образа псевдогероев. Например, используя образы героев Второй мировой войны, которые пошли на смерть ради Отечества (Н.Ф. Гастелло, А.М. Матросов), в современном медиа пространстве есть тенденция героизации политических борцов, использующих крайние приёмы и способы противодействия идеологии, вплоть до использования методов суицидального терроризма.

Дальнейшее распространение недостоверной информации в социальных сетях без каких-либо действий по ее сдерживанию приведет к необратимому искажению восприятия исторических событий. С каждым днем объем такого разрушительного контента будет только расти, находя все больше и больше своих потребителей.

Средством противодействия информационным атакам с использованием фейков и исторических искажений в первую очередь выступает государственное регулирование. Одной из мер противодействия историческим фальсификациям стало создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации в ущерб интересам России при Президенте Российской Федерации (2009 год), которая была ликвидирована Указом Президента в 2012 году, оказавшись малоэффективной и оставившей проблему фальсификации открытой. Это означает, что государственное регулирование деятельности СМИ в отношении создания и распространения исторической информации (например, о ВОВ) должно быть не только всесторонним, но и нормативно жёстким. Отметим, что невзирая на недолговечность существования, комиссия сыграла важную роль в объединении усилий политиков, историков и общественных деятелей вокруг целого ряда фактов, требующих безотлагательной реакции.

Эффективной мерой борьбы с фальсификациями представляется также рассекречивание архивов, позволяющее установить историческую справедливость на основе подлинных документов, способствующих устранению искажённых исторических фактов, наносящих ущерб политическому имиджу России не только на

международной арене, но и в сознании молодёжи. Важным инструментом преодоления влияния фальсификаций на сознание молодёжи является и реконструкция исторических событий в рамках университетских курсов истории, дискуссиях на лекционных занятиях, деятельности студенческих научных обществ. В контексте того, что молодёжная аудитория получает всю информацию в основном из Интернет-пространства СМИ, очень важно уделить пристальное внимание медиаобразованности и медиакомпетентности студенческой аудитории – научить молодёжь критически оценивать и осмысливать информацию, представленную в СМИ, выявлять и понимать скрытые смыслы информационных сообщений и, само главное, противостоять манипулированию сознанием со стороны СМИ и медиа.

Создание и активное распространение прочной идеологической базы является наиболее эффективным методом борьбы с такими манипулятивными информационными кампаниями.

Список литературы

1. Кантемиров, Е.В., Ложкарев, А.И. Переписывание истории как вызов современной цивилизации // Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны: сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. СПб., 2016. С. 28-30
2. Феноменологическая онтология Романа Ингардена: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.03 / Штыков Дмитрий Романович; [Место защиты: ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова]. - Москва, 2019. - 34 с.
3. Carl Lotus Becker (1873-1945). URL: historicum.net (дата обращения: 5.03.2024)
4. Вяземский, Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. – 2012. – № 1. – С. 28-43.).
5. Лушин, А.Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2013, № 23. - С. 21-25
6. Бордюков, Г.А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории Советского общества [Текст] / Г.А. Бордюков, В.А. Козлов М., 1992. – 352 с
7. Никифоров, Ю. Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы / Ю. Никифоров // Безопасность Евразии – Журнал Высоких Гуманитарных Технологий: Журнал личной, национальной и коллективной безопасности. Во имя человека / гл. ред. Г. Сергеев.– 2009.– N4(38).– С.309-321.

УДК 316.42

В. С. Ромадыкина

(к. филос. наук, доцент)

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
(г. Москва, Российская Федерация)

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ КОНСОЛИДАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье исследуется понятие ценности в социологии, функции ценностей в культуре и обществе, их роль в регуляции общественной жизни и мотивации людей к различным видам деятельности. В статье рассматриваются данные эмпирических исследований ценностных предпочтений россиян, на основании которых возможна потенциально консолидация гражданского общества.*

***Ключевые слова.** Ценности, российское общество, гражданское общество, эмпирические исследования, консолидация, идеология, коллективизм, безопасность.*

V. S. Romadykina

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Plekhanov Russian University of Economics

(Moscow, Russian Federation)

THE VALUE FOUNDATIONS OF THE CONSOLIDATION OF CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

***Abstract.** The article examines the concept of value in sociology, the functions of values in culture and society, their role in regulating public life and motivating people to various types of activities. The article examines the data of empirical studies of the value preferences of Russians, on the basis of which the consolidation of civil society is potentially possible.*

***Key words:** Values, Russian society, civil society, empirical research, consolidation, ideology, collectivism, security.*

Ценности являются важнейшей частью культуры, с точки зрения многих исследователей, особенно принадлежащих к последователям культурологического и функционального подхода, именно ценности отвечают за поддержание социального порядка, обеспечивают его признание и легитимность, готовность людей следовать установленным правилам и нормам, в основе которых

лежат именно ценности. Люди усваивают ценности своего общества в ходе социализации, непризнание ценностей означает, что человек недостаточно интегрирован в общество, что может приводить к разным формам девиантного поведения.

Ценности, как и культуры, частью которых они являются, обладают своей спецификой в каждом обществе. Ценности являются частью картины мира, предопределяя действия людей. В то же время достаточно сложные в структурном плане общества могут испытывать определенное напряжение в ценностной сфере, ведь чем сложнее устроено общество и чем сложнее его культура, тем больше вероятность фрагментации ценностного мира, возникновения ситуации, когда различные ценности не сочетаются или противоречат друг другу.

Еще Э. Дюркгейм, один из основателей социологии, обратил внимание на такую проблему современных обществ как аномия. Аномия представляет собой состояние общества, при котором нормы перестают эффективно работать, желания людей не соответствуют их возможностям, обусловленным социальным положением, что приводит к психологической напряженности и способствует росту числа самоубийств. Аномия является одним из аспектов ослабления социальной солидарности.

В более поздней концепции аномии, предложенной Р. Мертоном, аномия представала как результат рассогласования одобренных культурой целей и средств их достижения. Одобренные культурой цели – это и есть ценности, если обратиться к приведенным выше определениям. В современных обществах распространенной является ситуации, когда одобренные культурой цели (ценности) – например, успех или богатство, не являются равно достижимыми для всех при использовании лишь нормативных, одобренных культурой средств достижения. Такая ситуации, по Мертону, способствует отклоняющемуся, девиантному поведению.

Проблему аномии можно сформулировать так: аномия – это ситуация, когда ценностно-нормативная система перестает эффективно обеспечивать социальный порядок, в результате люди оказываются дезориентированными в ценностно-нормативном плане и движимы, главным образом, лишь собственными желаниями и потребностями. Однако они не могут быть удовлетворены в полном объеме, что способствует постоянному накопления недовольства и психическому напряжению.

Почему ценностно-нормативная система может оказаться разбалансированной и ослабленной?

Во-первых, это может произойти из-за социальной дифференциации. Чем более развито общество, тем сложнее его институциональная структура. Различные институты опираются на определенные ценности, но ценности разных институтов могут оказаться в слабом соответствии друг с другом. Кроме того, образ жизни людей, занятых в разных профессиональных сферах, может существенно различаться и регулироваться разными нормами. Поэтому очень важно, чтобы в обществе существовала некая общая система ценностных ориентаций и норм, которая надстраивалась бы над многочисленными различиями.

В обществах прошлого такой системой часто была религия. Роль общей нормативной системы выполняет, как правило, законодательство, установленное государством. В современных обществах за формирование общих ценностных установок отвечает не только политическая власть, но также широкая сеть культурных и образовательных учреждений, воспроизводящих определенный культурный канон, принятый в том или ином обществе.

Во-вторых, причиной ценностной и нормативной дезориентации могут быть слишком быстрые социальные изменения, которые меняют условия жизни так, что ценностно-нормативная система не успевает перестроиться.

Ценности и нормы – довольно инерционный механизм, он формируется на протяжении долгого времени, люди усваивают определенные ценностные ориентиры с детства – в семье, в образовательных учреждениях, поэтому ценностная система не может меняться быстро. А социальные изменения в определенных ситуациях могут происходить очень быстро, и существующий ценностно-нормативный порядок просто перестает – частично или полностью – соответствовать новым условиям.

Такие кризисные периоды могут порождаться политическими революциями, мощным внешним воздействием (как, например, воздействие западной колонизации на культуры и общественную жизнь колонизируемых народов). Наконец, такая ситуация может продуцироваться какими-то радикальными реформами.

Если обратиться к истории российского общества, можно сказать, что за относительно короткий (в историческом масштабе)

период он пережило несколько радикальных ценностных трансформаций.

Прежде всего, можно вспомнить революцию и катастрофу гражданской войны, в результате которых на территории бывшей Российской империи сформировалась принципиально новая политическая общность, основанная в ценностном плане на определенной политической идеологии, в соответствии с которой общество беспощадно перестраивалось, формировался «новый тип человека».

Созданная ценой огромных усилий и жертв советская культура с её специфическим ценностно-нормативным регулированием начала разрушаться в 80-е гг. XX века, что завершилось распадом СССР и формированием новых государств, столкнувшихся с проблемой национального строительства и полной переоценки ценностей. Столкнулось с этим и российское государство. Радикальная трансформация 90-х сопровождалась мировоззренческим и ценностным вакуумом, идеологическими поисками, которые не завершились в полной мере до сих пор. Однако как государство, так и гражданское общество не может существовать без ценностей, без них невозможна консолидация и социальное взаимодействие.

«Достижение общих ценностей означает, с мотивационной точки зрения, что акторы имеют общие чувства, направленные к поддержанию ценностных моделей, которые могут быть определены как утверждающие, что конформность к соответствующим ожиданиям рассматривается как нечто хорошее в определенной степени независимо от конкретной инструментальной выгоды, получаемой от такой конформности» [1, с. 5-26].

Без ценностного консенсуса невозможно и эффективное государственное управление, и солидарная деятельность граждан в рамках структур гражданского общества. Поэтому закономерно возникает вопрос: на основе каких ценностей возможна консолидация российского гражданского общества? Вместо того чтобы пытаться сконструировать какую-то умозрительную модель предпочтительных ценностей, более плодотворным подходом будет исследование реальных ценностей, которые уже присущи россиянам. Наиболее распространенные из них и могут служить основанием для консолидации и солидарных действий. Изучая вопрос ценностей, мы можем опираться на уже имеющийся фундамент эмпири-

ческих социологических исследований ценностей российского общества.

Исследования ценностей российского общества проводились неоднократно на протяжении последних десятилетий. Мы здесь остановимся на данных, полученных относительно недавно – в 2020-2022 годах.

Согласно докладу ВЦИОМ, основанному на данных 2020 года, россиянам присущи следующие основные ценности: состояние здоровья самого респондента и членов его семьи – 89 % (очень важно) и 10 % (скорее важно); отношения в семье (84 % и 14 %); личная безопасность и безопасность членов семьи (83 % и 14 %); личное материальное благополучие и материальное благополучие членов семьи (73% и 23 %); среда обитания в месте проживания, экология (69 % и 27 %); социальная инфраструктура в месте проживания (62% и 32%); возможность общения с друзьями, близкими (57% и 36 %); экономическая и политическая обстановка в стране в целом (47 % и 40%); возможности достижения поставленных целей (49 % и 35 %); наличие досуга и возможности его проведения (33 % и 37 %); творческая самореализация (25 % и 36 %); социальный статус, положение в обществе (20 % и 40 %); участие в общественно и политической жизни (10 % и 30 %); продвижение по карьерной лестнице (12 % и 21 %) [2, с.3].

Данные этого опроса показывают, что для россиян на первом месте оказываются ценности частной жизни и личной безопасности. Ценности гражданской активности (например, участие в политической деятельности), не интересуют большинство россиян. С точки зрения развития и укрепления гражданского общества, такую ситуацию нельзя признать благоприятной. Люди в большинстве сосредоточены на частной и семейной жизни, они дорожат, прежде всего, общением с узким кругом родственников и друзей, а не построением более широких социальных связей.

Если базироваться на данных этого опроса, активистские ценности (самореализация, карьера) не играют заметной роли для большинства россиян. Это говорит о том, что российское общество предпочитает стабильность (согласно данным этого опроса, 54 % респондентов ответили, что страна нуждается в стабильности, а не в реформах, и 34 % - что страна нуждается в переменах и реформах даже с риском утраты стабильности) [2, с. 6].

Изучая доминирующие в российском обществе ориентации на «космополитизм или почвенничество», исследователи ВЦИОМ обнаружили, что 54 % респондентов считают, что влияние зарубежной культуры на молодежь следует ограничить, 40 % придерживаются противоположного мнения [2, с. 11]. При этом «почвенничество» усиливается с возрастом. Так, среди респондентов 21-39 лет мнения, что влияние зарубежной культуры следует ограничить, придерживаются 45 %, а среди респондентов 54-74 лет – уже 63%.

Исследователи ВЦИОМ изучили также приверженность россиян различным политическим идеологиям. Известно, что идеологические системы базируются на определенных ценностях, таким образом, приверженность той или иной идеологии тоже свидетельствует о ценностных предпочтениях.

Либеральную идеологию (права человека, гарантия ответственности, открытость страны, рыночная экономика) поддерживает значительная часть общества, но с возрастом число её сторонников снижается. Так, среди респондентов 21-39 лет её поддерживают 65 %, а в группе 54 -74 лет – только 38 %. Однако число сторонников этой идеологии всё же довольно значительно.

Патриотическую идеологию (развитие страны, укрепление обороноспособности, гражданское единство, суверенитет) поддерживает больше респондентов и её поддержка с возрастом увеличивается. В группе 21-39 лет её поддерживают 64 %, в группе 54 -74 лет – 88 %.

Довольно заметное количество россиян поддерживает либертарианскую идеологию (свобода личности, минимум вмешательства государства). Среди группы 21-39 лет её поддерживают 42 %, среди группы 54 -74 лет – 36 %.

Значительной поддержкой пользуется социалистическая идеология (равенство, справедливость, социальные гарантии). Среди людей 21-39 лет её ценности близки 67 %, среди людей 54 -74 лет – 75%.

Поскольку в последние годы широкое распространение получили дискуссии о традиционных ценностях, интересно посмотреть, какое количество россиян их разделяет.

У православно-державной идеологии (традиции, духовность, цивилизация, возвышение России в мире) в группе 21-39 лет уровень поддержки – 44 %, в группе 54 -74 лет – 71%.

Исследователи выделили и некоторые другие идеологии, которые тоже пользуются заметной поддержкой у россиян.

Как мы можем видеть, глядя на эти данные, идеологические предпочтения россиян не являются четко определенными. Люди могли выбирать несколько вариантов, и мы видим, что уровень поддержки практически всех идеологий довольно значителен, их выбирают примерно одни и те же люди. В каком-то смысле, это может рассматриваться как свидетельство ценностной неопределенности. Разве что, по мере возраста усиливаются консервативные тенденции среди сторонников идеологий.

В такой ситуации сложно сказать, на основе каких идеологических ценностей можно консолидировать гражданское общество в России.

Однако в условиях СВО и обострения внешнеполитической ситуации, гражданское общество консолидируется именно в этом противостоянии внешнему давлению. Как показывают данные ВЦИОМ, большинство поддерживает СВО, а также политическую власть. Но такая консолидация имеет кризисный характер. После завершения СВО и ослабления конфронтации, необходимо будет искать новый фундамент для консолидации гражданского общества.

Важной ценностью для многих россиян является сильное государство. С утверждением «Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире» соглашается 48 % опрошенных. Но с другой точкой зрения – «Россия не должна стремиться к укреплению державной мощи, лучше позаботиться о благосостоянии собственных граждан» соглашается почти столько же респондентов – 42 % [2, с. 7].

Следовательно, обзор данных, полученных в ходе опроса, изучавшего идеологические установки россиян, показывает, что в российском обществе ценностная система размыта. Более или менее определенные данные дает опрос, нацеленный на выявление жизненных (семья, здоровье и др.), а не идеологических ценностей.

В социологических опросах много зависит от формулировок вопросов и ответов, составленных исследователями.

В связи с этим, интересно обратиться к еще одному исследованию ценностей россиян, где респондентам были предложены другие ценности. Исследование проводилось в 2020 году.

Доклад называется «Ценностные ориентиры россиян и их соответствие приоритетам развития государства». Исследование было проведено Центром стратегических разработок (ЦСИ) и АНО «Национальные приоритеты».

Россиянам было предложено оценить значение ряда ценностей в их жизни. В ходе опроса была выявлена следующая иерархия ценностей: самоуважение (94 %); свобода (88 %); диалог (87 %); эмпатия (85 %); сотрудничество (85 %); самоуправление (84 %); порядок (84 %); экологичность (83 %); открытость (81 %); устойчивое развитие (81 %); безопасность (80 %); ответственное потребление (79 %); патриотизм (72 %); социальная мобильность (68 %); инновационность (66 %); контроль (65 %); индивидуализм (53 %); конкуренция (48 %); сильная вертикаль власти (39 %) [3, с. 14].

С точки зрения исследователей, ценностные предпочтения россиян позволяют охарактеризовать российскую культуру как преимущественно коллективистскую. Можно увидеть, что ценности индивидуализма и конкуренции хоть и заметны, но явно уступают по влиянию ценностям диалога, сотрудничества, эмпатии.

Высокая ценность сотрудничества и эмпатии является позитивным моментом для развития гражданского общества [4, с. 59]. Важна в этом контексте и ценность самоуправления, которая тоже является весьма значимой.

Данное исследование ценностей, как и предыдущее, показывает, что для россиян очень важна ценность безопасности. Ценности, связанные с инновационностью и конкуренцией, т.е. ценности развития, имеют меньшее распространение в российском обществе. Если учитывать этот момент в управленческой деятельности, следует строить внутреннюю политику прежде всего в направлении обеспечения уровня жизни, основных потребностей.

Если говорить о демографическом аспекте предпочтения ценностей безопасности или ценностей развития, то наблюдается некоторая зависимость от пола и возраста респондентов. Женщины и люди более старших поколений склонны ценить безопасность больше развития, а мужчины и молодые люди – несколько больше ценят развитие. Так, среди респондентов 35–44 лет ценность развития выбирают 62%, а среди респондентов старше 55 – только 38 % [3, с. 20].

Интересные данные дают ценностные предпочтения о политической культуре россиян. По мнению исследователей ЦСИ, для россиян характерны ценности низкой дистанции власти. Понятие дистанции власти было введено Г. Хофстеде [5, с. 62]. Понятие дистанции власти связано с распределением власти в обществе.

В культурах с высокой дистанцией власти власть распределяется неравномерно, тяготеет к авторитарным и принудительным методам управления. На основе приведенных выше данных опроса можно заметить, что ценность, которую можно соотнести с высокой дистанцией власти («сильная вертикаль власти») не является предпочтительной для большинства россиян, то же самое касается контроля. Однако при этом довольно высока ценность порядка, которая тоже соотносится с высокой дистанцией власти.

Более распространенными среди россиян оказались ценности низкой дистанции власти: это диалог (87 %), самоуправление (84 %) и открытость (81 %) [3, с. 17].

Учитывая рассмотренные нами данные, можно отметить, что наибольшим консолидационным потенциалом для российского гражданского общества являются ценности самоуважения, семьи, безопасности и коллективизма. Ценности низкой дистанции власти подразумевает наличие предпосылок для развития различных форм самоорганизации.

Список литературы

1. Каспэ С. И. Политическая нация и ценностный выбор: общие положения и российский случай // *Полития*. 2009, № 2 (53). – С. 5-26
2. Федоров В. Ценности современного российского общества. ВЦИОМ. 2022. – 20 с.
3. «Ценностные ориентиры россиян и их соответствие приоритетам развития государства». – М., 2020. – 42 с.
4. Долгова В.И., Мельник Е.В. Эмпатия / Монография. – М. Издательство «Перо», 2014 – 185 с.
5. Данилова А.Г., Митина О.В. Культурная размерность властной дистанции Г. Хофстеде и ее отражение в исторических документах России XVI-XX вв. // *Социодинамика*. 2022. № 8. С. 53-75.

УДК 101.1:316

А. П. Лукьянченко

(ст. преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

***Аннотация.** В статье анализируется влияние потребительской культуры на моральные и социальные аспекты общества. Рассматриваются причины и следствия растущего потребительского образа жизни, обсуждаются этические и социальные проблемы, связанные с постоянным стремлением к потреблению.*

***Ключевые слова:** Культура потребления, общество потребления, потребности, товар, социум.*

A. P. Lukyanchenko

(Senior Lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

CULTURE AND CONSUMER SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF HUMAN INDIVIDUALITY

***Annotation.** The article analyzes the influence of consumer culture on the moral and social aspects of society. The causes and consequences of the growing consumer lifestyle are considered, ethical and social problems associated with the constant desire for consumption are discussed.*

***Keywords:** Consumer culture, consumer society, needs, goods, society.*

Одной из неотъемлемых составляющих современной постиндустриальной цивилизации является идеология потребления, известная также как консьюмеризм. Новая эпоха постмодерна способствовала трансформации потребления, превратив его из простой материальной практики в сложное социокультурное явление. Сочетание философии постмодернизма и потребительства не только

существенно изменяет систему ценностей, поведение людей, но и оказывает влияние на нравственную культуру и человечность общества.

Тема потребительской культуры является актуальной и важной, так как человечество живёт в мире, где потребление стало одной из основных ценностей, а индивидуальность часто подвержена массовой культуре и стандартам. Современный человек всё чаще сравнивает себя с другими людьми опираясь не на личностные качества, а полагаясь на моду, глядя на вещи и товары, которыми они обладают. Целью данного исследования является изучение и оценка социальных и моральных последствий, которые общество потребления оказывает на современное общество.

Культура потребления возникла в результате развития капитализма, сопровождаемого интенсивным экономическим и техническим прогрессом. Впервые термин «общество потребления» был введён немецким социальным философом Э. Фроммом [1, с. 21]. Данная метафора обозначает совокупность общественных отношений, основанных на индивидуальном потреблении, которое характеризуется массовым использованием материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и наставлений. Непрерывный рост материального благосостояния общества приводит к разрушению иерархии традиционных ценностных ориентиров и порождает феномен, который можно назвать «потребительством» — это особая идеология, которая значительно изменила ценностный мир и экзистенциальное положение современного человека. Для него потребление во всех его формах и проявлениях становится не только конечной целью, но и смыслом существования.

В современном обществе люди, как правило, стремятся потреблять так, чтобы не выделяться — не отставать от других и не сливаться с толпой. Их индивидуальное потребление не только отражает их социальные характеристики, но и служит демонстрацией их социального статуса и особенностей образа жизни. Постепенно люди превращаются в маленькие зубчики в огромной машине, которая работает только для товаров, где «товар» становится культом, а человек — его рабом. Если проанализировать ассортимент товаров, предлагаемых на рынке, то около 30% из них соответствуют базовым нуждам человека. Потребность является движущей силой любой деятельности человека, поэтому существует множество классификаций, но самый общий подход к этой теме

связан с выделением базовых потребностей для физического выживания и духовных надобностей. Базовые потребности обязательны для всех людей и связаны с выживанием, а основные духовные надобности включают общение, познание, труд и т.д. В настоящее время преобладают потребности, созданные самим обществом, большинство из которых — это нужда материальных благ. Взаимосвязь между потребностями и их удовлетворением основана на обещаниях и надеждах на удовлетворение. Главное – получить то, что обещано, независимо от того, чего мы хотим.

Первоисточником такого мышления стала реклама и массовое производство, вектор которых направлен на индивида: люди узнают себя в окружающих их предметах потребления и благах [2, с. 53]. Реклама помогает воплотиться в жизнь ценностям общества потребления, питает его, подменяет собой истинные социальные ценности, становится «раскрученным» суррогатом культуры – именно из-за своей массовости и распространенности. Задачей рекламы является сообщение о характеристиках того или иного товара и способствовать его сбыту. От информации реклама перешла к внушению, затем – к «незаметному внушению», ныне же её целью является управление потреблением. «Демонстрация» товара никого ни в чём не убеждает, но оправдывает задним числом покупку, которая либо совершается без всяких рациональных мотиваций, либо не укладывается в её рамки. Однако же, не имея веры в тот или иной товар, человек верит рекламе, которая пытается его переубедить [2, с. 132]. Добровольно от потребления как «смысла жизни» никто не откажется, поскольку мир, где всем гарантировано относительное изобилие, это то самое общество всеобщего благоденствия. Выступать против него могут, казалось бы, лишь самые радикальные идеалисты.

Общество потребления при более пристальном взгляде на него – вовсе не та схема, где каждый получает необходимый для него набор материальных благ и умиротворенно живет, достигнув своей цели. На практике увеличение прибыли невозможно без роста потребления и, следовательно, роста потребностей. Однако при наступлении сложного, кризисного времени, происходит смена приоритетов. Изменения в первую очередь касаются и общества потребления – оно будет вынуждено относиться более рационально ко всем покупкам. Потребитель, в связи с кризисным состоянием, старается не считать себя виновным в том, что он не может приоб-

рести тот или иной товар. Он ссылается на обстоятельства «тяжёлого времени» и в этом находит себе оправдание.

Модель потребления развитых стран приводит к истощению ресурсов планеты, что угрожает будущему всего мира. Сохранение природы требует немедленного сокращения потребления на несколько порядков, так как многие природные ресурсы не являются возобновляемыми. Развитие человечества и окружающей среды являются взаимосвязанными понятиями, а проблемы в одной из этих областей не могут быть успешно решены отдельно от другой. Окружающая среда является источником ресурсов для развития, а её состояние является важным критерием, требующим постоянного внимания. Для успешного развития необходима политика, учитывающая экологические приоритеты. Сохранение природных ресурсов Земли и рационализация их использования являются наиболее актуальными вопросами, стоящими перед человечеством в настоящее время. Статистика показывает, что при среднем уровне потребления, сопоставимом с уровнем в США, основных ресурсов хватит только на 40-50 лет. Философия общества потребления не учитывает тот факт, что на Земле нет достаточных ресурсов, чтобы все жили таким образом, и формирует мировоззрение, в котором деньги и материальные желания являются необходимой основой для счастливой жизни.

Одной из основных черт современного общества является ониомания – страсть к покупке вещей и желание приобретать что-либо без необходимости, получая удовольствие от самого процесса покупки [3, с. 87]. В таком обществе духовное развитие человека находится на низком уровне, так как экономические цели, направленные на получение прибыли от продаж, являются приоритетными. Образованный и информированный человек становится менее привлекательным покупателем, так как сложно манипулировать им, он приобретает меньше товаров и предпочитает творениям искусства, литературе и научным достижениям. Это приводит к негативным последствиям для экономики общества потребления. Важно, чтобы люди получали удовлетворение от приобретенных товаров и испытывали радость от их использования.

Современный потребитель отличается от прежнего потребителя тем, что главным вопросом становится, нужно ли человеку потреблять, чтобы жить, или же человек живёт, чтобы потреблять.

Жизнь и потребление становятся взаимозаменяемыми понятиями, и желания и потребности никогда не должны быть полностью удовлетворены. Современный человек постоянно беспокоится о своём материальном положении, что приводит к деградации личности и упадку массовой культуры.

Большинство религиозных организаций официально осуждают идеалы общества потребления, утверждая, что они несовместимы с религиозными принципами и наносят вред духовному и физическому состоянию человека.

Общество потребления стремится к приобретению вещей, но ещё больше оно нуждается в их уничтожении. Использование вещей приводит только к их постепенному износу. Создание ценности намного важнее, если в неё вкладывается идея их быстрого уничтожения [4, с. 62]. Поэтому разрушение является главной альтернативой производству. Потребление остаётся, в основном, подчинённым системе производства и контролируется потребителем. Поэтому вещи чаще всего появляются из-за их недостатка, и изобилие вещей парадоксально символизирует нищету. Большое количество вещей свидетельствует о их ненадежности и является признаком страдания. Только через разрушение вещи существуют в избытке и свидетельствуют о богатстве.

Потребление является активным модусом отношений не только к вещам, но и к группе, социуму, в нём происходит универсальный отклик на внешние воздействия, на нём базируется вся система культуры. Потребление постмодерна разрушает нормы морали, этикета и языка, создав универсальное определение «код Стэндинга» (в переводе с французского – показатель жизненного уровня, уровень комфорта и роскоши). Моральные ценности поглощаются одним единым кодом Стэндинга, что универсализирует и крайне упрощает индивидуальность, социальное достоинство, духовность регрессирует до предела. «Человека определяют вещи» [5, с. 126], а такая зависимость людей от вещей ведёт к формированию общества со «слабыми связями». Причём эта слабость распространяется по двум направлениям: в пространстве (в глубину) и во времени (длительность связей). Просторный аспект предполагает, что отношения между людьми становятся максимально поверхностными, неглубокими.

Например, каждый индивидуум внутри семьи преследует собственные интересы, которые не связаны с интересами других

семейных членов. Даже между близкими людьми отношения становятся экономическими и обменными. Моральный долг рассматривается как устаревший феномен.

Люди предпочитают временные партнёрства вместо устойчивых семейных отношений, что приводит к уходу из бытовой практики человеческого общения и искусства диалога.

Временной аспект подразумевает, что продолжительность отношений становится крайне короткой и нестабильной. Друзья забывают друг друга при изменении социального положения, и в обществе распространяется тенденция к быстрому разрушению всех социальных связей.

Эти эффекты значительно искажают систему ценностей человека. Альтруизм теряет свою привлекательность.

Цинизм постмодерна проявляется в отказе от многих прежних моральных норм и ценностей. В постмодернистском обществе этика уступает место эстетике, которая принимает форму гедонизма, с акцентом на культ чувственных и физических наслаждений. В современной жизни массовая культура занимает господствующее положение, где мода и реклама играют важную роль.

Некоторые западные авторы считают моду определяющим фактором не только культуры, но и всей постмодернистской жизни. Мода освещает, обосновывает и узаконивает все. Любое явление, не принятое модой, не признаётся и не может стать элементом культуры. Однако мода, как известно, капризна, мимолётна и непредсказуема. Эта особенность оказывает влияние на всю постмодернистскую жизнь, делая её всё более нестабильной, неуловимой и эфемерной. Поэтому французский социолог Ж. Липовецкий называет постмодерн эрой пустоты и империей эфемерного. В процесс потребления вступила мода, обеспечивающая моральное старение вещей и стимулирующая его с помощью компаний «быстрой моды». Не вещи теперь служат людям, а люди вещам. В таком обществе использование вещей не исчерпывается их простым практическим или даже их семиотическим применением как знаков отличия, богатства, престижа. Потребление – это интенсивный процесс выбора, организации и регулярного обновления предметов домашнего обихода, в котором неизбежно участвует каждый член общества. Покупая вещи, человек стремится достичь вечно исчезающего идеала – модного образца-модели, опережает время бла-

годаря покупке в кредит, пытается зафиксировать и присвоить себе время, собирая старинные, коллекционные вещи.

В итоге, общество потребления – это общество, которое деградирует, ставит своими высшими ценностями вещи и занимается их ненужным накоплением, склоняется перед деньгами. Последствия общества потребления в сфере морали проявляются в амбивалентности и имеют противоречивый характер [6, с. 61]. Люди перестают быть плохими или хорошими. Они являются «морально амбивалентными» и обречены на жизнь с неразрешёнными моральными дилеммами.

Экономика потребления и устройство информационного пространства, которое она создала и которое было создано в её интересах, отучают людей думать о душе. Вот это и есть главная причина как духовного кризиса, так и кризиса природных ресурсов современной цивилизации. Идеология потребления привела к коммерциализации культуры, размыванию этических норм. Человек постмодерна отказывается от самоограничения и тем более аскетизма, столь почитаемых в прошлом, но относительно слабо закреплённых в духовном опыте поколений. Современный человек склонен жить одним днём, не слишком задумываясь о дне завтрашнем и тем более о далёком будущем. Поэтому нужно заново открыть для людей аскетизм как источник подлинного достоинства и свободы, как одно из самых совершенных проявлений любви к ближним. Проповедь аскетизма должна быть предельно дифференцированной, раскрывать для каждого возможности «духовного роста».

Таким образом, общество потребления не может иметь будущего, так как не способно породить высоконравственного человека, который готов жить и трудиться не столько ради себя, сколько ради общества, представителем которого он является. Без понимания того, каким образом создаются материальные блага, как их производство и потребление влияют на окружающий мир, человечеству грозит очередной кризис, проблему которого тяжело будет решить. Поэтому важно воспитывать в людях культуру ответственного потребления товаров и сделать это одной из приоритетных задач современного общества.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. \ Ж. Бодрийяр; М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
2. Випперфюрт А. Вовлечение в бренд. Как заставить покупателя работать на компанию \ А. Випперфюрт / Пер. с англ. А. Кириченко. – М.: ИД «Коммерсант». – СПб.: ИД «Питер», 2007. – 384 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. \ Ж. Бодрийяр; М.: РУДОМИНО, 2001. – 224 с.
4. Бушев А.Б. Средства манипуляции в рекламе / А.Б. Бушев, А.Н. Болтунов; Информация Коммуникация Общество, 2017. – 132 с.
5. Ильин А.Н. Культура общества массового потребления: критическое осмысление. / А.Н. Ильин; Омск.: Форум, 2014 – 207 с.
6. Калабекова С.В. Риски общества потребления политика и общество / С.В. Калабекова // Политика и общество. – 2018 – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-obschestva-potrebleniya?ysclid=ltriqopp54145836281> (дата обращения 07.03.2024)

УДК:101.1...:316

Е. А. Нафанец

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

КУЛЬТУРНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК СПОСОБЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

***Аннотация:** в статье рассматриваются проблемы устойчивого развития современного общества, необходимость восстановления исторической и культурной памяти как способов устойчивого развития общества; роль культуры, образования и воспитания в формировании личности, способной осознавать риски современной цивилизации, дезинформации и мифов.*

***Ключевые слова:** культура, память, развитие общества, государственная политика, историческая память.*

E. A. Nafanets

(Senior lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikail Tugan-Baranovsky

(Donetsk City, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

CULTURAL AND HISTORICAL MEMORY AS WAYS SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY

***Annotation:** the article examines the problems of sustainable development of modern society, the need to restore historical and cultural memory as ways of sustainable development of society; the role of culture, education and upbringing in the formation of a personality capable of realizing the risks of modern civilization, disinformation and myths.*

***Key words:** culture, memory, social development, state policy, historical memory.*

Неустойчивость в социальной и политической жизни общества, растущее потребление и использование ресурсов, расчеловечивание – определяющие характеристики современных общественных процессов в экономике, политике, культуре, в образовании и воспитании подрастающих поколений отрицательно влияют на

устойчивое развитие современного общества. Возможности перехода к устойчивому существованию, когда распадаются привычные связи, рушатся традиционные структуры, – уменьшаются с каждым годом, создавая в массовом сознании представления о разрушающемся мире, рождая социальные депрессии – следствие неуверенности в будущем своем и детей, социального недоверия [1]. Стремление к мировому господству и реальное управление, которое идет со стороны крупнейших мировых держав, начало очередного передела мира, сказываются на жизни всех стран и всех людей, но последствия этих перемен, их сущность и содержание еще только начинает осмысливаться научным сообществом.

Поиски решения проблем справедливости, благополучия, перспектив никогда не прекращались не только на научном мире, но и на практическом и политическом уровнях. Это проявлялось и реализовывалось во время революций, реализации их идей разрушения старого мира и строительства нового, реализации консервативных идей сохранения достигнутого и, в конечном счете, насилия в физической, военной или идеологической формах как способах избежать или прекратить социальные потрясения на какое-то время, достигали целей, создавая иллюзию стабильности, но впоследствии оборачивались новым взрывом и новыми волнами насилия, обмана, манипулирования [2, с.10].

Путь к устойчивому развитию – это выполнение каждым социальным субъектом той функции, которая ему отводится в рамках присвоенной им роли, занимаемой должности, профессии. Перекосы в ту или иную сторону при выполнении человеком или институтом его функций, создают социальные диспропорции, приводят к конфликтам, кризисам и застоям, представляющим собой «механическую устойчивость», заканчивающуюся либо социальным взрывом, либо стагнацией [2, с.11].

Рассмотрим одну из концепций устойчивого развития общества, которая предполагает удовлетворение потребностей людей настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Стержень данной концепции составляют:

– утверждение преобладания гармонии в отношениях между людьми, обществом и природой;

– развитие экономики может и должно быть таким, чтобы оно не сопровождалось опасным загрязнением и разрушением природной среды;

– сохранение биологического и культурного разнообразия;

– признание единства и многообразия вариантов социально-экономического и экологического развития различных стран и народов;

– убеждение в том, что основой социально-экономического развития должна быть свобода, а не насилие, гуманизм, а не вражда.

Титова Л.Г. выделяет следующие критерии устойчивого развития общества:

– социальный критерий устойчивости – благополучие людей, проживающих на данной территории;

– экономический – развитая экономика, позволяющая удовлетворять потребности людей;

– культурный – сохранение традиционных, историко-культурных ценностей;

– социально-психологический – ощущение защищенности и гарантии социальной безопасности [2, с. 12].

До тех пор, продолжает Титова Л. Г., пока уровень общей и профессиональной культуры людей не будет обеспечивать их согласованного взаимодействия и функционирования, необходим координатор – управляющий как на уровне отдельной организации, так и на уровне общества. Таким координатором остается всегда государство. Другим важным условием становится развитие человека в единстве его интеллекта, нравственности и разума – именно в такой последовательности, так как интеллект без моральных качеств останавливает развитие общества на уровне робота, а человека – на уровне функционала, тогда как человек-разумный способен создавать динамичную устойчивость, продвигающую общество на путь прогресса, конечным выражением которого является гуманитаризация человеческого бытия. Формирование такой личности – результат образования и воспитания человека [2, с. 12].

Именно культурная и историческая память способны сохранить устойчивое развитие общества. Президент России В.В.Путин

в Послании Федеральному собранию определил задачи по формированию исторической и культурной памяти общества: «Наша задача оградить от агрессивного навязывания Западом своих ценностей. Сейчас важны традиционные ценности, без них общество деградирует... Россия идет вперед, опираясь на прошлое... только ориентируясь на будущее, но опираясь на эту традицию, на эту культуру, мы можем чувствовать себя уверенно и уверенно идти вперед, развиваясь... И сегодня, когда наша Родина отстаивает свой суверенитет и безопасность, защищает своих соотечественников на Донбассе и в Новороссии, решающая роль в этой праведной борьбе принадлежит именно нашим гражданам, нашей сплоченности, преданности родной стране, ответственности за ее судьбу» [3].

Источники формирования и трансляции знаний об истории, культуре, национальной и мировой литературе и искусстве – институты образования: детские сады, общеобразовательные организации, высшие учебные заведения. Важными инструментами формирования культурной памяти выступают средства массовой информации, киноиндустрия, музыка, интернет, массовая культура, исторические события. Возможности интернета открывают широкие возможности трансляции культурной памяти для широких масс, массовая культура, в свою очередь, способствует формированию общих символов, представлений о прошлом, о национальных особенностях, которые с течением времени становятся фундаментом социального опыта и памяти. Революционные движения, военные события, культурные трансформации, смена политических режимов выступают источником для формирования культурной памяти. Обычаи, традиции, нравы выступают важнейшими инструментами сохранения и трансляции культурной памяти, осознание которой невозможно без развития коллективной памяти. При формировании осознанной политики памяти, являющейся системообразующей частью культурной политики, необходимо учитывать основные характеристики коллективной памяти:

— процессуальность коллективной памяти, предстающей как процесс постоянного развертывания, трансформаций и видоизменений;

— историческая изменчивость мнемонических практик, позволяющая говорить о наличии различных «культур воспоминаний», характерных для тех или иных сообществ;

- основополагающее значение коллективной памяти в формировании социальной солидарности, в процессах возникновения и разрешения межгрупповых конфликтов;
- локализация коллективной памяти, закрепление социально значимых воспоминаний в соответствующих «местах» и формирование «мемориальных ландшафтов»;
- селективность и социально-культурная неоднородность коллективной памяти, что неизбежно приводит к наличию конфликтных интерпретаций одних и тех же событий, являющихся значимыми «местами памяти» определенных сообществ;
- инструментальный характер коллективной памяти, ее использования властью, социальными группами, политическими движениями, бизнесом и другими субъектами для достижения определённых целей, получения тех или иных выгод и преимуществ.

Также необходимым элементом является осознание социально-культурной значимости забвения, его неотделимости от процессов мемориализации.

По мнению Клеймана А.Ю., «необходимо избавиться от понимания забвения как «абсолютного зла» для жизни общества, признать диалектическое единство процессов социального закрепления и актуализации одной и одновременного архивирования другой информации, понять, что построение любой формы социальной интеграции и урегулирования конфликтов возможно без участия в той или иной форме процессов социальной амнезии» [4, с. 113]. Особенностью современного этапа культурного развития является непрерывное усложнение и ускорение социокультурной динамики, а также трансформация традиционных механизмов исторической преемственности и воспроизводства культурного целого. Ускорение хода истории, постоянное сгущение плотности культурных инноваций меняет способ восприятия времени в рамках современной культуры и одновременно с этим ставит под сомнение традиционный механизм обретения субъективной самотождественности личности [4, с. 193].

Сегодня именно русской культуре предстоит стать «важнейшей лабораторией! Развития интеллектуально-творческого ресурса по формированию «образа будущего» России и мира. В наши дни существует угроза унифицирующего влияния глобализации, про-

являющаяся особенно в культуре. По мнению Уильяма Блума «глобализация обеспечивает национальные культуры, превращая мир в макдональды, а людей – в автоматы потребления» [9, с. 28]. «Глобальный мир – это новый плавильный котел, где из представителей различных национальностей, культур и цивилизаций выплавляется всемирный потребитель. Глобальный человек» [9, с. 42]. Под воздействием транслируемых из США идей, образов, стереотипов ослабли культурно-исторические опоры большинства государств и традиционных обществ, подвергшихся культурной стандартизации по-американски» [10, с. 151].

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно осуждал подобные претензии на культурную гегемонию, «попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий» [12]. Что может и должна противопоставить российская культура глобальной экспансии американизированной псевдокультуры? Прежде всего – собственную концепцию «мягкой силы» как гаранта сохранения классических отечественных и мировых образцов высокой культуры и высокого искусства, которые всегда являлись «визитной карточкой» России и ее символом.

Культура России может и должна осуществить свою спасительную миссию – противопоставить «субкультуре» универсальную модель – культуру памяти, преемственности, традиции суверенных культур.

Французский социолог Морис Хальбвакс считал, что человеческая память в первую очередь обусловлена социальными и культурными особенностями, чем личностными. Он выделил четыре основных параметра внешнего измерения памяти: мимическую, предметную, коллективную и культурную. По его мнению, лишь культурная память естественным образом передается от одного поколения к другому, перерастая в некие воспоминания, образы и символы. Морис Хальбвакс отмечал, «что культурная память имеет сакральную природу и не распространяется сама по себе как коллективная память, а всегда имеет своих особых носителей – жрецов, учителей, профессиональных историков» [6].

Под культурной памятью нами понимается совокупность знаний, ценностей, обычаев, традиций и нравов, передаваемых в рамках межпоколенческого диалога, в содержание которого заложены основы формирования поведенческих и культурных особен-

ностей. Социализация выступает важным каналом формирования культурной памяти.

Именно культурная память дает возможность осознания своей исторической особенности, национальной принадлежности, при этом помогает в определении подлинных ценностей той или иной социальной общности (обычаи, традиции, нравы). Именно сквозь призму наиболее важных исторических и культурных событий, персонажей и событий мы имеем возможность знакомиться с прошлым, с его героическими и печальными событиями, формирующими национальную самобытность. Это в свою очередь помогает каждому отдельно и обществу в целом идентифицировать свою роль и себя. «Память, – пишет Тюкина Л.А., – базируясь на символах, служит для социальной группы формой самоопределения и ориентиром на будущее, стала важным интеллектуальным достижением...Итак, культура создает транспоколенческое пространство знаний и систему координат, посредством которых носители этой культуры оформляют собственный опыт» [13,с.183].

Таким образом, именно благодаря коллективной памяти общество осознает свою коллективную сущность, образуя коллективные обычаи, традиции и символы, способствующие формированию связи между членами общества, осознающими общую судьбу и сопричастность друг к другу. Такая связь обеспечивает чувство общности, которая перерастает в определенную идентичность [14].

Важной составляющей устойчивого развития общества выступает историческая память. Она представляет собой такой феномен общественного сознания, который обеспечивает трансляцию культурного наследия, его интеграцию в современные социокультурные реалии, диалектический синтез традиции и новации, регулирование социокультурной практики. Длительное пребывание общества в поликультурном пространстве предполагает возможность полноценного участия в интенсивно развивающемся диалоге культур, реализуемом на международном уровне.

На наш взгляд, проблема исторической памяти приобретает особую актуальность именно в переходные, кризисные эпохи, сопровождающиеся существенной трансформацией представлений о человеке, его прошлом, настоящем и будущем. А. И. Макаров связывает возрастающую актуальность проблематики надындивидуальной памяти с поиском ориентации субъекта в условиях рушащихся символических универсумов. «Образы социальной памяти

более устойчивы во времени, чем образы индивидуальной памяти. Поэтому коллективный характер воспоминания выступает эквивалентом всеобщности образа и опыта, объективности знания... Историческое событие – это такое воспоминание, которое способно внести смысл в наличную действительность для членов коллектива» [5, с. 7].

По словам М. Ямпольского, современный человек «стоит на обочине истории, не зная, как в нее вступить, ведь она всегда является ему себя как уже минувшее, как прошлое. В этой ситуации память оказывается единственной возможностью «подключения» прошлого к настоящему, единственным инструментом актуализации истории. Но действует она в этой актуализации как принципиально антиисторическая сила... Речь идет о ностальгии, пронизывающей современность» [7, с. 12]. Интерес к прошлому является одним из факторов нисходящей коллективной идентификации: «Массовое обращение к искусственному прошлому не проходит даром. Дело не в самом усилении традиционализма, а в том, что он представляет собой одну из версий общественной примитивизации понижающей структуры идентичности» [7, с. 14].

Иллюзия сохранения преемственности, коллекционирование имен, расцвет ложных воспоминаний, – обожествленное прошлое превращается в собрание исторических анекдотов и курьезов. Парадоксальность ситуации заключается в том, что такая обращенность в прошлое сопровождается практически полным отсутствием к нему интереса, утратой осознания его осмысленности и ценности. По мере устаревания прошлого, стремительно теряющего свою ценность, к нему все больше возрастает интерес. Этот интерес вызван именно процессом постепенного исчезновения прошлого, уже перешедшего за грань небытия. «Когда вещи перестают быть полезными, ими восхищаются только потому, что они старые. Их сохранение придает вещам своеобразную генеалогию, помещает их в определенный темпоральный контекст, компенсирует им ту долговечность, которой мы их лишили, избавившись от них так быстро» [7, с. 211].

По словам Д. Лоуэнталя, «чем менее целостна роль прошлого в нашей жизни, тем более настоятельна потребность в сохранении его реликтов...они уже не принадлежат действительному миру, не стимулируют вдохновение художников и архитекторов на новое творчество. Они уже не составляют части живого прошлого, но

больше мы ценим его следы или же пытаемся приспособить их для нынешних целей. А поскольку существовавшие ранее способы реакции на прошлое для нас теперь закрыты, поскольку большая часть сохранившегося прошлого принадлежит чужой для нас стране, именно сохранение стало основным – часто единственным – способом обращения к нашему наследию» [8].

На наш взгляд, переосмысление природы исторической памяти, понимание ее роли в процессе формирования культурной преемственности способно стать основой подлинного понимания природы и человеческого бытия.

Глубина исторической памяти в полной мере определяет способность общественного самосознания реагировать на возникновение новых реалий культуры, подвергать анализу сущность, масштабы и значимость происходящих изменений, а, соответственно оценивать глубину и остроту создаваемых данными изменениями проблем, а также возможности и пути их решения. Гибкость и подвижность исторической памяти позволяет различным народам забывать взаимные обиды и помнить все то позитивное, что было в их общей истории. Высшие интересы россиян состоят в признании приоритетности межэтнически универсального перед изоляционистски локальным. Личность в своем мировоззрении и реальных поступках должна творить собственную, индивидуальную историю, соотносимую с другими индивидуальными историями, что, в конечном итоге, составит единое пространство культурного будущего России.

Историческая память обладает детерминирующим влиянием на содержание и способы осуществления социокультурной практики. Каждому человеку предлагаются надежные поведенческие ориентиры, укрепляются коммуникативные связи, способствующие осуществлению культурной самоидентификации. Таким образом, необходимо продолжать: а) поиски новых оснований консенсуальных начал исторической памяти, посредством выделения общих фундаментальных принципов и подходов к пониманию прошлого и его детерминирующего воздействия на культуру; б) установление роли и места ретроспективной детерминации социокультурной практики в числе других детерминант культурообразующих процессов; в) разработку мер, направленных на преодоление стереотипов и заблуждений исторической памяти, снижению степени аберрированности исторического процесса [15].

Список литературы

1. Вершинин С. Е. Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы)// Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. №7. С.61-70
2. Титова Л.Г. Устойчивое развитие общества: проблема и перспективы// Социально-политические исследования. 2020. №3(8) с.5-19 DOI10.20323/ 2658-428X-2020-3-8-5-19
3. Послание президента России Федеральному собранию 29.02.2024 <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585>
4. Научный вестник Волгоградской академии гос.службы. Серия: «Политология и социология». 2010, No 2. С.82-86. Клейтман А.Ю., Клейтман А.Л. Историческая память и механизмы социокультурной преемственности.
5. Макаров А.И. Социальная память и проблема реальности// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство». – 2009. – No 3(37).с.7
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. – No 2-3. - С. 12
7. Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти. НЛЮ. 2007, – No3. – С. 211
8. Лоузнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: «Владимир Даль», 2004. С.600.
9. Блум У. Что такое глобализация?. М., 2001. С. 28
10. Филимонов Г. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. М.: 2012. – С. 151.
11. Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи. 12 сентября 2021года. г. Краснодар
12. Послание президента Федеральному собранию 27 декабря 2022 года [putin – gotovit – sensaciju – sudbonosnoe – poslanie – dlja – strany – uzhe - rabote_667450.htm](https://www.putin.gov.ru/press/2022/12/27/putin-gotovit-sensaciju-sudbonosnoe-poslanie-dlja-strany-uzhe-rabote_667450.htm)
13. Тюкина Л.А. Индивидуальные и коллективные воспоминания как основа формирования культуры//Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – №4(15). – с.183
14. Ярычев Н.У. Культурная память: ключевые понятия и особенности трансляции//Динамика гуманитарных и социально-экономических наук в условиях цифровой трансформации: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 ноября 2023г.б Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ)
15. Синицина Н.А. Историческая память как регулятив современной культуры: социологический анализ. Автореферат по ВАК РФ 22.08.08 Социология культуры, духовной жизни. История. Исторические науки – Теоретические основы и методология исторической науки – Уровни исторического сознания историческая память. Шифр хранения: FB 9 08 – 4 776 Майкоп, 2009. – 23 с.

И. В. Ширкова

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли имени
Михаила Туган-Барановского, Донецк, Россия

E-mail: i-shirkova@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

***Аннотация.** В статье рассмотрены взаимосвязь развития творческого, интеллектуального потенциала человека и экономического роста в государстве. Проанализированы законодательные нормативные акты, регулирующие развитие интеллектуальной собственности. Обоснована необходимость развития интеллектуальной собственности и инноваций в образовательной сфере.*

***Ключевые слова:** интеллектуальная собственность, творческий потенциал, результаты творческой деятельности, сфера образования.*

I. V. Shirkova

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National University of Economics and Trade named after
Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russia

E-mail: i-shirkova@yandex.ru

LEGAL ASPECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY DEVELOPMENT IN MODERN CONDITIONS

***Abstract.** The article examines the relationship between the development of creative, intellectual potential of a person and economic growth in the state. The legislative regulations governing the development of intellectual property are analyzed. The need for the development of intellectual property and innovation in the educational field is substantiated.*

***Key words:** intellectual property, creative potential, results of creative activity, education.*

В современном мире экономическое развитие государства во многом зависит от интеллектуального и творческого потенциала человека. Природа интеллектуальной собственности порождает необходимость признания ее важнейшей составляющей и как духовного, и как экономического богатства страны, а возможность

создавать результаты интеллектуальной, творческой деятельности и реализовывать права на них является доминантой в развитии общества и государства. А значит, определение роли интеллектуальной собственности в экономической и социальной сферах приобретает особую значимость, и создав условия для реализации прав человека и прав интеллектуальной собственности, будет развиваться интеллектуальный потенциал, формирующий культурное и научное наследие государства, и обеспечен высокий уровень благосостояния общества [1, с. 274-275].

Долгосрочные фундаментальные направления деятельности государства определяются в основном законе – Конституции, исходя из уровня социального развития и дальнейших перспектив. Российская Федерация в соответствии с Конституцией – демократическое правовое социальное государство (ст. 1 Конституции РФ), а значит человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Российской Федерации, ее государственных органов и должностных лиц (ст. 3 Конституции РФ) [2]. Следовательно, закрепление, предоставление и защита основных прав и свобод, в частности, права и свободы личных достижений человека, свободы творчества, права массового пользователя, позволит обеспечить одну из основных социальных функций государства – формирование и воспитание человека как уникальной личности, реализующего свои возможности на благо человека, социальной группы, для развития общества с богатым культурным, историческим и правовым наследием.

Реализация прав человека, в частности интеллектуальных прав, позволяет раскрывать его творческие возможности, мотивируя к новым достижениям, к научно-техническому прогрессу, который является важнейшим фактором развития человеческого общества, именно поэтому в современных реалиях особый интерес представляет механизм обеспечения интеллектуальных прав для раскрытия широких возможностей улучшения условий жизни людей и народов.

С целью обеспечения прорывного развития государства Указом Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» были определены национальные цели развития государства, в том числе, возможности самореализации и развития талантов, в рамках

чего были установлены целевые показатели, характеризующие достижения этих целей к 2030 году, а именно, обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования [3].

Все вышеизложенное послужило поводом разработать обоснованную политику в области интеллектуальной собственности для университетов и научно-исследовательских организаций, поскольку именно в них формируется интеллектуальный потенциал в лице исследователей, инженеров, «квалифицированных потребителей» и др.

Формирование политики указанных организаций в сфере интеллектуальной собственности включает полный цикл обеспечения управления интеллектуальной собственностью: от выбора модели закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности, организационного и финансового и сервисного обеспечения реализации политики в области интеллектуальной собственности, документальной фиксации модели закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности в Организации, до коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и оценке эффективности деятельности по созданию и управлению интеллектуальной собственностью [4].

Согласно Глобальному индексу инновационной активности Всемирной организации интеллектуальной собственности, Россия по итогам 2017 г. занимает 46-е место в мире. Страна сохраняет свою позицию в конце первой трети рейтинга на протяжении последних нескольких лет.

Анализируя патентную активность российских заявителей, Роспатент выявил, что период с 2018-2023 года наблюдается стагнация, и одной из причин является недостаток компетентных кадров в области интеллектуальной собственности. Вместе с тем одной из задач ОНДП является формирование не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики в соответствии с задачами пространственного развития Российской Федерации [4].

Кроме того, одной из причин такой стагнации является отсутствие четкого сформулированного понимания значения интел-

лектуальной собственности как конкурентного преимущества высокого ранга у образовательных организаций высшего образования, НИИ и бизнес-сообществ. Было выявлено, что молодые учёные и их более опытные коллеги не прорабатывают вопросы выбора правильной формы правовой охраны и дальнейшей коммерциализации создаваемых ими инновационных разработок или получаемых РИД. В результате возникают риски утраты прав на РИД и другие проблемы, связанные с их коммерциализацией [4].

Поставленных целей можно достигнуть с помощью обеспечения междисциплинарной подготовки специалистов, а также получения ими базовых компетенций для повышения результативности НИОКР и успешной коммерциализации разработок. Для этого необходимо развитие системы образования в сфере интеллектуальной собственности. В частности, требуется включить отдельные дисциплины по интеллектуальной собственности в различные программы и распространить данные программы на высшее образование уровня магистратуры. Также требуется разработка новых программ и в сфере дополнительного образования.

Очевидно, что в современном мире знания интеллектуальной собственности необходимы не только молодым ученым, но и руководителям учреждений и исследовательских групп. Такие знания помогут не только проводить исследования с дальнейшей прагматической ориентацией на патентование, внедрение и коммерциализацию РИД, но и будут способствовать эффективному достижению целей, указанных в Стратегии научно-технологического развития России.

Также в рамках развития сферы интеллектуальной собственности Правительством Российской Федерации и Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент) предлагается активная работа по следующим направлениям:

- начальное просвещение в сфере интеллектуальной собственности посредством организации экскурсий, мастер-классов для школьников, учащихся колледжей, предприятий и организаций;
- участие в организации и проведении олимпиад, конкурсов, включение номинаций по интеллектуальной собственности в уже существующие научно-просветительские и социальные проекты;
- разработка новых программ в сфере дополнительного профессионального образования адресного характера при участии компа-

ний-экспертов рынка для обеспечения практико-ориентированности передаваемых знаний;

- развитие дистанционного обучения по программам дополнительного профессионального образования;

- развитие кооперации с образовательными организациями высшего образования для внедрения в учебный процесс дисциплин по интеллектуальной собственности;

- проведение круглых столов/тренингов/обучающих семинаров от практиков высокого уровня по тематикам, включающим в себя все стадии развития интеллектуального продукта, вплоть до введения в оборот прав на РИД, и адаптированным под конкретные запросы аудитории.

В целях выработки единого подхода к образованию в сфере интеллектуальной собственности предполагается дальнейшее проведение работ Роспатента с Минобрнауки России и Минтрудом России по обеспечению учета необходимых компетенций по интеллектуальной собственности в профессиональных стандартах и федеральных образовательных стандартах [5].

Такой же точки зрения придерживаются и ученые из Ростова-на-Дону С. В. Савин и А. Д. Мурзин, и в качестве одной из мер по развитию интеллектуальной собственности и инновации в России предлагают консультации и образовательные курсы по различным вопросам регистрации и управления РИД, в т.ч. создание отдельных образовательных учреждений по вопросам интеллектуальной собственности, интерактивные гайды и шаблоны документов, обеспечивающие единые стандарты, стажировки для молодых специалистов в области разрешения споров [6, с. 70-71].

По нашему мнению практическим воплощением расширения свободы научного творчества являются заключенные договоры о сотрудничестве между организациями, осуществляющими образовательную деятельность как в пределах одного, так и нескольких государств, которые расширяют границы как доступа к результатам научного прогресса, так и возможностей внести вклад в научную деятельность, поскольку разнообразные формы практической деятельности (проведение круглых столов, конференций, форумов, презентаций, выставок, фестивалей) и формат работы (онлайн и офлайн) открывает потенциал общей и интеллектуальной культуры.

Россия – страна с мощным природно-ресурсным и геополитическим потенциалом, и формирование грамотной политики в сфере интеллектуальной собственности, создающей комфортные условия для научных исследований и разработок, стимулирующей профессиональный рост ученых, изобретателей и обеспечивающей охрану результатов творческой деятельности, укрепит и расширит возможности пользования благами творческого, культурного, научного прогресса.

Список литературы

1. Ширкова И. В. Обеспечение прав интеллектуальной собственности – право на благополучие / И. В. Ширкова // Научные труды. Российская академия юридических наук. Российская академия юридических наук. – Москва, – 2022. – С. 274–278
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. Консультант Плюс // Документы. – Электрон. текст. данные – 2020. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ccca0bbf3250f82d26a158e6325aa2b34775e8d/
3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. – [Электронный ресурс]. – Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 // Президент России. – Электрон. текстовые дан. – 2020. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>
4. Политика в области интеллектуальной собственности для университетов и научно-исследовательских организаций. – [Электронный ресурс]. – Утвержден Департаментом стран с переходной и развитой экономикой и Министерством науки и высшего образования РФ 31.08.2018 г. – Электронные. текстовые данные. – 2018. – Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2018/10/Politika_v_oblasti_IS_s_VOIS.pdf
5. Развитие сферы интеллектуальной собственности в свете «Основных направлений деятельности Правительства РФ до 2024 г.». – [Электронный ресурс]. – Роспатент Федеральная служба по интеллектуальной собственности – Электрон. текстовые данные. – 2020. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/razvitie-sfery-intellektualnoj-do-2024-g>
6. Савин С. В., Мурзин А. Д. Проблемы развития интеллектуальной собственности и инноваций в России / С. В. Савин, А. Д. Мурзин // Интеллект. Инновации. Инвестиции / Intellect. Innovations. Investments – № 5, – 2023. – С.69–81

УДК 343

Р. Н. Горбатый

(к. юр. наук, доцент)

Донбасская аграрная академия

(г. Макеевка, Донецкая Народная Республика, РФ)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: НАСТОЯЩЕЕ ИЛИ БУДУЩЕЕ

***Аннотация:** В статье рассмотрена цифровизация жизнедеятельности человека, которая отразилась и на преступности, дала толчок развитию этого антиобщественного негативного социального явления, что требует соответствующих корректив в правоохранительной деятельности. Также установлено, что естественной частью цифровой преступности стала киберпреступность. Проведенный анализ и сделанные выводы, объясняют, почему в ближайшее время мы увидим модернизацию уголовного закона в целях его адаптивования к новому цифровому миру.*

***Ключевые слова:** цифровизация, кибертерроризм, уголовная ответственность, преступность, цифровые устройства.*

R. N. Gorbatyj

(Candidate of Law Sciences, Associate Professor)

Donbass Agricultural Academy

(Makeyevka, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

DIGITALIZATION OF CRIME: PRESENT OR FUTURE

***Abstract:** The article examines the digitalization of human life, which has also affected crime, gave impetus to the development of this antisocial negative social phenomenon, which requires appropriate adjustments in law enforcement. It has also been established that cybercrime has become a natural part of digital crime. The analysis carried out and the conclusions drawn explain why in the near future we will see the modernization of the criminal law in order to adapt it to the new digital world.*

***Keywords:** digitalization, cyberterrorism, criminal liability, crime, digital devices.*

В последние годы специалисты все чаще и чаще говорят о том, что законотворчество в сфере уголовного и уголовно-процессуального права представляет собой хаотичный характер. В значительной мере это связано с отсутствием уголовной политики

– долгосрочного видения целей, которые государство собирается достичь с помощью уголовного права в области контроля преступности. Направления уголовной политики многообразны, носят разноуровневый, иерархичный, системный характер в силу комплексности, сложности и структурности преступности и причин, ее порождающих [1, с. 191].

В тоже время, нельзя не согласиться, что с развитием информационного общества, внедрением цифровых технологий практически во все сферы жизнедеятельности человека, привело к увеличению преступлений, так или иначе, связанных с цифровизацией.

Это совершенно новые виды преступной деятельности, к пресечению которых правоохранительная система оказалась слабо подготовленной. Конечно, и ранее появлялись разновидности преступной деятельности, характеризующиеся возникновением новых способов совершения преступлений, но они в той или иной форме уже были известны уголовно-правовой науке. Менялась форма, но не содержание.

Так, например, мошенничества известны еще с древних времен. Начиная с конца 19 века появляются новые способы их совершения. Возникают первые формы финансовых пирамид. Их называли по-разному (снежный ком, лавины), но криминализовали эту деятельность как самостоятельный состав преступления в отечественном уголовном законодательстве лишь в 2016 году [2, с. 54].

С развитием информационных технологий трансформация некоторых преступлений происходит еще быстрее. Более того, возникли способы совершения и объекты посягательства, которые ранее вообще не существовали. Это доставляет немало сложностей при выявлении, расследовании и пресечении таких преступлений. И уж тем более сложности имеются и в предупреждении таких преступлений.

В связи с этим видится необходимым выделение совершенно новой разновидности преступности – цифровой преступности. Ее изучение как самостоятельного направления позволит выявить закономерности и на их основе выработать научные теории, определенные концепции, сформировать гипотезы. В перспективе важнейшей задачей ставится опережающее воздействие на криминальные факторы, способствующие и обуславливающие суще-

ствование цифровой преступности, выработка современных методов противодействия и профилактики таких преступлений.

Кроме того, цифровизация жизнедеятельности человека отразилась и на преступности, дала толчок развитию этого антиобщественного негативного социального явления, что требует соответствующих корректив в правоохранительной деятельности. Многофункциональность цифровых устройств (гаджетов) расширяет пользовательские и, соответственно, преступные возможности [1, с. 192].

Посредством сети Интернет на массовом уровне совершаются такие преступления как: доведение до самоубийства или склонении к самоубийству; дистанционные хищения в финансово-банковской сфере; призывы к осуществлению террористической, экстремистской деятельности, массовым беспорядкам; сбыт наркотических средств, оружия; оборот порнографических материалов или предметов, организация азартных игр, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и др.

Следовательно, IT-технологии трансформировали насильственную преступность, она стала содержать интеллектуальные аспекты, «все чаще применяется информационное воздействие на потерпевшего», физическое насилие уступает место психическому. Информационные технологии включают в себя совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, объединенных в технологическую цепочку, обеспечивающую сбор, хранение, обработку, вывод и распространение информации для снижения трудоемкости процессов использования информационного ресурса, повышения их оперативности.

Информационные технологии включают в себя различные средства и инструменты, такие как социальные сети, поисковые системы, мессенджеры, веб-сайты, приложения для мобильных устройств и другие. Они позволяют быстро и широко распространять информацию, что может быть использовано как для полезных целей, так и для дезинформации и пропаганды. Методы пропаганды и дезинформации с использованием информационных технологий могут включать следующие приемы: распространение ложных новостей: один из самых распространенных методов дезинформации, когда ложная или недостоверная информация применяется в СМИ. С помощью социальных сетей и других онлайн-платформ

она может быстро распространяться и оказывать влияние на массовое сознание.

Использование ботов и поддельных аккаунтов: в сети появляются боты, которые могут автоматически создавать и распространять ложные новости, оставлять комментарии и продвигать необходимую тему, что может создавать иллюзию широкой поддержки некоего мнения или идеи. Провокация конфликтов: дезинформация может использоваться для провокации конфликтов и направления массовой агрессии на определенные группы людей или идеи [3, с. 134].

Также, в настоящее время цифровая преступность как самостоятельное направление в криминологии почти не изучается и не рассматривается. Есть различные подходы к определению понятийного аппарата, но нет четкого разграничения между такими схожими видами преступности, как киберпреступность, компьютерные преступления, преступления в информационной среде, информационные преступления. Различие, как мы можем наблюдать, происходит по способу, объекту, предмету посягательства и средствам совершения разных видов преступлений.

Так, авторы рассматривают такую преступность как составную часть экономической преступности в новых реалиях цифровой экономики [2, с. 55]. О необходимости изучения криминологической безопасности в призме цифровой экономики говорит Т.В. Пинкевич. [4, с. 72].

Естественно, частью цифровой преступности является киберпреступность, о которой написано немало трудов. О киберпреступности на международном уровне заговорили еще в XX веке. В 1999 году это стало предметом обсуждения в ООН на международном обзоре уголовной политики руководством организации объединенных наций по предупреждению преступлений, связанных с компьютерами и борьбе с этими преступлениями.

Номоконов В.А. и Тропина Т.Л. говорят о том, что «киберпреступность – это совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей и против компьютерных сетей и компьютерных данных» [5, с. 24].

Также ими приводится определение киберпространства из «модельного закона» о киберпреступности Международного союза

электросвязи: «физическое и нефизическое пространство созданное и (или) сформированное следующим образом: компьютеры, компьютерные системы, сети, их компьютерные программы, компьютерные данные, данные контента, движение данных, и пользователи» [5, с. 25].

В настоящее время проблема кибертерроризма особенно актуальна для стран, являющихся лидерами в использовании спутниковых систем связи и глобальных сетей.

По мнению экспертов, кибертерроризм представляет собой серьезную угрозу человечеству, сравнимую по эффективности с оружием массового уничтожения. Действительно, ни одно государство в мире не будет полностью защищено от кибертеррористических атак, о чем свидетельствует масштабная операция «Красный Октябрь», успешно проведенная за последние пять лет. Основными мишенями преступников были государственные и дипломатические службы, а также научные организации наиболее развитых стран мира [6, с. 21].

Угроза кибертерроризма вынуждает различные государства сотрудничать в борьбе с ним. Этим занимаются международные органы и организации: ООН, Совет Европы, международная организация экспертов.

Впрочем, возможно предположить, что кибертерроризм сейчас является настоящей опасностью для общества. В настоящее время имеется очень мало систем, которые возможно назвать надежно защищенными. В настоящее время абсолютно невозможно противодействовать кибертерроризму который дополняет принятый терроризм. Это крепко связано с тем, что нет национального регулирования, цензуры и прочих конфигураций контроля за информацией, распространяемой в Интернете. [6, с. 22].

Однако, на наш взгляд, к цифровой преступности можно отнести не только преступления, совершаемые в киберсреде. Существует позиция, что цифровая преступность охватывает все преступления, совершаемые так или иначе посредством цифровых технологий непосредственно в киберпространстве, а также иные преступления, но с использованием информационных, цифровых технологий.

Заслуживает внимания позиция Ю.А. Воронина о цифровой преступности как широкой и чрезвычайно диверсифицированной совокупности составов преступлений в сфере обращения цифровой

информации, объединенных предметом посягательства – цифровой информацией – и (или) способом совершения преступных деяний – использованием цифровых технологий [7, с. 44].

Таким образом, автор указывает на то, что к цифровой преступности следует относить не только ту, что совершается в отношении цифровой (компьютерной) информации, но и иные преступления, совершаемые посредством использования цифровых технологий.

Ежегодно Уголовный кодекс Российской Федерации пополняется новыми составами, которые так или иначе связаны с информационными технологиями. Всего на данный момент в 34 статьях в той или иной форме говорится о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной среды (статьи 110; 110.1, 110.2, 128.1, 137, 151.2, 159.6, 171.2, 185.3, 205.2, 222, 222.1, 222.2, 228.1, 230, 238.1, 242, 242.1, 242.2, 245, 258.1, 272-274.1, 280, 280.1, 281, 282, 354.1) [8, с. 61].

Непосредственное упоминание компьютерной информации (модификации, блокирования, иное вмешательство) в уголовном законодательстве имеется в преступлениях, предусмотренных статьями 159.6, 187, 272-274.1. Упоминание об электронных денежных средствах, электронных средствах платежа - в составах, предусмотренных статьями 138.1; 158, 159.3, 159.6, 185.3, 187, 205.2, 228.1, 258.1, 280.1 [8, с. 62].

Относить все перечисленные преступления напрямую к киберпреступлениям было бы не совсем верно. Они отличаются по объекту посягательства, способам совершения, субъектам и последствиям, но во всех есть цифровой признак – «цифровой след».

Т.В. Пинкевич и Е.Н. Романова выдвинули более полное определение цифровой преступности, под которой понимают «социальное противоправное явление, включающее в себя совокупность преступлений, совершаемых в сфере цифровых технологий или с их использованием, в том числе включая незаконное завладение и предложение или распространение информации в информационно-телекоммуникационных сетях и в виртуальной среде, дополняющей реальность» [9, с. 192].

Как видим, в группу цифровых преступлений отнесли и противоправные общественно опасные деяния, совершаемые в виртуальной среде, дополняющей реальность. В целом можно было упрощенно применить понятие киберсреды.

Дискуссионным остается вопрос о включении в цифровую преступность преступлений, совершенных без вхождения в информационное пространство, но путем использования цифровых технологий.

Безусловно, хищение информационного носителя с цифровой информацией не во всех случаях является цифровым преступлением. Как пример, похищение оптического диска с видеоизображением. А как быть, например, с хищением цифрового носителя информации о коде доступа к электронному хранилищу, а именно закрытому ключу в виде буквенно-цифрового номера, используемого для управления криптовалютой? Некоторые исследователи рассматривают необходимость отдельного исследования «криптопреступности» [8, с. 63].

М.М. Долгиева утверждает, что криптопреступность имеет ряд специфических черт, присущих именно этому виду преступности. В своем исследовании автор говорит о том, что такие преступления причиняют «цифровой ущерб», то есть, по сути, говорится о новом виде общественно опасных последствий, ранее не рассматриваемых [10, с. 110].

С другой стороны, можно ли в полной мере относить к цифровой преступности все преступления, совершаемые в киберпространстве? Дискуссионным остается вопрос о включении в цифровые преступления публичного распространения ложной информации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

С одной стороны, это преступление в киберсреде и носит повышенную опасность из-за большего числа лиц, получающих доступ к ложной информации.

С другой стороны, использование инфокоммуникационных сетей настолько обыденно в нашей жизни, что является просто частью информационного взаимодействия людей. Сложно к ним относить и другие преступления, связанные с публичными противоправными действиями в инфокоммуникационной сети.

Г.Н. Горшенков вводит понятие информационной преступности как разновидности преступности, проявляющей себя в сфере общественных отношений, обусловленных информационными ресурсами, информационной инфраструктурой, производством, распространением, передачей, потреблением информации [11, с. 94].

На наш взгляд, часть информационной преступности вполне может рассматриваться и как цифровая преступность. Иной вопрос, охватывает ли понятие цифровой преступности все преступления, что совершены с использованием компьютерных средств и (или) средств коммуникации. Считать ли цифровым преступлением хищение или угон транспортного средства путем взлома его противоугонной системы посредством блокирования, модификации, внесения изменения в компьютерную программу защитного устройства от угонов? В статье 166 УК РФ не имеется квалифицирующего признака, указывающего на такой способ.

Следовательно, с переходом в эпоху цифрового информационного общества половину преступлений можно увязать с цифровой средой. Возможно, что в скором будущем мы увидим в числе обстоятельств, отягчающих наказание, совершение преступления с использованием цифровых технологий.

Подытожив вышесказанное, можно сделать вывод о том, что цифровая преступность – это совокупность преступлений в сфере обращения цифровой информации, совершаемых как в киберпространстве, так и вне ее пределов, с использованием компьютерных средств, информационных технологий, средств коммуникации и связи.

Цифровизация общественных отношений так или иначе сказывается и на преступности. Особой опасностью цифровой преступности является то, что она не имеет границ, может совершаться в неограниченном пространстве, может носить транснациональный характер, имеет всепроникающее универсальное качество, способно причинить вред большому количеству граждан одновременно, приносить колоссальные убытки и экономические потери. То есть, рассматривая с криминологической позиции все плюсы цифровизации общественных отношений, можно заключить, что они одновременно являются и ее отрицательными качествами.

Более того, цифровая преступность может угрожать национальной и мировой безопасности. Уже сейчас следует задуматься о проблемах, которые вполне реальны в перспективе в связи с внедрением использования искусственного интеллекта. И.Р. Бегишев вполне обоснованно утверждает в своих трудах, что «недостаточная понятийность алгоритмов работы искусственного интеллекта, отсутствие единых подходов к его пониманию и осмыслению вызывает настороженность» [12, с. 82].

Также, важно отметить, что до сегодняшнего времени преступления, совершаемые с применением информационно-коммуникационных технологий, воспринимаются как феномен хотя и распространенный, но не массовый в соотношении с классической преступностью.

Этот факт, объясняет, почему в ближайшей время мы увидим модернизацию уголовного закона в целях его адаптации к новому цифровому миру.

Противодействие преступности в цифровых условиях должно базироваться на парадигме следующих основ: несмотря на внедрение роботизированных элементов во многие сферы жизнедеятельности общества, развитие искусственного интеллекта, необходимо в центре концепции развития цифрового общества всегда ставить биологический ресурс – человека, личностные качества, индивидуальные особенности менталитета, традиций определенных народов.

Невозможно точно предсказать, каким окажется будущее. Неоспоримым представляется одно – уголовный закон сохранит за собой роль инструмента разрешения наиболее острых социальных конфликтов (в каком бы измерении они не возникали – реальном либо виртуальном) с опорой на общечеловеческие ценности. Очевидно также, что технологии будут гораздо глубже и прочнее вплетены в нашу повседневную жизнь. В гиперподключенном мире уголовно-правовые риски возрастут многократно.

Кроме того, изучение цифровой преступности имеет своей целью получение более качественных и объективных знаний об объеме и состоянии данной группы преступлений, позволяет выяснить динамику их развития. Также немаловажной целью такого изучения является анализ детерминизмов, причин и условий совершения преступлений, относящихся к группе цифровой преступности, разработка на ее основе мер противодействия, рекомендаций профилактики и предупреждения.

Список литературы

1. Горбатый Р.Н. Уголовная политика и цифровизация: актуальные особенности / Р.Н. Горбатый // Университетские правовые диалоги: материалы Международной научно-практической конференции, 30-31 марта 2023 г. / под ред. Е.В. Титовой. – г. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023. – Ч. II. – С. 190-193.

2. Суходолов А.П. и др. Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики / А.П. Суходолов, Л.А. Колпакова, Б.А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 53-62.
3. Гришин С.А., Горбатый Р.Н. Дезинформация и пропаганда как средство дестабилизации мирового порядка / С.А. Гришин, Р.Н. Горбатый / Международный терроризм как инструмент внешней политики США и НАТО. Материалы IV-й республиканской студенческой научной конференции 19 мая 2023 года / Отв. редактор – д. филос. н, доц. Рагозина Т. Э. – Донецк: ФГБОУ ВО «ДонНТУ», 2023. – С. 133-137.
4. Пинкевич Т.В. Особенности обеспечения криминологической безопасности в сфере цифровой экономики / Т.В. Пинкевич // Уголовная политика и правоприменительная практика. 2019. – С. 72-84.
5. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза / В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 24. – С. 23-30.
6. Горбатый Р.Н. Кибертерроризм: проблематика и особенности / Р.Н. Горбатый // Система знаний: образовательные инициативы и развитие творческого потенциала современной науки. Сборник научных трудов. Казань, – 2021. – С. 21-24.
7. Воронин Ю.А. Преступления в сфере обращения цифровой информации и их детерминанты / Ю.А. Воронин // Виктимология. – 2020. – №1. – С. 44-51.
8. Заика Д.Н. Криптопреступность / Д.Н. Заика // Информационные системы, экономика и управление. – 2021. – С. 61-72.
9. Пинкевич Т.В., Романова Е.Н. Понятие цифровой преступности / Т.В. Пинкевич, Е.Н. Романова // Материалы 2-й Международной научно-практической конференции «Современные тенденции управления и цифровая экономика: от регионального развития к глобальному росту». М., 2020. – С. 191-200.
10. Долгиева М.М. Криптопреступность как новый вид преступности: понятие, специфика / М.М. Долгиева // Современное право. – 2018. – №10. – С. 109-115.
11. Горшенков Г.Н. К понятию «информационная преступность» / Г.Н. Горшенков // Российский криминологический взгляд. – 2005. – № 4. – С. 93-96.
12. Бегишев И.Р. Уголовная ответственность за создание и (или) распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступления / И.Р. Бегишев // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 2. – С. 82-95.

УДК 34.09

О. В. Пептиев

(к. юр. наук, доцент)

В. А. Кондратьев

(к. юр. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕХАНИЗМОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО
СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ
РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Аннотация. В данной работе проведено исследование роли государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Раскрыты правовые механизмы, регулирующие охрану и защиту нравственных ценностей русского народа и Русского мира в целом. Определена правовая основа обеспечения национальной безопасности в данном направлении.

Ключевые слова: правовой механизм, традиционные ценности, государственная политика, национальная идентичность, правовое регулирование нравственно-этических и духовных ценностей

O. V. Peftiev

(Candidate of Law, Associate Professor)

V. A. Kondratiev

(Candidate of Law, Associate Professor)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

**THE LEGAL BASIS OF THE MECHANISMS OF STATE
POLICY FOR THE PRESERVATION AND
STRENGTHENING OF TRADITIONAL RUSSIAN
SPIRITUAL AND MORAL VALUES**

Abstract. In this paper, the role of state policy in preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values is studied. Russian law reveals the legal mechanisms governing the protection and protection of the moral values of the Russian people and the Russian world as a

whole. The legal basis for ensuring national security in this area has been determined.

Keywords: *legal mechanism, traditional values, state policy, national identity, legal regulation of moral, ethical and spiritual values.*

Ценность каждой правовой системы определяется той ролью, которая отводится правовым основам, на которых базируются неотчуждаемые личные неимущественные права, как обеспечиваются законные интересы по их защите. Законодатель, не вмешиваясь преимущественно в содержание всех без исключения личных неимущественных прав, призван обозначить установление внешних границ их реализации, регламентируя наиболее важные положения, включая ограничения, нормы о защите.

Особое значение в современной России для подобной регламентации имеет Указ Президента РФ № 809, принятый в 2022 году. Этим Указом утверждены фундаментальные основы российской политики в направлении сохранности традиционных для русского народа духовно-нравственных ценностей. В соответствии с документом, традиционные ценности сформулированы в качестве нравственных целеуказателей, оказывающих воздействие на создание у российских граждан жизненных ориентиров, которые положены в основу национальной идентичности и общего культурного государственного пространства. Они передаются из поколения в поколение, способствуют укреплению гражданского единения и проявляющиеся в уникальности и самобытности, в традиционном духовном и историческом, культурном развитии всего многонационального населения России.

Актуальность данной темы заключается в необходимости расширения научного исследования данной проблематики, которая может быть признана на современном этапе, как требующей более широкого обсуждения и изучения этих процессов. Данными проблемами занимались такие видные деятели, как Т.А. Рассадина, В.О. Ключевский, В.К. Кожин, Б.Н. Миронов, С.М. Степняк-Кравчинский и др.

Основной целью признано проведение научного анализа актуальных вопросов механизмов охраны и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, как общенационального приоритета.

Российское государство, признанное в качестве основного института власти, реализует свой функционал посредством планомерного, целенаправленного, упорядоченного регулирования различных общественных отношений в различных сферах человеческого бытия. Обеспечивая, охрану и защиту интересов нации, осуществляя органами государства общественно важных программ национального развития (социального, экономического, научного, образовательного, культурного, духовно-нравственного) за счет определенных бюджетных ресурсов на федеральном, региональном и местном уровнях. При этом, необходимым инструментарием такого регулирования, как и инструментом различных государственных стратегий и программ, отражающих национальные интересы, является российская государственная политика в этом направлении. В теоретическое понимание термина «государственная политика» в российском научном сообществе включена целенаправленная профессиональная деятельность соответствующих государственных органов управления, которые имеют непосредственную направленность и компетенции на эффективное решение общественных задач, проблем общества, как и на обеспечение национальной, межнациональной безопасности.

Как отражено в Основах российской политики о сохранении и укреплении национальных духовно-нравственных традиций, утвержденных в 2022 году в соответствии с Указом Президента РФ № 809, государственная политика в данном направлении - система скоординированных актуальных мер, реализуемых Президентом и другими государственными органами власти. Эти меры связаны с взаимодействием институтов гражданского общества, которые направлены на противодействие различным социально-культурным угрозам для национальной российской безопасности относительно охраны и защиты традиционных для наших граждан ценностей.

Обращаем внимание, что в современной России правовые основы государственной политики направлены на поддержку и на закрепление среди населения традиционных национальных духовно-нравственных нематериальных благ. Они включены в качестве элементов национальной безопасности и закреплены в Конституции РФ [1], что также отражено и в других правовых актах федерального и регионального законодательства. Так же и на уровне признанных Российской Федерацией международных нормативно-правовых источников [2; 3].

В правовую основу российской государственной политики, направленной на сохранение и консолидацию традиционных для России духовно-нравственных нематериальных благ, логично включение Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», в котором безопасность признана в качестве ведущей задачи, как внешней, так и внутренней государственной политики России. Подобная деятельность – это система скоординированных, объединенных единым национальным замыслом юридических, политических, социальных, экономических, информационных, организационных, военных и иных специальных других государственных мер в сфере обеспечения в государстве безопасности. Названный закон включает в свое содержание: основные начала, правовую природу профессиональной деятельности государственных органов власти, обеспечивающих и сохраняющих устои национальной и общественной безопасности, безопасность личности, сохранение важных исторически российских духовно-нравственных традиций.

В данном источнике национального права в качестве основных принципов, действующих в сфере обеспечения безопасности в России, применительно к сохранению духовно-моральных нематериальных благ, в частности, указаны следующие принципы:

- соблюдение и обеспечение защиты конституционных прав, свобод каждой отдельной личности;
- принцип законности. Системность и комплексность использования органами федеральной, региональной, муниципальной власти, иными органами государства, различных (организационных, юридических, социальных и экономических, иных мер безопасности, включая информационную безопасность;
- принцип приоритета, в целях обеспечения безопасности, профилактических мер;
- принцип сотрудничества органов федеральной, региональной, местной власти государства, иных органов с институтами гражданского общества, общественными и международными организациями, с гражданами, их коллективными образованиями.

Представляется, что на современном этапе в Российской Федерации положения указанного источника национального права, наряду с Конституцией РФ, составляют фундаментальную правовую основу российской государственной политики в направлении сохранения и укрепления духовно-нравственных традиций и цен-

ностей. Все это нашло свое отражение в положениях Стратегии национальной безопасности, принятой в 2021 году [4].

На основании политики Российской Федерации по сохранению и укреплению национальных духовно-нравственных традиций, утвержденных в 2022 году в соответствии с Указом Президента РФ № 809, систему непревзойденных по значимости духовных и моральных ценностей, обеспечивающих национальную безопасность в Российской Федерации, составляют помимо жизни и достоинства, и других нематериальных благ, такие моральные принципы как, высокие нравственные установки личности, приоритет духовных ценностей над материальными благами, милосердие, историческая память и преемственность поколений.

Правовую основу обеспечения национальной безопасности в данном направлении составляют и другие нормативные источники, к числу которых относятся, в частности, Федеральный закон от 29 декабря 2010г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ « Об образовании в Российской Федерации». Федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации».

Так, в соответствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», к разновидности информации, которая причиняет вред, как здоровью, так и (либо) развитию несовершеннолетних, относится информация, побуждающая к действиям, представляющим угрозу жизни, физическому и нравственному здоровью и развитию несовершеннолетнего. Способность вызвать у ребенка негативные намерения различного характера, такие как алкоголизм, пристрастие к запрещенным веществам и средствам и прочее. Информация, обосновывающая и оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая к реализации подобных актов по отношению к людям, к животным. Информация, включающая изображение либо описание насилия сексуального, иного характера. Информацию, отрицающую общепризнанные в России традиционные семейные, моральные, нравственные, культурные ценности, пропагандирующую (или демонстрирующую) нетрадиционные для национального сознания сексуальные предпочтения,

педофилию; способная обусловить намерение по смене пола, как и оправдывающая незаконное поведение, нецензурную брань.

На защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти направлены также положения Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Так, на основании ст.3 данного закона, к системе основных принципов государственной политики и нормативно-правовой регламентации в области образования, относятся: признание для развития полноценной личности значимости образования, обеспечение права на получение образования, каждого гражданина, а также недопустимость дискриминации в данной сфере. Особое значение имеет принцип о гуманистическом характере национального образования, о приоритете жизни, здоровья каждого, прав, интересов и свобод, полноценного развития личности, а также воспитания и взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности и правовой культуры личности. Подчеркнуто значение для развития морально-нравственной личности российского человека таких качеств, как бережное отношение к окружающей природной среде. В Российской Федерации приветствуется формирование благоприятных условий для прогрессивной интеграции национальной системы образования в мировые системы образования, основанные на равноправной и взаимовыгодной фундаментальной основе.

В государстве принимаются иные нормативные правовые акты, направленные на повышение нравственных устоев российского народа. Так, в соответствии с Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» внесены коррективы в отношении административной ответственности за нарушение запрета о пропаганде в Российской Федерации нетрадиционных сексуальных отношений либо предпочтений и смены пола среди лиц любого возраста.

В направлении защиты традиционных национальных духовно-нравственных ценностей России в режиме сложных политических условий особое значение имеет для страны прогрессивное, признанное современной Россией международное регулирование, которое является значимым элементом составляющей прогрессивное взаимодействие международно-правовых связей. Подобные документы, выступая в качестве мировой основы согласия различ-

ных государств во всеобщем развитии духовно-нравственного потенциала и в цивилизованном межнациональном согласии по актуальным вопросам духовного, морального, нравственного развития личности, сохранения исторической памяти имеют особое значение. Систему данных международных источников права возглавляют: Всеобщая декларация прав человека от 1948 года. Международные Пакты о гражданских и политических правах от 1966 года «Об экономических, социальных и культурных правах от 1950 года. Особое значение имеет тот факт, который характеризует, что институциональная форма подобного прогрессивного межнационального взаимодействия отражается на взаимовыгодном сотрудничестве межнациональных организаций, в особенности, созданных государствами ближайшего зарубежья (Содружество Независимых Государств, Шанхайская организация сотрудничества, пр.).

Цивилизованное международное сотрудничество в обозначенном направлении в сложных современных политических и экономических условиях особо важно в процессе глобализации и дифференциации населения по политическим и иным принципиальным позициям. Данные позиции накладывают негативный отпечаток на духовно-моральное развитие населения многих стран, на поддержание нетрадиционных для нормального развития личности ценностей, не способствуют социальной, культурной и нравственной стабильности. Следует признать необходимость «торжества» традиционных для русского человека нематериальных благ, отраженных на уровне прогрессивных «Основ государственной политики по сохранению и укреплению важнейших общепризнанных российских духовно-нравственных традиций», утвержденных в 2022 году Указом Президента РФ № 809.

Таким образом, глобализация на современном этапе существенно обостряет актуальную проблему по обеспечению законных интересов российского государства и по усилению охраны и защиты национальных интересов во всех направлениях [5, с. 46-53]. В российском государстве реализуется такая государственная политика, которая в силу многих проблем в сфере национальной безопасности, в целом, и в направлении сохранения духовно-нравственных национальных традиций обеспечивается согласованными действиями различных элементов системы обеспечения национальной безопасности, отраженными на конституционном уровне, и на уровне актов государственного стратегического пла-

нирования. Главные правовые основы государственной политики, направленной на эффективную поддержку и закрепление среди населения традиционных национальных духовно-нравственных нематериальных благ, включены в качестве функциональных элементов «национальная безопасность», как в основном законе государства, так и в отдельных нормативных актах федерального и регионального уровня [6, с. 99-110].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. Консультант Плюс // Документы. – Электрон. текст. данные – 2020. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ccca0bbf3250f82d26aa158e6325aa2b34775e8d/
2. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст.291. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. Международный Пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. №17. Ст.291. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
4. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>
5. Родачин В.М. Феномен государственной политики: сущность и виды / В.М. Родачин // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2021. № 11(6). – С. 46-53.
6. Насакина Л. Н. Национальная безопасность России и пути ее укрепления / Л.Н. Насакина // Научный журнал «Дискурс». – 2017. – № 2 (4). – С.99-110.

УДК 316

Н. А. Вилкова

(аспирант)

Волгоградский институт управления
Филиал РАНХиГС,
(г. Волгоград, Российская Федерация)

РОЛЬ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

***Аннотация.** В статье исследуется роль правовых механизмов цифровизации. Эта проблема рассматривается в условиях стремительно развивающейся влияния цифровизации на все сферы общества.*

***Ключевые слова:** цифровизация, право, цифровая экономика, стратегия развития.*

N. A. Vilkova

(postgraduate student)

Volgograd Institute of Management - Branch of RANEPА,
(Volgograd, Russian Federation)

THE ROLE OF LEGAL MECHANISMS OF DIGITALIZATION IN MODERN SOCIETY

***Annotation.** The article explores the role of legal mechanisms of digitalization. This problem is considered in the conditions of rapidly developing influence of digitalization on all spheres of society.*

***Keywords:** digitalization, law, digital economy, development strategy.*

Быстрое внедрение и использование цифровых технологий приводит к изменениям в сферах жизни человека. Цифровизация дает возможность получить актуальные навыки, или оформить услуги. Изменения, происходящие во внешней и внутренней политике государства, носят масштабный характер. Реализация проектов по цифровизации государственного и муниципального управления дает возможность эффективно управлять данными и информацией, повышать доступность и качество предоставляемых услуг гражданам и бизнесу, повышать конкурентоспособность предприятий и страны в мировом значении.

Понятие «цифровизация» (или digitalization) обозначает переход к современным моделям и способам действий, которые бази-

руются на информационных технологиях. В качестве примеров можно привести общение с помощью видеосвязи и мессенджеров, реализацию идеи «умного города», переход на электронный документооборот. Граждане всё чаще пользуются интернетом для онлайн-консультаций со специалистами и совершения покупок.

Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 года № 1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Одним из направлений национальной программы является «повышение эффективности государственного управления и оказания государственных услуг посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений». Но цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации началась еще в 2008 году. Президентом РФ 7 февраля 2008 года была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации». Данная стратегия была рассчитана на получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий, а также эффективного взаимодействия с государством. В течение 2009-2019 гг. можно было наблюдать значительные изменения в системе государственного управления: — созданы многофункциональные центры и Единый портал госуслуг, — начала формироваться система межведомственного электронного взаимодействия базовых государственных информационных ресурсов, — создана единая информационная система государственных и муниципальных закупок.

Ряд документов, принятых на федеральном и региональном уровне за последние годы, позиционируют развитие цифровизации как одно из приоритетных направлений. В рамках реализации Указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.

В состав Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» входят следующие федеральные проекты:

- «Нормативное регулирование цифровой среды»
- «Кадры для цифровой экономики»
- «Информационная инфраструктура»
- «Информационная безопасность»
- «Цифровые технологии»
- «Цифровое государственное управление»
- «Искусственный интеллект»
- «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи»
- «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли»

Система управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»

Система управления утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 г. №234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Существует множество определений цифровизации, например, такие как:

Цифровизация (digitalization) – это переход к новым процессам, моделям и подходам, основанным на информационных технологиях.

Цифровизация – это изменение модели управления процессом через работу с данными, которое требует неизбежной трансформации картины мира в представлениях лидера относительно бизнес-процесса в пользу управления через цифру. В более широком смысле цифровизация – это подход, направленный на создание цифровой картины окружающего мира в формате, подходящем для обработки компьютером, что приводит к появлению цифровых двойников.

Цифровизация преобразует характер деятельности субъектов права и объемы их правоотношений, порождает новые формы принятия управленческих решений и ответственности за их неисполнение, ставит вопрос о возможностях и пределах автоматизации права.

В последнее время появились работы, которые специально посвящены теме цифровизации в фокусе права: предложена юридическая концепция роботизации, рассмотрены вопросы нарушения нормативных правовых актов в новых цифровых режимах, выявлены специфика и перспективы правового регулирования оборота данных в государственном управлении [4, с. 200], прослежены экологические императивы в законах и жизни [5, с. 215], также нуждающиеся в мощной информационной поддержке, исследована трансформация институтов бюджетного права в условиях цифровой революции [2, с. 158-160] и др. со сферами общественных отношений, поскольку необходимость урегулирования и направления в нужное русло разных взаимодействий с цифровизацией сильно соприкасается с правом.

Вступили в действие Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203, и программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р.

18 декабря 2017 года Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности утверждён План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В соответствии с этим Планом предстоит разработать более 50 проектов федеральных законов — законодательно закрепить информацию как объект гражданских прав, определить статус ИКТ в финансовой сфере, включая технологию распределенных реестров, точно применять дополнительные налоговые льготы и преференции.

Право в условиях цифровой реальности существенно меняется, возникают новые виды общественных отношений, которые раньше не затрагивались законодательством, но сейчас уже лежат в сфере правового регулирования:

1) субъектами таких правовых отношений становятся так называемые «цифровые», то есть виртуальные личности. Такое «лицо», по сути, образуют цифровые данные о реальном человеке, его виртуальном или «цифровом» образе, а также его IP-адресе к

которому привязан компьютер, с помощью которого совершены какие-либо действия в виртуальном пространстве;

2) напрямую связанных с юридически значимой идентификацией человека в цифровом пространстве – также входят в настоящее время в область правового регулирования в целях обеспечения законных прав, свобод и интересов граждан;

3) возникающих по причине реализации человеческих прав в виртуальном пространстве, в том числе и новых прав, например, право на доступ в Интернет;

4) связанных с активным внедрением в процесс правового регулирования общественных отношений робототехники. Здесь на повестку дня встает вопрос о правосубъектности как типичных (государство, физические лица, юридические лица), так и нетипичных (роботы, компьютерные механизмы)

5) и в связи с тем возникающих нетипичных объектов, финансовых и регулирующих компьютерных технологии, информации, криптовалюты;

6) связанных с использованием оцифрованных информационных массивов – информационных баз данных.

Эффективное развитие рынков и отраслей в цифровой экономике возможно только при наличии развитых платформ, технологий, институциональной и инфраструктурной сред, информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ). ИКТ оказывают существенное влияние на развитие традиционных отраслей экономики и являются неотъемлемой частью современных управленческих систем во всех сферах управления – в бизнесе, в области обеспечения обороны и безопасности государства, государственном управлении. Федеральным законом от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» предусмотрена реформа универсальных услуг связи, в рамках которой реализуется проект устранения цифрового неравенства (УЦН), направленный на обеспечение доступности услуг связи для людей, проживающих в сельской местности и, прежде всего, в удаленных и труднодоступных районах. Федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон «О связи» от 03.02.2014 № 9-ФЗ предусматривает создание точек доступа в населенных пунктах численностью от 250 до 500 человек и предоставление населению доступа к информационно-коммуникационной сети «Интернет» (далее – Интернет) на скорости не менее 10 Мбит/с.

Созданы электронные торговые площадки, внедрены электронные сервисы в сфере услуг, расширяется перечень государственных услуг, предоставляемых в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». На территории Российской Федерации функционирует сеть многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ). Основу предоставляемых в МФЦ услуг составляют услуги федеральных органов исполнительной власти и органов государственных внебюджетных фондов, включенные в перечни, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.09.2011 № 797. Предоставление указанных услуг в МФЦ обязательно на всей территории страны.

1 января 2018 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья», который устанавливает роль и место информационных технологий в отрасли здравоохранения, определяет правила создания новой отрасли экономики — цифрового здравоохранения. Издан приказ Минздрава России от 30 ноября 2017 г. №965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий».

Участники парламентских слушаний полагают, что при дальнейшей разработке необходимой нормативной базы следует обратить внимание на следующие проблемы.

Актуальной остается проблема цифрового неравенства, выражающаяся в отсутствии в малочисленных населенных пунктах доступа к услугам подвижной радиотелефонной связи и широкополосного доступа к Интернету. Разница в уровнях доступа к информационным технологиям в различных субъектах Российской Федерации сказывается на развитии сервисов электронного правительства и сервисов в сфере бизнеса, образования и культуры, а также не позволяет в полной мере реализовать право граждан и предпринимателей на предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде.

Значительное число решений, применение которых предлагается в целях развития цифровой экономики Российской Федерации, основано на использовании технологий, оборудования

и программного обеспечения, разработанных за рубежом, что в ущерб национальным интересам может создать угрозу превращения России в рынок сбыта данных продуктов с возможностью ограничения (прекращения) их поставок и технического обслуживания при отсутствии отечественных аналогов. Кроме того, большинство ресурсов, используемых в России для коммуникации и организации цифровых сервисов, также являются зарубежными. Данное обстоятельство влечет зависимость нашей страны от находящихся вне ее юрисдикции систем управления и обработки информации, несет угрозы одностороннего прекращения доступа к ним, накопления субъектами, находящимися на территории иностранных государств, существенных массивов данных, включая персональные данные граждан, сведения о субъектах экономической деятельности, иные сведения, имеющие потенциальную коммерческую ценность. Обработка указанных данных создает возможность получения информации о демографических показателях и состоянии отраслей экономики в целях ее использования в ущерб интересам Российской Федерации, получения необоснованных конкурентных преимуществ и доходов иностранными лицами.

Актуальным является вопрос нормативного регулирования рынка криптовалют и использования цифровых финансовых инструментов.

В Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года» поставлена задача по созданию системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрению гражданского оборота на базе цифровых технологий. В рамках национальной цели «Цифровая трансформация»:

- достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления;
- увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов;
- рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, до 97 процентов;

- увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 года.

В области государственного управления цифровизация существенно влияет на содержание компетенции публичных органов таким образом, что одни функции отпадают, а другие замещаются. В частности, вместо громадного потока отчетности и проверок все чаще используются аналитические и прогнозные разработки. Вводится новый оборот данных, который позволяет расширить информационную базу управленческих решений и действий, что существенно облегчает государственное управление [1, с. 151]. Особенно наглядны цифровые новации в сфере сервиса и социального обслуживания. Многие услуги уже полностью перешли в режим электронного общения посредством организации порталов, через которые граждане могут обращаться по вопросам реализации своих пенсионных, трудовых, жилищных и иных социальных прав. В области образования, науки и культуры восприимчивость социальной сферы к цифровизации также весьма заметна. Так, в условиях пандемии обучающиеся постепенно перешли в онлайн- режим получения знаний. В сфере экологии, охраны окружающей среды, сбережения климата, лесных массивов и других природных богатств мониторинг с помощью новых технических средств также имеет существенное значение.

Предмет правового регулирования под влиянием цифровизации постоянно преобразуется, но социальная роль права в упорядочении общественных отношений не меняется. При этом его функциональное воздействие наполняется новым содержанием, что находит отражение прежде всего в динамично развивающемся отраслевом законодательстве: гражданском [3, с. 212], трудовом, экологическом, административном, образовательном, медицинском и др.

В частности, в Гражданском кодексе Российской Федерации появляются статьи о цифровых правах, Трудовой кодекс Российской Федерации совершенствуется с учетом современных режимов трудовой деятельности. В целом отраслевое законодательство несмотря на довольно высокий уровень развития, нуждается в модернизации, чтобы граждане и юридические лица легко взаимодействовали с помощью электронных технологий.

Помимо отраслевого законодательства необходимо акцентировать внимание на появлении общих правовых актов, которые создают базу цифровизации. Еще в 2017 году была разработана Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, успешно реализуется мощная государственная программа «Информационное общество», принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, действует специальное законодательство о цифровых финансовых активах. Все это создает предпосылки внедрения цифровых технологий в жизнь.

Право — это по-прежнему очень существенный механизм, который обеспечивает как стабильность, так и необходимую преобразовательную деятельность личности и публичных институтов. Но при этом цифровизация и новые IT-технологии неумолимо вынуждают преобразовывать характер деятельности субъектов права, менять объемы их правоотношений, расширяют горизонт будущей деятельности.

В заключение попробуем выделить приоритетные тенденции развития российского права в условиях становления цифрового общества:

- 1) трансформация права и правового регулирования отношений, а также изменение правовой системы общества в целом;
- 2) конвергенция отраслей публичного и частного права;
- 3) изменение отраслевых принципов права;
- 4) появление новых субъектов и объектов права;
- 5) законодательное закрепление пределов цифровой трансформации права;
- 6) изменение правового статуса личности (права, свободы, обязанности, гарантии, правосубъектность, юридическая ответственность);
- 7) разработка новых механизмов защиты прав личности;
- 8) переосмысление юридических понятий и конструкций;
- 9) появление новых составов правонарушений;
- 10) цифровизация законотворчества и правоприменения, алгоритмизация юридической деятельности.

Дальнейшее развитие коммуникативных, информационных технологий обеспечивает новый виток развития научно-технического прогресса и трансформацию общества на новой фазе развития, определяемой эпохой постмодерна. Огромное значение в

условиях цифровизации приобретает сохранение нравственных основ права, его организующей и мобилизующей роли в жизни общества, поскольку право все более становится инструментом применения цифровых технологий. Современное общество с помощью нормативности должно обеспечивать регуляцию общественной жизни в условиях цифровизации на основе общечеловеческих нравственных ценностей.

Список литературы

1. Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах: научно-практическое пособие / Т.И. Чурсина, Н. Б. Крысенкова, Ф. А. Лещенков, Н. Ю. Трещенкова; отв. ред. А.Н. Пилипенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2021 – 232 с. – ISBN 978-5-9998-0366-5.
2. Хашин, Д. О. Взаимосвязь права и цифровизации сфер общественных отношений / Д. О. Хашин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 28 (266). – С. 158-160. – URL: <https://moluch.ru/archive/266/61640/> (дата обращения: 19.03.2024).
3. Синицын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации . Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования . М .:Инфотропик Медиа, 2020 . 212 с .
4. Талапина Э. В., Южаков В. Н . и др . Оборот данных в государственном управлении:перспективы правового регулирования . М .: Дело, 2020 . 244 с .
5. Боголюбов С. А. Развитие экологического права на евразийском пространстве: - М .:ИНФРА-М, 2020. – 432 с .

УДК 005.44:316.772

Н. Н. Власова

(ассистент кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

Аннотация. В статье исследуются межкультурное взаимодействие между представителями разных народов, распространение единых культурных стереотипов. Рассматривается влияние глобализации на межкультурную коммуникацию в современном мире.

Ключевые слова: глобализация, межкультурная коммуникация, культура.

N. N. Vlasova

(Assistant Department of Philosophy)

Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON INTERCULTURAL COMMUNICATION

Annotation. The article explores intercultural interaction between representatives of different peoples, the spread of common cultural stereotypes. The influence of globalization on intercultural communication in the modern world is considered.

Key words: globalization, intercultural communication, culture.

На протяжении всего XX в. мир становится все более зависимым, взаимосвязанным. Эта тенденция мирового развития получила название глобализации. Сегодня процесс глобализации охватил все сферы человеческой жизни. Глобализация- это процесс политической, экономической и культурной интеграции мирового сообщества. Глобализация в сфере культуры характеризуется двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, происходит унификация культуры, поскольку во всем мире получают распространение единообразные привычки, нормы и мнения. С другой стороны, в современной культуре проявляется мультикультурализм

– установка на сохранение и развитие в отдельной стране и в мире традиционных элементов различных культур. Межкультурная коммуникация – это взаимодействие между представителями различных народов, включающая в себя как вербальные, так и невербальные аспекты общения.

Цель работы – рассмотреть как влияет глобализация на межкультурную коммуникацию в современном мире. Задача – определить специфику развития межкультурного общения и его влияние на процессы глобализации.

В современном мире для того, чтобы столкнуться с необходимостью межкультурного взаимодействия, зачастую вовсе не требуется покидать родную страну. В наши дни экономическая глобализация привела к тому, что многие компании имеют свои отделения в самых разных странах и, соответственно, набирают персонал по всему миру. Хорошим примером, свидетельствующим о значимости культурных нюансов, является опыт работы общего подразделения американской, немецкой и японской компании. Когда в офисе собрались около ста сотрудников из разных стран мира, оказалось, что психологическое напряжение возрастает с каждым днем. Немецких разработчиков шокировало поведение японских коллег, которые, казалось, спали во время заседания. Немцы не могли себе представить, что у японцев распространен обычай прикрывать глаза, если обсуждаемый вопрос не относится непосредственно к компетенции данного сотрудника. Японцы, испытывали дискомфорт от необходимости работать в маленьких персональных офисах, потому что они привыкли к многолюдным помещениям, где легко обмениваться текущей информацией и свежими идеями. Американцы жаловались, что немцы чрезмерно педантичны и увлекаются планированием, а японцы уклоняются от принятия четких решений и никогда не высказывают своего мнения прямо и определенно [1, с. 83].

Процессы в глобализирующемся мире свидетельствуют, что формирование культурной целостности сопровождается возникновением новых, ранее неизвестных проблем. Расширение межкультурных контактов влечет кризисы, трансформацию мировоззрения, инновационные поиски в каждой культуре. Взаимодействие культур порождает необходимость переоценки межкультурных контактов и собственной культурной идентичности на основе идей меж-

культурной толерантности, адекватного восприятия культурных различий. Особое значение приобретает проблема взаимопонимания и взаимодействия между представителями разных культур.

Многим людям присущ этноцентризм – убеждение (нередко подсознательное) в том, что «нормально» общаться с окружающими можно только по правилам его собственной культуры. Этноцентризм представляет собой психологическую установку воспринимать «чужие» культуры и поведение их представителей, основываясь на ценностях и нормах «своей» культуры, оценивая поведение представителей других культур, руководствуясь установками родной культуры. Способность различения «своего» и «чужого» является основой определения собственной культурной идентичности [2, с. 205-206]. В ответ на процессы глобализации и унификации культуры возникают мощные течения традиционалистской направленности: говорить о необходимости мер по сохранению «традиционных основ национальной культуры».

Многие социально-экономические механизмы, действующие в современном мире, способствуют распространению единых культурных стереотипов. Важную роль в этом играет феномен «общества потребления», в условиях которого высшей целью и ценностью человеческой жизни считается создание комфортных условий существования, а показателем жизненных достижений человека становится уровень благосостояния, отраженный в престижных приобретениях. Во многих странах мира люди покупают товары одних и тех же марок, смотрят одну и ту же рекламу, что способствует внедрению единых культурных моделей. Особая сфера единообразного потребления – сфера массовой культуры. К категории массовой культуры принято относить популярные произведения, отличающиеся доступностью содержания, в противоположность произведениям элитарной культуры, для понимания которых необходима общекультурная и художественная эрудиция. Доступные продукты массовой литературы, кинематографа, разнообразные медиа – материалы легко распространяются по всему миру, образуя единое пространство, к которому равно приобщаются и в котором равно ориентируются люди из самых разных стран, говорящие на совершенно разных языках. Как следствие, принципиально изменяются основания для ощущения культурной общности: у людей из разных стран, говорящих на разных языках, но относящихся к одной субкультуре, может быть больше поводов для об-

щения, чем у людей, выросших в одной стране и говорящих на одном языке [3, с. 105].

Глобализация- противоречивый процесс, который открывает не только новые возможности для сотрудничества народов, но и создает или углубляет целый ряд проблем, оказывающих негативное воздействие на мировое развитие. Это неравномерность развития глобализационных процессов. Одни страны активно используют открывшиеся перспективы в своих интересах, другие в силу политической изоляции, слабых технологических и экономических возможностей, оказались на периферии глобальных процессов. Это усиливает неоднородность современного мира, делает его более противоречивым. В контексте этих процессов особое значение приобретает проблема взаимопонимания и взаимодействия между представителями разных культур. В международной коммуникации особую роль играет обладание участниками взаимодействия социокультурной компетенции, позволяющей успешно вести повседневный разговор.

Глобализация оказывает значительное влияние на распространение одной культуры в другие культуры во всех сферах общественной жизни таким образом создавая условия для установления межкультурного баланса и повышения роли одной культуры в мире. На сегодняшний день межкультурная коммуникация в условиях глобализации является центральной. Это связано с миграционными потоками и с интенсификацией информационно-коммуникативного пространства. Глобализация способствует динамичному развитию межкультурных контактов обществ, социальных групп и индивидов, созданию новых социокультурных образований.

Список литературы

1. Основы деловой коммуникации: учеб. Пособие по рус. Языку и культуре речи/Д.А. Шукина и др. – СПб. : Мир русского слова, 2011.- 266с.
2. Новикова О.С. Межкультурная компетентность в глобализирующем мире /О.С. Новикова//Философия и космология. 2009.- С.205-2013
3. Тимашева О.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие/ О.В. Тимашева.: ФЛИНТА,2014.-192с.

УДК 37.01

С. Ф. Шатилов

(к. филос. наук, доцент)

Г. А. Быковская

(д. ист. наук, профессор)

Воронежский государственный
университет инженерных технологий
(г. Воронеж, Российская Федерация)**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ В РУСЛЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ
ФОНДА «ПРАВОСЛАВНАЯ ИНИЦИАТИВА»**

***Аннотация.** Статья анализирует возможности ГРАНТовой программы «Православная инициатива» для воспитания молодого поколения в контексте образовательно-воспитательного процесса в ВУЗах и средних образовательных учреждениях Воронежской области. Авторы доказывают необходимость обновления методики воспитательной деятельности, которая в современных условиях должна быть понятна и адекватна интересам школьной и студенческой молодежи. В этом контексте востребованы квизы и просветительские марафоны.*

***Ключевые слова:** воспитание, духовно-нравственные ценности, ВУЗ, РПЦ, просветительская деятельность.*

S. F. Shatilov

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

G. A. Bykovskaia

(Candidate of Philosophical Sciences, Professor)

Voronezh State University of Engineering Technologies
(Voronezh, Russia)**THE CONTINUITY OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES IN
LINE WITH THE IMPLEMENTATION OF THE PROGRAMS
OF THE ORTHODOX INITIATIVE FOUNDATION**

***Annotation.** The article analyzes the possibilities of the grant program «Orthodox Initiative» for the education of the younger generation in the context of the educational process in universities and secondary educational institutions of the Voronezh region. The authors prove the need to update the methodology of educational activities, which in modern conditions should be understandable and adequate to the interests of school and student youth. In this context, quizzes and educational marathons are in demand.*

Key words: *education, spiritual and moral values, university, ROC, educational activities.*

В современных условиях остро встал вопрос о преемственности поколений, о передаче духовных ценностей российской цивилизации от старшего поколения к молодому. Изменение жизненных приоритетов повлияло на восприятие традиций, акцентов в духовно-нравственной сфере. В связи с этим, возникает необходимость рассмотрения вопроса о формах и механизмах преемственности в сфере духовного производства. При решении подобных задач будут востребованы только понятные молодежи и соответствующие их восприятию мира формы работы. В высших учебных заведениях контакт с молодежью на адекватном современному состоянию молодежной аудитории уровне выстраивается и научная работа, и образовательно-воспитательный процесс. Преподаватели кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий уже пробовали в своих научных работах обосновать необходимость применения появившихся у студенческой молодежи форм общения [1]. Озаботились и поиском финансирования этих мероприятий.

В рамках поиска финансирования научной и воспитательной деятельности, проводимой в высших учебных заведениях, преподаватели кафедры философии и истории ВГУИТ попытались наладить сотрудничество с фондом «Православная инициатива». Международный открытый ГРАНТовый конкурс, был объявлен Русской православной церковью по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Координационный комитет по поощрению социальных, образовательных, информационных, культурных и других инициатив под эгидой РПЦ предложил в 2024 году целый ряд направлений работы с молодым поколением. Для разработки проекта во ВГУИТ было выбрано следующее направление: традиционные семейные ценности как основа духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания. Ключевая идея номинации оказалась близка каждому из преподавателей ВУЗа. Это воспитание гармонично развитой и социально-ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей [2].

Подготовленный проект направлен на решение приоритетной и актуальной для государства, Церкви и российского общества

проблемы – защиты, сохранения и распространения традиционных духовно-нравственных ценностей среди российской молодежи. Проект предусматривает проведение ряда мероприятий образовательного и воспитательного характера на основе привлечения культурного потенциала Русской Православной Церкви участием учащейся молодежи. Планируется проведение следующих мероприятий.

1) Студенческий форум «Духовные ценности России».

2) Молодежный квиз «Православные храмы и монастыри земли Воронежской».

3) Просветительский марафон «Духовные центры родного края».

Ожидаемые результаты реализации проекта: обладание знаниями и представлениями о традиционных российских духовно-нравственных ценностях; приобретение опыта ценностного восприятия и позитивного отношения к своей стране, родному краю, своему народу, отечественному культурно-историческому наследию; формирование навыков участия в общественно полезной и лично значимой деятельности. Именно о достижении указанных результатов не раз говорили гуманитарии [3].

Сегодня в условиях жесткого противостояния России с Западом, через СМИ, сеть Интернет и другие информационные источники транслируется искаженный взгляд на факты истории нашей страны, отрицается роль России в развитии мировой культуры, осуществляются попытки аннулирования и полного отрицания присущих гражданам России традиционных идеалов и ценностей. Особым объектом воздействия для западных пропагандистов является российская молодежь [4]. Запад пытается оказывать на нее идеологическое и психологическое воздействие, внедряя в ее среду чуждую систему псевдоценностей, разрушающих вековые традиции и нравственные устои семьи, культивирующих эгоизм и индивидуализм, безнравственность и вседозволенность. О необходимости защиты молодежи от разрушения ценностных скреп российского общества говорится в Указах Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5] и «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [6]. Проблему воспитания российской молодежи как одного из главных общественных приоритетов, от которого зависит даль-

нейшее существование России, постоянно поднимает в своих выступлениях Патриарх Кирилл. Таким образом, задача защиты базовых российских традиционных духовно-нравственных ценностей, их сохранение и распространение в молодежной среде становится наиболее насущной и актуальной. Предлагаемый проект призван внести свой вклад в решение этой проблемы.

Цель проекта: духовно-нравственное развитие студентов и школьников посредством проведения комплекса мероприятий на основе культурного потенциала Русской Православной Церкви и вузов России, направленных на сохранение, прививание и распространение традиционных российских ценностей в молодежной среде.

Вовлечение благополучателей в проект будет осуществляться путем непосредственного участия в мероприятиях с прозрачными правилами и критериями, обратной связью, информированием о результатах. Имеются в виду следующие благополучатели: №1 – это учащиеся выпускных классов средних общеобразовательных учреждений, №2 – студенты первого и второго года обучения в ВУЗе.

В соответствии с мероприятиями определены были задачи реализации проекта. Задача 1: ознакомить студентов и школьников с прошлым и настоящим наиболее значимых храмов и монастырей Воронежской области, их ролью в сохранении традиционных ценностей и потенциалом в духовно-нравственном воспитании молодежи. Задача 2: способствовать формированию школьникам и студентам умения выстраивать эффективную коммуникацию, научить молодое поколение выявлять реперные точки в сохранении и развитии духовных ценностей России. Задача 3: развивать способности к поиску решений проблемных вопросов по истории православных храмов и монастырей как объектов культурного наследия и центров духовно-нравственного развития молодого поколения. Задача 4: создание медиа-ресурсов для организационного и информационного сопровождения проекта и проводимых в его рамках мероприятий [7].

Назовем партнеров, с которыми ведется работа в рамках проекта. Во-первых, планируется совместная деятельность с коллективами преподавателей и школьников МБОУ СОШ № 83, 87, Лицей № 1. Во-вторых, в совместных проектах заинтересованы и другие партнеры. Письма поддержки проекта были получены от Воронеж-

ской духовной семинарии, Отдела по работе с молодежью Воронежской епархии, Воронежского отделения «Объединения православных ученых», Отдела по связям с общественностью ВГУИТ.

Информация о проведении мероприятий проекта будет размещена в газете университета «За науку» и ее сетевом издании, на сайте ФГБОУ ВО «ВГУИТ», в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», на официальных сайтах партнеров проекта, членов команды проекта.

В ходе Просветительского марафона участники заполняют страницы Онлайн-платформы проекта. По итогам Студенческого форума готовится информация для областных и вузовских изданий, периодической печати, СМИ и т.п. На учебных занятиях участники квиза представляют актуальную информацию для проекта.

Определим намеченные качественные результаты. Это: повышение культурного и образовательного уровня студенческой и школьной молодежи, формирование у нее высокого духовно-нравственного чувства и патриотического сознания. Как планируется оценивать качественные результаты проекта: планируется в рамках квиза проверка усвоенных знаний, на молодежном форуме, через социальные сети планируется мониторинг восприятия результатов проекта.

Если же говорить о количественных результатах, то проект предусматривает проведение ряда мероприятий, в которых будет задействовано более одной тысячи молодых людей (студентов и школьников). Как будет организован мониторинг достижения количественных результатов: это регистрация участников на Онлайн-площадке, списки участников мероприятий, фотоотчет.

ГРАНТовый комитет в заявке потребовал отразить продукты, которые будут созданы в результате проекта. Наш коллектив решил в качестве продукта проекта считать то, что в ходе мероприятий будет удовлетворена потребность в знаниях о своем крае, о традиционных православных ценностях, о ценностных ориентирах российской цивилизации, планируется составить карту культурных богатств города Воронежа, значимых православных церквей и монастырей.

Отметим, что планируется дальнейшее развитие и финансирование проекта. Необходимо сделать проект ежегодным с поиском и осуществлением новых форм его реализации.

Список литературы

1. Быковская Г.А., Карташова Е.Ю., Мирошниченко Е.Н. Система духовно-нравственного воспитания студенчества во ВГУИТ // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2014. – №1. – С. 37-40.
2. Быковская Г.А., Македонская В.А. Патриотизм Русской Православной Церкви как фактор служения // Духовно-нравственное воспитание студентов технического вуза: сб. матер. конф. – 2016. – С. 24-33.
3. Makedonskaja V., Bykovskaia G., Mirosnichenko E. Socio-cultural integration in the youth environment: the high school experience // E3S Web of Conferences. 8. Ser. «Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020». – 2020. – С. 18053.
4. Быковская Г.А., Иноземцев И.В., Злобин А.Н. Гражданско-патриотическое воспитание студентов как инструмент социального развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. №3-1. – С. 15-24.
5. Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Электронный ресурс. – Код доступа: [<http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>].
6. Указ Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Электронный ресурс. – Код доступа: [<http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>].
7. Шатилов С.Ф. Формирование научно-образовательной среды вуза: философский аспект // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук: серия «Модусы современности в контексте гуманитарных дисциплин». – Вып. 5 (47). – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2023. – С. 36-44.

УДК 37.013.3

И. И. Ковалёва

(к. ист. наук, доцент)

А. В. Писарева

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли

им. М. Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

РОЛЬ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Аннотация. Данная статья представляет собой попытку авторов проследить важность гуманитаризации как основы новой парадигмы образования на современном этапе в России. Показать значимость методологии гуманитарных наук в формировании личности будущего гражданина в условиях глобального цивилизационного противостояния.

Ключевые слова: гуманитарность, гуманитаризация, ценности, ценностные установки, образование, методология гуманитарных наук.

I. I. Kovaleva

(Candidate of Historical Sciences, Associate Professor)

A. V. Pisareva

(Senior Lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade

named after M. Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

THE ROLE OF HUMANITARIZATION OF EDUCA- TION IN THE CONTEXT OF GLOBAL CIVILIZATIONAL CONFRONTATION

Annotation. This article is an attempt by the authors to trace the importance of humanitarization as the basis of a new paradigm of education at the present stage in Russia. To show the importance of the methodology of the humanities in the formation of the personality of a future citizen in the context of global civilizational confrontation.

Key words: humanities, humanitarization, values, values, education, methodology of the humanities.

Любая социальная система в своем внутреннем конструкте стремится к достижению максимального баланса и гармонии между ее элементами. Ведь именно стабильность избавляет систему от кризисных состояний и позволяет ей существовать и функционировать с максимальной эффективностью.

Поскольку именно человек является основной структурной единицей любой социальной системы, то естественным выступает тот факт, что одной из главных составляющих истинной долгосрочной стабильности общества является внутреннее состояние человека, охватывающее все сферы его жизни. Однако, чтобы достичь такого состояния, необходима помощь, и вот как именно оказать эту помощь – это вопрос, который требует решения на основе современных научных знаний. И гуманитарные науки играют важную роль в получении научного понимания о человеке в различных аспектах.

Все кризисные явления нашего времени имеют общий корень. Проблема заключается в том, что все проекты человека, основанные на идеях гуманности, до последнего времени строились на основе «человека желания». В своем стремлении к саморазвитию человек разрушает окружающую среду, которая питает его. В результате, к XXI веку мы столкнулись с ресурсным кризисом, который имеет своим корнем антропологический кризис – недостаточность и опасность базового проекта «человека желания». Этот чудовищный процесс сведения человеческой жизни к максимальному и безостановочному потреблению материальных благ пожирает Мир, не только разрушая его, но и примитивизируя самого человека, превращая развитие в бесконечную борьбу за выживание, за поиск более «теплого» места у кормушки.

Следовательно, мы сталкиваемся с неотложной потребностью в развитии нового, нестандартного идеала человека, или, другими словами, гуманитарного образования, задача которого заключается в формировании человечности в каждом человеке на основе развития нового концепта человека, отличающегося от концепции «человека желания».

Гуманитарность не ограничивается набором определенных умений и навыков, которые человек приобретает в течение жизни, и не сводится к общему знанию, включая знание о самом человеке. Гуманитарность не является просто знанием вообще, она отражает масштаб и степень самоопределения человека в культуре. Быть гу-

манитарно образованным не обязательно означает быть историком или культурологом, это, прежде всего, означает быть человеком, который определяет себя в культуре через различные культурные практики, включая такие как инженерия, дизайн, программирование и другие, отвечающие за воспроизводство и осуществление культуры.

Современный период, его нелинейность, неустойчивость, динамика порождают такие вызовы, которые, воспринимаясь профессией, преобразуют ее характер и содержание. Исходя из этого, под влиянием иного устройства знания и образования, ухода от прозрачной структуры и устойчивой предметности содержания в условиях сетевого устройства мира возникает трансфессия (термин введен в научный оборот с 90-х гг. XX в., которая приобретает признаки непрерывной коммуникативности, множественности целевых установок, органического единства разных научно-профессиональных компетенций и знаний широкого спектра наук, как естественных, так и гуманитарных [1, 2].

В современной эпохе всеобщей глобализации и распространения интернета, проблема навигации и принципов организации мирового знания и культуры становится все более актуальной и является основополагающей в философии образования. Гуманитарно образованный человек обретает новое качество – он становится трансфессионалом и сетевым навигатором. Он не просто учится получать знания, он сам создает свой собственный путь, строит индивидуальную траекторию своего образования. Его образование открыто и безгранично.

Бытует мнение, что гуманитарное познание в принципе неточно и беспредметно в силу ограниченности использования математических методов. Однако именно гуманитарное знание обогащает внутренний мир человека, придаёт деонтологический смысл его деятельности.

Ценности и ценностные установки современного человека, особенно молодежи, формируются в процессе образования. Однако цель образования состоит не только в транслировании конкретной суммы знаний и выработке на этой основе определенного ряда компетенций в определенной области, но и в том, чтобы помочь самореализации личности молодого человека. Так, знания должны быть осмыслены и интерпретированы в контексте современной картины мира, просеяны через этические принципы и увязаны с

первостепенными целями и проблемами общества в настоящее время. Поэтому основная задача высшего профессионального образования заключается в том, чтобы студенты вузов освоили систему знаний и навыков, которая научит их критически и независимо мыслить, самостоятельно искать решения сложных эвристических задач, видеть проблематику в широком системном контексте.

Из выше приведенного вытекает неотложная необходимость привития молодому поколению общечеловеческих ценностей и основ гуманизма, а также ценностей традиционного характера, лежащих в основе жизнедеятельности конкретной социальной структуры, частью которой является человек. Решение данной проблемы заключается в гуманизации и гуманитаризации образования.

Гуманистическая ориентация приводит к развитию человека во всех сферах, что позволяет ему решать не только текущие проблемы, но и более сложные задачи, возникающие в обществе. Принципы гуманизма являются исторически изменяющейся системой взглядов, которая признает ценность каждого человека, его право на свободу, развитие и проявление своих способностей.

Гуманитаризация представляет собой широкомасштабное внедрение гуманитарных принципов и подходов практически во все науки, что проявляется, во-первых, в увеличении доли специалистов гуманитарного профиля, во-вторых, в повышении гуманитарной культуры каждого специалиста, и, в-третьих, в обогащении научного знания гуманитарной компонентой.

В настоящее время всеобщим признанием пользуется тезис о том, что только тщательная и всеобъемлющая гуманитарная подготовка способна вооружить будущего специалиста пониманием современного общества, роли человека в нем и его социальной миссии. Исходя из этого утверждения и осознавая необходимость подготовки молодых людей не только к профессиональному будущему, но и, прежде всего, к жизни в обществе, следует радикально пересмотреть не только саму парадигму гуманитарного образования, но и изменить отношение к процессу преподавания гуманитарных дисциплин адекватно требованиям, выдвигаемым самим временем и вызовам социально-политической обстановки [3].

Долгое время потенциал системы высшего образования был направлен на развитие интеллектуальных способностей молодого поколения. Однако, и сегодня это особенно четко видно, одного интеллекта недостаточно для того, чтобы считаться всесторонне

развитым, высокодуховным человеком. Ведь интеллектуально развитая личность может быть эгоцентричной по своей сути и применять свои знания во вред другим. В то же время человек, обогащенный морально-нравственными ценностями, характеризуется направленностью на общее благо, стремлением к гармонии. Поэтому гуманитарные науки должны быть направлены не на простое насаждение в умы молодых определенного набора теоретизированных нравственных понятий и моральных приоритетов, а на помощь в процессе приложения этих принципов к конкретным ситуациям, что особенно важно в обстановке противостояния ценностно-мировоззренческих систем [4].

Система образования в данном случае призвана выполнять компенсаторную функцию для формирующейся личности, своевременно создавая гармоничные условия для становления ее (личности) мировоззренческих ориентиров, моральных императивов и гражданско-правовой культуры в целом.

Колоссальную роль в этом процессе играет, безусловно, такая дисциплина как «История», и этому вопросу в последние годы уделяется особое внимание в образовательных стандартах образования. И не только. Так, выступая на встрече с лауреатами и финалистами конкурса «Учитель года», Президент России Владимир Путин отметил, что для хорошего знания истории нужно уметь анализировать информацию, понимать причины и последствия событий, чтобы в будущем не повторять ошибки прошлого [5].

Он подчеркнул, что главная, стержневая линия, которая должна проходить через весь курс преподавания истории, – это «объективность и непредвзятость, уважение к собственному прошлому, любовь к своей родине» [6].

Исходя из личных педагогических наблюдений, мы с сожалением можем констатировать факт «лоскутного» восприятия студенческой молодежью истории нашего Отечества. Многие суждения по актуальным вопросам исторического прошлого нашей Родины носят поверхностный, шаблонный характер. Отсутствует либо очень слабо выражен когнитивный принцип причинно-следственных связей.

Кроме того, следует отметить низкий уровень либо полное отсутствие у многих студентов личной заинтересованности в более углубленном, всестороннем изучении нашего исторического прошлого. По-видимому, корни этой ситуации – в школьной системе

преподавания истории в целом, нацеленной на механическое краткосрочное запоминание информации для успешной сдачи Государственной итоговой аттестации.

Проблемность ситуации подтверждается результатами экспресс-опроса, который проводится в каждой студенческой группе, приступающей к изучению дисциплины «История России» на первом, вводном занятии.

Опросник включает в себя 4 вопроса:

1. Назовите несколько основных событий, которые, по Вашему мнению, определили историческое развитие России.
2. Самый интересный период в истории России (Ваше мнение).
3. Изучение какой темы в школе запомнилось больше всего?
4. Отметьте по 10-ти балльной шкале:
 - важность изучения истории России
 - Ваш интерес к истории России.

Контрольным вопросом, ответ на который является наиболее показательным и информативным с точки зрения истинного отношения учащейся молодежи к исторической проблематике, является четвертый вопрос. Анализ ответов показывает, что подавляющая часть студенческой аудитории (более 90%) считают важным изучение истории России, однако наличие интереса к этому изучению фиксируется только у 40% респондентов.

Таким образом, данная дихотомия сознания демонстрирует серьезный разрыв между должным и нужным и именно эту разбалансированность необходимо преодолеть, причем в кратчайшие сроки.

При этом, конечно, не следует забывать, что важнейшая *функция толкования и актуализации* глубинных причин и закономерностей исторических фактов, событий и социально-политических процессов на самом деле возложена сегодня не только на «Историю», и, безусловно, на весь комплекс дисциплин гуманитарного блока, преимущественно в системе высшего образования, а именно на «Философию», «Социологию», «Этику», «Культурологию», «Политологию», «Экономику» и другие [7]. Важно отметить, что с 2023 учебного года в систему высшего образования введена дисциплина «Основы российской государственности», на которую возложена комплексная задача не просто по изучению исторических фактов, а именно по разъяснению

смыслов, причинно-следственных связей становления российской государственности, особенностей формирования уникальных цивилизационных черт России в ходе исторического процесса. И на сегодняшний момент именно на эту дисциплину возложена строжайшая функция по определению векторов актуализации всего спектра гуманитарных и общественно-политических наук. [8].

Кроме того, необходимо учесть, что процессы развития гуманизации и гуманитаризации образования не должны сводиться к конкретным педагогическим методам или техникам, или простому изменению распределения учебного времени в пользу гуманитарных дисциплин за счет других. Важно помнить, что гуманистическая педагогика в первую очередь ориентирована на индивидуализацию и дифференциацию обучения, а также на использование положительных мотиваций, основанных как на универсальных, так и национально-культурных ценностях. И, намерение ухода от так называемой Балонской системы в данном ключе, вероятно, откроет более широкие возможности для пересмотра учебных планов по выстраиванию новых балансов в формировании не просто компетенций, определённых ФГОС, а в работе по формированию мировоззренческих принципов самореализации молодого поколения в нашей стране.

Но на сегодняшний момент, по мнению авторов, возникает следующая методологическая дилемма – как именно должен определяться педагогический подход, особенно в преподавании гуманитарных дисциплин, при формировании личности будущего гражданина – отдавать приоритет унифицированным методикам преподавания или дифференциации в зависимости от «исходных» данных.

Проблематика обозначенного вопроса видится авторам в нескольких аспектах:

- ценностные ориентации и целеполагание в работе профессорско-преподавательского состава;
- какая именно шкала ценностных ориентаций должна быть усредненным нормативом для оценки уровня ценностей и их изменения в процессе обучения;
- значимость выявления мотиваций студентов к реализации своего личностного и профессионального потенциала на благо страны в будущем.

Иными словами, важно четко определить – *кто, кого и с какой целью* будет обучать, воспитывать, какие ценности и как именно будет возвращать и какой будет определен эталон [7].

В заключение можно сделать вывод о том, что гуманизация и гуманитаризация системы высшего профессионального образования не являются просто модным трендом. История показывает, что отсутствие гуманности и гуманитарных ценностей (таких собственных нашему исконному цивилизационному мировоззренческому коду!) ведет к разрастанию бездушности, укреплению нездорового индивидуализма, серьезным проблемам в обществе, связанным со сложностями в самоидентификации и соотношении с окружающим миром в условиях современного цивилизационного противостояния. Современное гуманитарное образование должно формировать молодое поколение как активных граждан, которые понимают социальную реальность и верят в свою способность влиять на социальные процессы. Это особенно важно для нашего государства в столь непростое время.

Список литературы

1. О.И. Генисаретский. Культурно-антропологическая перспектива. [Электронный ресурс] — URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2755>.
2. О. Н. Тулупова, Г. И. Петрова Теоретико-методологические установки определения понятий «профессия» и «трансфессия»: сравнительный анализ [Электронный ресурс] — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-ustanovki-opredeleniya-ponyatiy-professiya-i-transfessiya-sravnitelnyy-analiz?ysclid=lt1je4egcr730249947>.
3. И.И. Ковалева О роли социально-гуманитарного образования в формировании ценностных ориентаций молодого поколения. Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения: Материалы Международной научно-практической конференции (Донецк, 24 октября 2018 г.) / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – 475 с. – С.121-123.
4. Социально-гуманитарное образование: ориентации, практики, ресурсы совершенствования / Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Дымарская О. Я., Чередниченко Г. А. — М.: ЦСП, 2006. — 264 с. [Электронный ресурс] — URL: <https://elibrary.ru/qoffwh>.

5. Путин рассказал о важности знания истории для будущего – ТАСС, 5 октября 2021, 15:23) [Электронный ресурс] — URL: <https://tass.ru/obschestvo/12582417?ysclid=lt2o45pos7256561105>.
6. Владимир Путин: Основа преподавания истории - любовь к Родине) Единая Россия, официальный сайт партии, 16 января 2014, 16:15 [Электронный ресурс] — URL: <https://spb.er.ru/activity/news/prepodavanie-istorii-podhody-i-logika?ysclid=lt2oe9pb4t173894239>.
7. Ковалева И.И., Писарева А.В. Роль социально-гуманитарных наук в патриотическом воспитании молодёжи // Материалы международной научно-методической конференции. Воронеж, 2021, 322С. Издательство: Воронежский ЦНТИ - филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России. С. 164-167 [Электронный ресурс] — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45791517>.
8. Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Госсовета от 29 января 2023 г. № Пр-173ГС [Электронный ресурс]
– URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Армен Анастасия Сергеевна** – к. филос. наук, доцент кафедры философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
2. **Бардаков Алексей Иванович** – (д. полит. наук, доцент), Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, (г. Волгоград, Российская Федерация).
3. **Быковская Галина Алексеевна** – д. ист. наук, профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий, (г. Воронеж, РФ)
4. **Вилкова Наталья Александровна** – аспирант, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Волгоград, РФ).
5. **Виммер Каролус** – д. полит. наук, Венесуэльский центр марксистских исследований «Сальвадор де ла Плаза», Центральный университет Венесуэлы (г. Каракас, Венесуэла).
6. **Власова Наталья Николаевна** – ассистент кафедры философии, Донецкого национального технического университета (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
7. **Гижа Андрей Владимирович** – к. филос. наук, доцент кафедры философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
8. **Горбатый Роман Николаевич** – к. юрид. наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции, Донбасская аграрная академия (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
9. **Горбачёв Константин Петрович** – аспирант каф. философии ДонНТУ, член комиссии с правом решающего голоса, работающий на постоянной (штатной) основе), Избирательная комиссия Запорожской области (г. Мелитополь, Запорожская область, РФ).
10. **Давыденко Элина Николаевна**, к. филос. наук, доцент кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
11. **Демидов Сергей Сергеевич** – старший преподаватель кафедры правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).

12. **Измайлова Джамиля Ибрагимовна** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
13. **Ковалёва Ирина Игоревна** – к. ист. наук, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
14. **Кондратьев Олег Владимирович** – к. юрид. наук, доцент, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
15. **Коппе Ренате** – доктор ист. наук, Международный отдел Германской компартии, газета «Unsere Zeit», (г. Бонн, Федеративная Республика Германии).
16. **Кухтин Михаил Михайлович** – кандидат политических наук, доцент, Донецкий национальный университет, (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
17. **Лукьянченко Александр Павлович** – ст. преподаватель, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
18. **Лустин Юрий Михайлович** – к. филос. наук, доцент кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени М. Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
19. **Максименко Анастасия Васильевна** – аспирант кафедры философии, Донецкий национальный технический университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
20. **Мармазова Ольга Ивановна** – к. ист. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Донецкая государственная музыкальная академия имени С. С.Прокофьева (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
21. **Нафанец Елена Александровна** – старший преподаватель кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).

22. **Одинцова Елена Алексеевна** – юр. наук, профессор кафедры правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
23. **Отина Анна Евгеньевна** – к. филол. наук, доцент (г. Оттава, Канада).
24. **Петрова Елена Игоревна** – к. филос. наук, кафедра правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
25. **Пефтиев Олег Владимирович** – к. юр. наук, доцент кафедры правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
26. **Писарева Анна Владимировна** – Старший преподаватель кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
27. **Рагозина Татьяна Эдуардовна** – д. филос.н., доцент, зав. кафедрой философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
28. **Ретинский Станислав Григорьевич** – аспирант кафедры философии, Донецкий национальный технический университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).
29. **Ромадыкина Виталия Сергеевна** – к. филос. наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва, РФ).
30. **Селюков Сергей Александрович** – Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород, РФ).
31. **Соловьёва Раиса Петровна** – к. ист. наук, доцент, доцент кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени

- Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
32. **Соловьёва Юлия Михайловна** – ассистент кафедры экономической теории Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).
 33. **Сулимов Станислав Игоревич** – к. филос. наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Российская Федерация).
 34. **Хюсер Александр** – аспирант, Лейпцигский Университет, Институт славистики (г. Лейпциг, Федеральная Республика Германии)
 35. **Черниговских Игорь Васильевич** – к. филос. н., доцент, Воронежский государственный университет инженерных технологий (г. Воронеж, РФ).
 36. **Шатилов Сергей Федорович** – Кандидат философских наук, доцент, Воронежский государственный университет инженерных технологий,
 37. **Ширкова Ирина Владимировна** – к. филос. наук, доцент кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ).

Для заметок

